

Вестник Московского университета НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0201–7385

Основан в 2011 г.

Серия XXVII ГЛОБАЛИСТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

№ 1/2 • 2014

Издательство Московского университета

Выходит два раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зинькина Ю.В., Кортаев А.В., Андреев А.И.</i> Структура глобальной миграционной сети и динамика изменения мир-системы	3
<i>Алешковский И.А.</i> Глобализационные процессы и проблемы регулирования международной миграции населения	18
<i>Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А.</i> Ноосферогенез как глобальный процесс (концепция нооглобалистики)	33
<i>Кашуро И.А., Коротина А.М.</i> Новые тенденции энергетической политики ЕС и России	51
<i>Кристиан Д.</i> Большая история: почему необходимо преподавать современную теорию происхождения мира	55
<i>Томпсон У.Р.</i> Экономическое соперничество и проблемы перехода лидерства	58
<i>Шестова Т.Л.</i> Восточная Европа в системе мир-экономических связей в эпоху раннего металла	93
 <i>Слово молодым ученым</i>	
<i>Каверин М.А.</i> Преодоление отрицательных явлений анархичности системы международных отношений международными институтами	105
<i>Нестеренко В.А.</i> Региональные аспекты применения Россией политики «мягкой силы»	113
 <i>События научной жизни</i>	
Итоги московского междисциплинарного саммита «Новые глобальные вызовы»	118

CONTENTS

The theory of Globalistics and Geopolitics

<i>Zinkina J.V., Korotayev A.V., Andreev A.I.</i> The structure of global migration network and dynamics changes in the world system	3
<i>Aleshkovsky I.A.</i> Globalization processes and issues of regulation of international migration	18
<i>Ilyin I.V., Ursul A.D., Ursul T.A.</i> Noospherogenesis as a global process (the concept of nooglobalistics)	33
<i>Kashuro I.A., Korotina A.M.</i> New trends of EU and Russia energy policy	51
<i>Christian D.</i> Big History: why we need to teach the modern origin story	55
<i>Thompson W.R.</i> Economic rivalry and the problems of transitions of leadership	58
<i>Shestova T.L.</i> Eastern Europe in the ancient world-systems	93

The Word for Young Scientists

<i>Kaverin M.A.</i> Mitigating negative phenomena of international anarchy by international institutions	105
<i>Nesterenko V.A.</i> Regional aspects of Russian policy of “soft power”	113

Scientific News Release

Moscow interdisciplinary summit “New Global Challenges”	118
---	-----

ТЕОРИЯ ГЛОБАЛИСТИКИ И ГЕОПОЛИТИКИ

Ю.В. Зинькина, А.В. Коротаев, А.И. Андреев*

СТРУКТУРА ГЛОБАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СЕТИ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ МИР-СИСТЕМЫ¹

J.V. Zinkina, A.V. Korotayev, A.I. Andreev

THE STRUCTURE OF GLOBAL MIGRATION NETWORK AND DYNAMICS CHANGES IN THE WORLD SYSTEM

Цель работы — исследовать, насколько последние десятилетия турбулентных изменений в глобализирующейся Мир-Системе повлияли на структуру мировой миграционной сети, распределение и силу бинарных межстрановых связей, а также выявить некоторые основные факторы, вероятно, оказавшие наибольшее влияние на все последние изменения в структуре глобальной миграционной сети. Применение методов сетевого анализа (в частности, анализа центральности) проливает свет на некоторые ключевые особенности глобальной миграционной сети.

Ключевые слова: миграция, глобальная миграционная сеть, сетевой анализ, центральность, Мир-Система, глобализация.

The paper investigates how and to what extent the recent decades of turbulent changes in the globalizing World System influence the overall structure of the global migration network, as well as the weights of particular country-to-country binary migration flows, and the distribution of these flows. We also seek to outline some of the main factors, which likely exert the most influence upon any recent changes in the structure of international migration network. Centrality analysis sheds light on some key features of the international migration network.

Key words: migration, global migration network, network analysis, centrality, the World System, globalization.

Система глобальных миграционных потоков существует значительно дольше собственно понятия «глобальная миграционная система»². Со времен выхода человечества из Африки межстрановые миграционные потоки вносят колоссальный вклад в формирование облика Мир-Системы, повышая ее связность и перенося с собой товары, идеи, технологии, капиталы, болезни и т.д. Однако в классических

* *Зинькина Юлия Викторовна* — канд. ист. наук, науч. сотр. лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ. *Коротаев Андрей Витальевич* — докт. ист. наук, профессор, зав. лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ. *Андреев Алексей Игоревич* — канд. биол. наук, зам. декана ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. ¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 13-06-00501).

² *Hatton T.J., Williamson J.G.* Migration and the International Labor Market, 1850–1939. N.Y.; L.: Routledge, 1994; *Manning P.* Migration in World History. N.Y.: Routledge, 2013; *Castles S., Haas H. de, Miller M.J.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 5th ed. N.Y.; L.: The Guilford Press, 2014.

работах основателей мир-системного подхода и их последователей им уделено крайне мало внимания³.

Два весьма полных обзора основных научных подходов к изучению миграции показывают, что мир-системные исследования вначале интересовались лишь вопросами внутренней миграции⁴. Однако «с середины 70-х годов, по мере того как ключевая роль мигрантов в богатых экономиках становилась более очевидной, мир-системные теоретики начали анализировать международную трудовую миграцию как один из способов, выражения отношения доминирования капиталистических экономик Центра над слаборазвитыми странами Периферии. Миграция рассматривалась как укрепление влияния военной гегемонии и контроля над мировой торговлей и инвестициями, поддерживая зависимость третьего мира от первого»⁵. Тем не менее, несмотря на растущий интерес к проблеме миграции, мир-системному анализу по-прежнему недостает рассмотрения глобальной миграционной сети, формируемой бинарными межстрановыми миграционными потоками (на наш взгляд, мир-системный анализ в целом мог бы быть существенно дополнен применением методов формального сетевого анализа к исследованию структуры различных мировых (глобальных) сетей — торговой, финансовой, информационной и др.).

В то же время увеличение связности Мир-Системы (лежащее в основе феномена глобализации), а также целый ряд турбулентных изменений, наблюдаемых в структуре Мир-Системы в последние десятилетия — смена тренда великой дивергенции трендом великой конвергенции, распад второго мира, ускорение экономической глобализации (создание в 1995 г. и с тех пор значительное расширение ВТО; быстрый рост доли международной торговли в мировом ВВП), существенные изменения в глобальном распределении труда и цепочках производства, привели к тому, что классическое деление Мир-Системы на центр и периферию все более утрачивает актуальность. Для понимания современной структуры Мир-Системы необходимо детальное изучение сложных глобальных сетей, образуемых различными видами межстрановых потоков и связей.

В последние 10–15 лет в мировой науке наблюдается заметный рост интереса к исследованию глобальных сетей, образуемых межстрановыми связями, в первую очередь мировой торговой сети⁶, а также разными финансовыми потоками и взаи-

³ *Wallerstein I.* The Modern World-System. In 3 vols. N.Y.: Academic Press. 1974, 1980, 1988; *Frank A.G.* A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History // Review. 1990. Vol. 13, N 2; *McNeil W.H.* Plagues and People. N.Y.: Anchor, 1998; *McNeill J.R., McNeill W.H.* The Human Web: A Bird's-eye View of World History. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2003; *Korotayev A.* A Compact Macromodel of World System Evolution // Journal of World-Systems Research. 2005. Vol. 11, N 1; *Idem.* Compact Mathematical Models of World System Development, and How They Can Help Us to Clarify Our Understanding of Globalization Processes // Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change / Ed. by G. Modelski, T. Devezas, W.R. Thompson. L.: Routledge, 2007; *Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D.* Introduction to Social Macrodynamics: Compact Macromodels of the World System Growth. M.: KomKniga/URSS, 2006; *Manning P.* Op. cit.

⁴ *Massey D.S., Arango J., Hugo J.* et al. World in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millenium. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 35; *Castles S., Haas H. de, Miller M.J.* Op. cit.

⁵ *Castles S., Haas H. de, Miller M.J.* Op. cit. P. 32–33.

⁶ *Kim S., Shin E.-H.* A Longitudinal Analysis of Globalization and Regionalization in International Trade: A Social Network Approach // Social Forces. 2002. Vol. 81, N 2; *Kali R., Reyes J.* The Architecture of Globalization: A Network Approach to International Economic Integration // Journal of International Business Studies. 2007. Vol. 38, N 4; *Fagiolo G.* The International-trade Network: Gravity Equations and Topological Properties // Journal of Economic Interaction and Coordination. 2010. Vol. 5, N 1; *Fagiolo G., Reyes J., Schiavo S.* The Evolution of the World Trade Web: A Weighted-Network Analysis //

модействиями⁷. К сожалению, эти направления исследований очень редко учитывают парадигму мир-системного анализа. Это, на наш взгляд, является упущением, поскольку ряд работ, исследующих различные типы связей, показывают, что данное научное направление имеет колоссальный потенциал для совершенствования наших знаний о структуре Мир-Системы, положении отдельных стран и регионов в этой структуре и ее влиянии на текущие и перспективные тенденции мирового развития. Один из классических примеров — одновременный анализ нескольких глобальных сетей (охватывающий восемь типов межстрановых связей, таких как торговля, разные типы двусторонних и многосторонних договоров, политические и военные конфликты, а также трансферт вооружения) по состоянию на 1960–1965 и 1970–1975 гг., позволивший четко идентифицировать социалистическую и капиталистическую полупериферии, конкурировавшие за мировое влияние в то время⁸.

В парадигме мир-системных исследований до сих пор недостаточно внимания уделяется глобальной сети миграционных потоков. Это во многом связано с отсутствием достоверных, сопоставимых и достаточно полных данных о межстрановых потоках мигрантов и их численности в каждой стране, дифференцированной по месту происхождения. Соответственно, исследователи вынуждены «либо сосредоточиться на данных по конкретной стране, или же рассматривать глобальные проблемы миграции с использованием очень маленькой выборки стран», учитывая международную миграцию как «по существу двустороннее явление, где миграционные потоки или общая численность мигрантов между любыми двумя странами рассматриваются как независимые ни от каких других связей»⁹. Такой подход критически ограничивает применимость значительного объема исследований миграции для анализа Мир-Системы. Однако недавнее появление двух достаточно полных баз данных по межстрановой миграции, речь о которых пойдет ниже, позволяет, наконец, ввести проблематику глобальной сети миграционных связей в мир-системные исследования.

Между тем теория международной миграции предполагает, что миграционные паттерны и пространственная структура миграционных связей достаточно стабильны во времени¹⁰. Цель данной работы — проанализировать, осталась ли структура глобальной миграционной сети относительно стабильной, несмотря на последние десятилетия бурных изменений в Мир-Системе, или же претерпела видимые изменения, а также выявить некоторые основные факторы, вероятно, оказавшие наибольшее влияние на изменения в структуре международной сети миграции (или обусловившие стабильность ее структуры).

Journal of Evolutionary Economics. 2010. Vol. 20, N 4; *Håkanson L., Dow D.* Markets and Networks in International Trade: On the Role of Distances in Globalization // *Management International Review*. 2012. Vol. 52, N 6.

⁷ *Iriyama A., Li Y., Madhavan R.* Spiky Globalization of Venture Capital Investments: The Influence of Prior Human Networks // *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2010. Vol. 4, N 2; *Minoiua C., Reyes J.A.* A Network Analysis of Global Banking: 1978–2010 // *Journal of Financial Stability*. 2013. Vol. 9, N 2.

⁸ *Kick E., Davis B.L.* World-System Structure and Change: An Analysis of Global Networks and Economic Growth Across Two Time Periods // *American Behavioral Scientist*. 2001. Vol. 44, N 10.

⁹ *Fagiolo G., Mastrorillo M.* The International-Migration Network // *Physics. Physics and Society Papers*. 2012. URL: <http://arxiv.org/abs/1212.3852>

¹⁰ *Zlotnik H.* Empirical Identification of International Migration Systems // *International Migration Systems: A Global Approach* / Ed. by M.M. Kritz, L. Lean Lim, H. Zlotnik. Oxford: Clarendon Press, 1992.

Данные. Для нашего исследования мы использовали две базы данных. Первая, созданная Группой исследования развития Всемирного банка, использует данные более тысячи национальных переписей населения и других репрезентативных на национальном уровне статистических обследований, на основе которых составлена полная глобальная миграционная матрица, где мигранты дифференцированы по стране рождения и стране проживания. Всего в базе имеется пять таких матриц, включающих 226 стран и охватывающих период с 1960 по 2000 г. с десятилетним интервалом¹¹. Эта база данных имеет несколько весьма существенных достоинств, в частности, перечень стран остается постоянным на протяжении всего рассматриваемого периода, что обеспечивает сопоставимость матриц разных лет и позволяет избежать крупных «всплесков» миграции искусственного происхождения (например, связанных с распадом СССР, когда значительное число людей подпали под формальное определение статуса мигранта, поскольку проживали не в той союзной республике, где родились, хотя в действительности никогда не покидали пределы СССР)¹².

Вторая — база данных «Тенденции международной численности мигрантов, 2013 г. — Мигранты по стране проживания и стране происхождения» (*The Trends in International Migrant Stock: The 2013 Revision — Migrants by Destination and Origin*), составленная Отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. Она также имеет форму глобальных миграционных матриц, где мигранты дифференцированы по стране рождения и стране проживания. База охватывает 232 страны, представляя данные по числу проживающих в данной стране мигрантов (дифференцированному по стране рождения) на 1990, 2000, 2010 и 2013 гг.¹³

Методологии, лежащие в основе этих баз данных, весьма близки — используется одно определение статуса мигранта (по стране рождения, а не, к примеру, по гражданству), одни и те же виды источников данных (в первую очередь переписи и обследования населения, репрезентативные на национальном уровне). Это делает их сопоставимыми и позволяет совместное использование для целей нашего исследования — данные ООН дают представление о современном состоянии глобальной миграционной сети, база Всемирного банка предоставляет достаточно глубокий исторический контекст, необходимый для понимания динамики структуры сети с течением времени.

Чтобы обеспечить полную сопоставимость баз данных, мы исключили из матриц все зависимые территории, а также все страны с населением менее 300 тыс. человек в 2012 г. Результатом стали два набора симметричных бинарных матриц, охватывающих 173 страны мира.

Методы. Основная часть используемых в настоящем исследовании методов принадлежит к социальному сетевому анализу, в основе которого лежит теория графов. Узлами сети (вершинами графа) в данном случае являются страны, а связями (ребрами графа) — наличие в стране А мигрантов, родившихся в стране В. Мы не используем такое важное понятие сетевого анализа, как «цепочки связей», по-

¹¹ Ozden C., Parsons C., Schiff M., Walmsley T. Where on Earth is Everybody? The Evolution of Global Bilateral Migration 1960–2000 // The World Bank Economic Review. 2011. Vol. 25, N 1.

¹² Ibid.

¹³ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin // United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev. 2013.

скольку речь идет не о потоках мигрантов, перемещающихся за единицу времени (скажем, за год или пятилетие), а о накопленном «запасе», общем числе мигрантов из страны В, проживающих в определенный момент времени в стране А. Наиболее важным для нас методом сетевого анализа является анализ центральности, показывающий структурную важность узла в сети. Поскольку глобальная миграционная сеть представляет собой систему с направленными взвешенными связями (т.е. миграционная связь между странами А и В характеризуется направлением — большинство стран при этом имеют парные связи — и имеет вес, соответствующий числу мигрантов из страны А в стране В), мы использовали метод вычислений центральности, нормализованной по входящим связям в различные годы.

Анализ. Более ранние работы показали, что доля международных мигрантов в населении мира оставалась достаточно стабильной на протяжении второй половины XX в.¹⁴ Однако данные Всемирного банка позволяют считать такое утверждение чрезмерными упрощением, поскольку в динамике этого показателя в течение рассматриваемого периода можно выделить три довольно отчетливых периода: в 60-е годы доля мигрантов в населении мира снизилась с 2,6 до 2,3% (по всей видимости, за счет постколониальной динамики и остаточных последствий разделения Индии в 1947 г.), затем оставалась на этом уровне до середины 80-х годов, после чего резко выросла почти до 3% всего за 5 лет. Наиболее очевидным объяснением здесь представляется распад СССР и «парад суверенитетов», в результате которого значительное число людей, никогда не выезжавших за пределы СССР, оказались рожденными в других странах (бывших союзных республиках) и стали формально подпадать под определение статуса мигрантов. Однако если бы дело было только в этом, доля международных мигрантов в населении мира после резкого «всплеска» должна была бы пойти на убыль. В реальности же наблюдалась прямо противоположная картина: доля мигрантов с тех пор не опускалась ниже 3% и несколько выросла на протяжении 2000-х гг. (рис. 1).

Рис. 1. Доля международных мигрантов в населении мира (1960–2010), %

Источник данных: World Bank. World Development Indicators Online. Washington: World Bank, 2014. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>

Рассмотрим структуру глобальной миграционной сети и ее динамику во времени. Наибольший интерес для нас представляет динамика узлов сети, имеющих

¹⁴ Zlotnik H. Op. cit.; Ozden C., Parsons C., Schiff M., Walmsley T. Op. cit.

Место	1990		2000		2010		2013	
	страна	взвешенная ночь по сте- пента- л- пни (вход- ще связи)	страна	взвешенная ночь по сте- пента- л- пни (вход- ще связи)	страна	взвешенная ночь по сте- пента- л- пни (вход- ще связи)	страна	взвешенная ночь по сте- пента- л- пни (вход- ще связи)
8	Саудовская Аравия	0,571	Украина	0,295	Великобритания	0,316	Канада	0,324
9	Канада	0,513	Великобритания	0,269	Испания	0,289	Австралия	0,286
10	Иран	0,468	Австралия	0,256	Австралия	0,274	Испания	0,284
11	Австралия	0,446	Пакистан	0,245	Индия	0,248	Италия	0,257
12	Казахстан	0,419	Казахстан	0,169	Италия	0,223	Индия	0,235
13	Великобритания	0,411	Иран	0,155	Украина	0,219	Украина	0,21
14	Гонконг	0,225	ОАЭ	0,14	Пакистан	0,196	Пакистан	0,18
15	Кот-д'Ивуар	0,208	Кот-д'Ивуар	0,134	Казахстан	0,155	Таиланд	0,167
16	Аргентина	0,181	Гонконг	0,132	Таиланд	0,15	Казахстан	0,156
17	Узбекистан	0,18	Италия	0,124	Иордания	0,127	Иордания	0,131
18	Кувейт	0,179	Иордания	0,113	Гонконг	0,125	Гонконг	0,121
19	Израиль	0,173	Япония	0,097	Иран	0,115	Иран	0,109
20	Италия	0,165	Испания	0,095	Япония	0,106	ЮАР	0,107

Источник данных: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin // United Nations database, POP/DV/MIG/Stock/Rev. 2013.

наиболее высокие показатели центральности, которые были выявлены нами при помощи метода измерения последней, нормализованной по входящим связям, в стандартном пакете социального сетевого анализа UCINET¹⁵. Результаты вычислений — перечень 20 узлов, имевших наивысшую центральность, нормализованную по входящим связям, в разные годы, представлены в табл. 1а и 1б.

Две временных точки, 1990 г. и 2000 г., охвачены обеими базами данных; сопоставление бинарных миграционных матриц, рассчитанных Всемирным банком и Бюро народонаселения ООН на эти годы, показывает хорошую сходимость данных. Единственным исключением является Германия в 1990 г., для которой оценка центральности оказывается значительно выше при расчете на основе данных Всемирного банка (0,994) нежели на основе данных ООН (0,649). Это связано со значительным расхождением в оценке числа мигрантов, проживавших в 1990 г. в Германии — 8,9 млн против 5,6 млн соответственно.

Анализ центральности позволяет выявить некоторые ключевые черты структуры глобальной миграционной сети. Так, перечень наиболее центральных узлов демонстрирует примечательную стабильность во времени — первое место неизменно занимают США, в топ-5 (или даже топ-3) входят Россия и Германия, высокую центральность имеет также ряд западноевропейских стран и Австралия. Анализ центральности позволяет проследить формирование (в 70-е годы) достаточно мощного аттрактора миграции в Персидском заливе (в первую очередь Саудовская Аравия и ОАЭ). Структура глобальной миграционной сети визуализирована на рис. 2.

Наиболее центральным узлом глобальной миграционной сети, что вполне логично, являются США, имеющие много связей с большим «весом» (в США проживают многочисленные контингенты мигрантов из разных стран). Связь между Мексикой и США имеет (со значительным отрывом) самый большой «вес» в глобальной миграционной сети: по оценкам ООН, в США в 2013 г. проживало 13 млн человек, родившихся в Мексике. Интересно отметить, что ни одна латиноамериканская страна не имеет высокой центральности в глобальной миграционной сети, т.е. не является безусловным региональным аттрактором миграции. Большинство крупных по численности контингентов мигрантов из латиноамериканских стран сосредоточены именно в США — почти «монополистическом» аттракторе миграции из этого региона мира.

Из стран Западной Европы, традиционно являющихся центральными узлами глобальной миграционной сети, наиболее высокий показатель имеет Германия, где большинство мигрантов происходит из европейских стран с более низким ВВП на душу населения. Интересно, что миграционная связь между Германией и Турцией сильна в обоих направлениях. В Германии проживает около 1,5 млн человек турецкого происхождения, но при этом около 400 тыс. рожденных в Германии живет в Турции (более многочисленным является только контингент мигрантов из Болгарии). К сожалению, мы не располагаем данными по возрастному распределению, однако можно предположить, что в первом случае (турецкие мигранты в Германии) речь идет преимущественно о трудовой миграции (и в меньшей степени о семьях трудовых мигрантов), в то время как значительную часть немецкого миграционно-

¹⁵ Borgatti S.P., Everett M.G., Freeman L.C. Ucinet 6 for Windows: Software for Social Network Analysis // Analytic Technologies. Harvard, 2002.

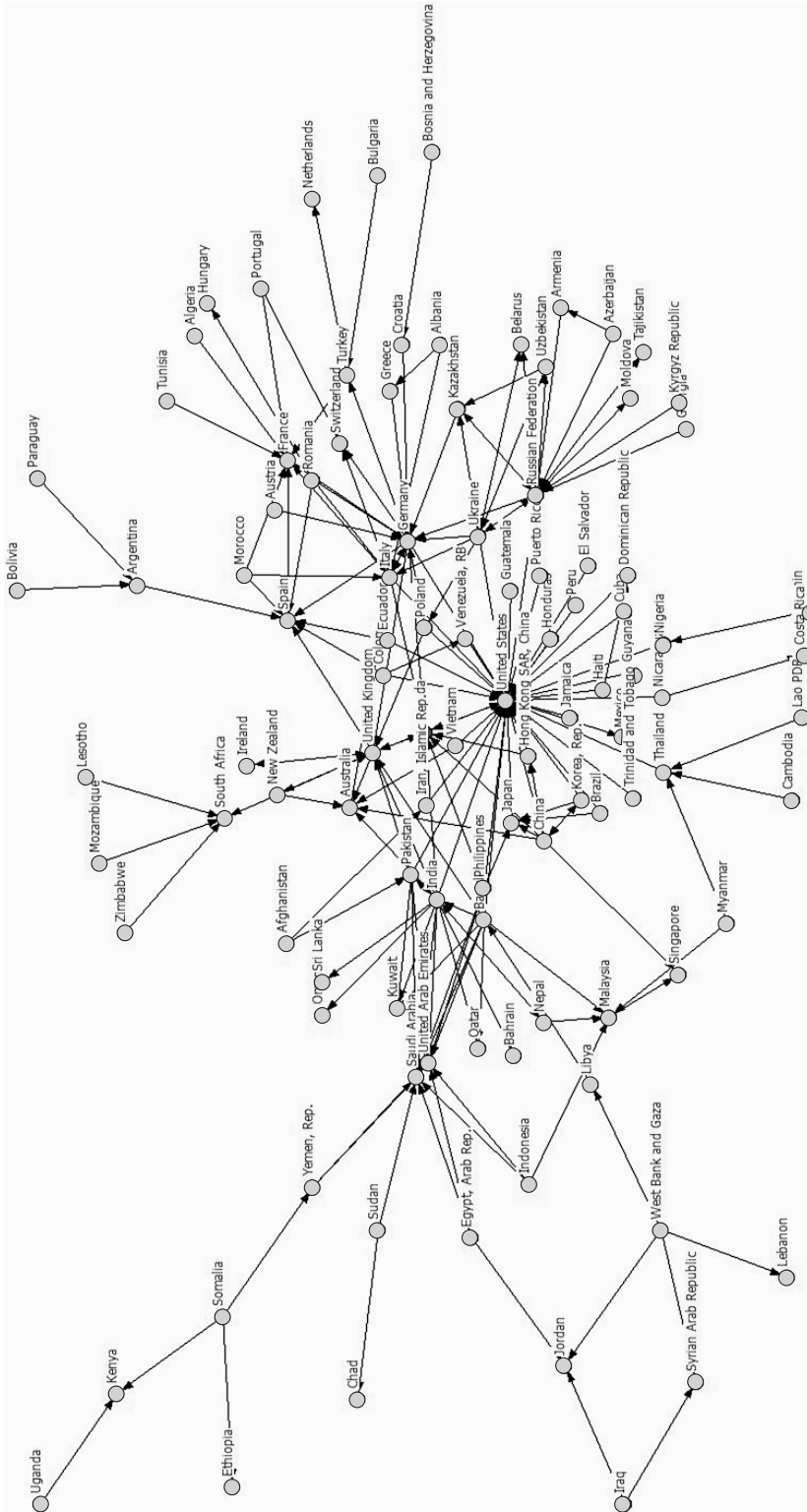

Рис. 2. Глобальная миграционная сеть по состоянию на 2013 г. с направленными невзвешенными связями (показаны связи между парами стран, где одна имеет более 200 тыс. мигрантов из другой)

го контингента в Турции составляют пенсионеры (а также некоторая часть высококвалифицированных трудовых мигрантов).

Франция, еще один центральный узел глобальной миграционной сети, имеет значительный контингент мигрантов, происходящих как из более бедных европейских стран, так и из бывших французских колоний (в особенности североафриканских). Сходный паттерн наблюдается и в Великобритании. При этом интересно, что ни во Франции, ни в Великобритании нет значительных (более 200 тыс. человек) контингентов мигрантов из каких-либо бывших колоний в Африке южнее Сахары (исключение составляют мигранты из ЮАР в Великобритании, насчитывающие как раз около 200 тыс. человек). Этот факт можно считать эмпирическим подтверждением аргумента, что хотя в наименее развитых странах «выталкивающие» факторы миграции могут быть чрезвычайно сильны, число эмигрантов при этом может быть сравнительно невелико, поскольку абсолютное большинство населения не имеет необходимых для миграции финансовых, информационных, административных и других ресурсов.

Россия в глобальной миграционной сети также представляет собой узел с достаточно высокой центральностью, однако ее роль как аттрактора миграции велика лишь в региональном масштабе (т.е. на постсоветском пространстве).

Наконец, Саудовская Аравия и ОАЭ формируют еще один центральный узел (мы полагаем, что имеет смысл рассматривать эти страны не как два отдельных реципиента миграции, а как некий единый аттрактор), привлекающий значительное число мигрантов из стран ближневосточно-североафриканского региона (прежде всего из Египта), а также из ряда азиатских стран.

Следует отметить, что распределение всех международных мигрантов в мире характеризуется степенным распределением. Если рассматривать сеть межстрановых миграционных связей не в бинарном режиме (наличие или отсутствие связи), а присваивать связям «веса» в зависимости от числа мигрантов из страны А в стране В, то в глобальной миграционной сети, по всей вероятности, можно будет обнаружить эффект «rich-get-richer» (т.е. число мигрантов наиболее заметно увеличивается в тех странах, где оно и так велико)¹⁶.

Доля всех международных мигрантов, проживающих в странах, составляющих топ-20 и топ-50 реципиентов миграции, не только очень велика (что типично для степенных распределений), но и на удивление стабильна во времени (табл. 2).

Дискуссия. Результаты нашего исследования, таким образом, поддерживают как ряд постулатов неоклассической теории миграции¹⁷, так и некоторые аргументы ее критиков.

Неоклассическая теория «рассматривает миграцию как функцию от географических различий в спросе и предложении рабочей силы. Проистекающие из этого различия в заработной плате мотивируют работников переезжать из трудоизбыточных регионов с низким уровнем заработной платы в трудодефицитные регионы с высоким уровнем заработной платы»¹⁸. Теория первоначально разработана для объяснения сельско-городской миграции, однако позже была показана ее применимость и к международной миграции, поскольку оба типа в значительной степени

¹⁶ Fagiolo G., Mastrorillo M. Op. cit.

¹⁷ Todaro M.P. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less-Developed Countries // American Economic Review. 1969. Vol. 59, N 1; Harris J.R., Todaro M.P. Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // American Economic Review. 1970. Vol. 60, N 1.

¹⁸ Castles S., Haas H. de, Miller M.J. Op. cit. P. 29.

обусловлены сходными трансформационными процессами¹⁹. Если оставить в стороне вопрос о заработной плате (который заслуживает того, чтобы стать объектом отдельного исследования), мы можем найти достаточно доказательств для использования аргументов, связанных с фактором труда, при объяснении структуры глобальной сети миграции.

Т а б л и ц а 2

Доля международных мигрантов в странах, составляющих топ-20 и топ-50 реципиентов миграции (1960–2013)

Страны	1960 Всемир- ный банк	1970 Всемир- ный банк	1980 Всемир- ный банк	1990 Всемир- ный банк	1990 ООН	2000 Всемир- ный банк	2000 ООН	2010 ООН	2013 ООН
Топ-20	72,5	72,6	71,7	70,9	69,3	70,7	69,7	70,1	69,7
Топ-50	89,8	89,7	89,3	88,1	87,7	87,9	87,7	88,6	88,6

Источник данных: *Ozden C., Parsons C., Schiff M., Walmsley T. Where on Earth is Everybody? The Evolution of Global Bilateral Migration 1960–2000*; United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division.

Говоря об основных причинах возникновения избытка рабочей силы, необходимо назвать как минимум две — явление «демографического бонуса» и процесс урбанизации. Начнем с первого. В ходе демографического перехода снижение смертности почти всегда предшествует снижению рождаемости²⁰, которое начинается с заметным запозданием. Период снижения смертности (особенно младенческой и детской) на фоне все еще традиционно высокой рождаемости приводит к появлению многочисленных поколений детей, которые по мере взросления и вступления на рынок труда производят эффект «демографического бонуса» — увеличения доли трудоспособных в населении²¹.

Тем не менее все страны с высокой центральностью по входящим связям (т.е. крупные реципиенты международной миграции) уже давно завершили демографический переход, и рождаемость в них стабилизировалась на уровне воспроизводства населения или ниже. Таким образом, они исчерпали свой «демографический бонус», естественный прирост рабочей силы в них практически прекратился, а в некоторых абсолютная численность трудоспособного населения даже сокращается. Единственное исключение — Саудовская Аравия с ее тремя

¹⁹ Ibid. P. 8.

²⁰ *Chesnais J.C. The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Clarendon Press, 1992; *Caldwell J.C., Caldwell B.K., Caldwell P. et al. Demographic Transition Theory*. Dordrecht: Springer, 2006; *Dyson T. Population and Development. The Demographic Transition*. L.: Zed Books, 2010; *Reher D.S. Economic and Social Implications of the Demographic Transition // Population and Development Review*. 2011. Vol. 37, Supplement 1.

²¹ *Population Change and Economic Development in Eastern and South-Eastern Asia: Challenges Met, Opportunities Seized // Ed. by A. Mason*. Stanford: Stanford University Press, 2001; *Bloom D., Sevilla J. The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change*. Santa Monica: RAND, 2002; *Mason A. Demographic Transition and Demographic Dividends in Developed and Developing Countries. Proceedings of the United Nations Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structures Mexico City, 31 August — 2 September 2005*. N.Y.: United Nations, 2007.

детьми на женщину; такая рождаемость обеспечивает определенный естественный прирост населения, который, однако, не трансформируется в «демографический бонус» — естественному росту рабочей силы здесь препятствует традиционно закрепившееся чрезвычайно низкое участие женщин в рынке труда.

Что касается сельско-городской миграции, этот источник быстрого роста рабочей силы также исчерпан для всех стран с высокой центральностью по входящим связям, так как урбанизация в них уже давно достигла уровня насыщения, а в странах Персидского залива такой ресурс рабочей силы, как значительные массы сельского населения, отсутствовал изначально.

Таким образом, по мере того как два основных ресурса роста рабочей силы оказываются исчерпанными, для поддержания экономического роста странам приходится прибегать к привлечению иностранной рабочей силы на свои внутренние рынки труда. Данная линия аргументации также объясняет отсутствие Китая и некоторых других быстрорастущих экономик последнего десятилетия в списке основных направлений миграции — у них нет потребности в привлечении иностранных мигрантов, так как они еще обладают собственными значительными ресурсами сельской рабочей силы, на которые можно опираться для поддержания дальнейшего роста индустриальной экономики. Этот вывод согласуется с некоторыми предыдущими исследованиями (например, работами Р. Скелдона о роли внутренней и международной миграции в странах Азии²²). Такая же ситуация наблюдается и в Индии, где традиционно проживают многочисленные мигранты из трех стран — Бангладеш, Непала и Пакистана; подобная миграция, очевидно, носит не столько экономический характер, сколько является отражением давних социокультурных связей. Такое положение, по всей вероятности, будет сохраняться долгое время: в Китае ресурсы сельского труда будут исчерпаны только к 2030-м гг., а в Индии это произойдет гораздо позже²³.

Разумеется, фактор рабочей силы ни в коей мере не способен объяснить всю сложность структуры глобальной миграционной сети. Наше исследование поддерживает некоторые аргументы критиков неоклассической теории миграции, поскольку миграционные связи со всей очевидностью определяются не только экономическими факторами, но также историческим связями (включая колониальные), географическим расстоянием, культурной дистанцией (к примеру, наличием или отсутствием общего языка) и т.д. Определение масштаба влияния каждого из этих факторов выходит далеко за рамки настоящей работы, представляя, по сути, отдельное направление в исследовании миграции. Однако дальнейшее применение социального сетевого анализа к изучению глобальной миграционной сети имеет, на наш взгляд, большой потенциал, равно как и подходы к измерению других видов глобальных сетей (и глобализации в целом), основанные на инструментариим сетевого анализа²⁴, а также объединение парадигмы мир-системного анализа с инструментариим социального сетевого анализа.

²² Skeldon R. Interlinkages between Internal and International Migration and Development in the Asian Region // *Population, Space, and Place*. 2006. Vol. 12, N 1; *Idem*. Recent Trends in Migration in East and Southeast Asia // *Asian and Pacific Migration Journal*. 2006. Vol. 15, N 2.

²³ Sadovnichy V.A., Akaev A.A., Korotayev A.V., Malkov S.Y. Complex Modeling and Forecasting of the BRICS Development in the Context of World Dynamics. M.: Nauka, 2014.

²⁴ Zinkina J., Korotayev A., Andreev A. Measuring Globalization: Existing Methods and Their Implications for Teaching Global Studies and Forecasting // *Campus-Wide Information Systems*. 2013. Vol. 30, N 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bloom D., Sevilla J.* The Demographic Dividend: A New Perspective on the Economic Consequences of Population Change. Santa Monica: RAND, 2002.
- Borgatti S.P., Everett M.G., Freeman L.C.* Ucinet 6 for Windows: Software for Social Network Analysis // Analytic Technologies. Harvard, 2002.
- Borgatti S.P., Everett M.G., Johnson J.C.* Analyzing Social Networks. Sage Publications UK. 2013.
- Caldwell J.C., Caldwell B.K., Caldwell P.* et al. Demographic Transition Theory. Dordrecht: Springer, 2006.
- Castles S., Haas H. de, Miller M.J.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. 5th ed. N.Y.; L.: The Guilford Press, 2014.
- Chesnais J.C.* The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Dyson T.* Population and Development. The Demographic Transition. L.: Zed Books, 2010.
- Fagiolo G.* The International-Trade Network: Gravity Equations and Topological Properties // Journal of Economic Interaction and Coordination. 2010. Vol. 5, N 1.
- Fagiolo G., Mastroiello M.* The International-Migration Network // Physics. Physics and Society Papers. 2012. URL: <http://arxiv.org/abs/1212.3852>
- Fagiolo G., Reyes J., Schiavo S.* The Evolution of the World Trade Web: A Weighted-Network Analysis // Journal of Evolutionary Economics. 2010. Vol. 20, N 4.
- Frank A.G.* A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History // Review. 1990. Vol. 13, N 2.
- Håkanson L., Dow D.* Markets and Networks in International Trade: On the Role of Distances in Globalization // Management International Review. 2012. Vol. 52, N 6.
- Harris J.R., Todaro M.P.* Migration, Unemployment, and Development: A Two-Sector Analysis // American Economic Review. 1970. Vol. 60, N 1.
- Hatton T.J., Williamson J.G.* Migration and the International Labor Market, 1850–1939. N.Y.; L.: Routledge, 1994.
- Iriyama A., Li Y., Madhavan R.* Spiky Globalization of Venture Capital Investments: The Influence of Prior Human Networks // Strategic Entrepreneurship Journal. 2010. Vol. 4, N 2.
- Kali R., Reyes J.* The Architecture of Globalization: A Network Approach to International Economic Integration // Journal of International Business Studies. 2007. Vol. 38, N 4.
- Kick E., Davis B.L.* World-System Structure and Change: An Analysis of Global Networks and Economic Growth Across Two Time Periods // American Behavioral Scientist. 2001. Vol. 44, N 10.
- Kim S., Shin E.-H.* A Longitudinal Analysis of Globalization and Regionalization in International Trade: A Social Network Approach // Social Forces. 2002. Vol. 81, N 2.
- Korotayev A.* A Compact Macromodel of World System Evolution // Journal of World-Systems Research. 2005. Vol. 11, N 1.
- Korotayev A.* Compact Mathematical Models of World System Development, and How They Can Help Us to Clarify Our Understanding of Globalization Processes // Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change / Ed. by G. Modelski, T. Devezas, W.R. Thompson. L.: Routledge, 2007.
- Korotayev A., Malkov A.* A Compact Mathematical Model of the World System Economic and Demographic Growth, 1 CE - 1973 CE // Statistical Finance Papers. 2012. URL: <http://arxiv.org/abs/1206.0496>
- Korotayev A., Malkov A., Khalitourina D.* Introduction to Social Macrodynamics: Compact Macromodels of the World System Growth. M.: KomKniga/URSS, 2006.
- Manning P.* Migration in World History. N.Y.: Routledge, 2013.

Mason A. Demographic Transition and Demographic Dividends in Developed and Developing Countries. Proceedings of the United Nations Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changing Population Age Structures Mexico City, 31 August — 2 September 2005. N.Y.: United Nations, 2007.

Massej D.S., Arango J., Hugo J. et al. World in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford: Clarendon Press, 1998.

McNeill J.R., McNeill W.H. The Human Web: A Bird's-eye View of World History. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2003.

McNeil W.H. Plagues and People. N.Y.: Anchor, 1998.

Minoiua C., Reyes J.A. A Network Analysis of Global Banking: 1978–2010 // Journal of Financial Stability. 2013. Vol. 9, N 2.

Ozden C., Parsons C., Schiff M., Walmsley T. Where on Earth is Everybody? The Evolution of Global Bilateral Migration 1960–2000 // The World Bank Economic Review. 2011. Vol. 25, N 1.

Population Change and Economic Development in Eastern and South-Eastern Asia: Challenges Met, Opportunities Seized / Ed. by A. Mason. Stanford: Stanford University Press, 2001.

Reher D.S. Economic and Social Implications of the Demographic Transition // Population and Development Review. 2011. Vol. 37, Supplement 1.

Sadovnichy V.A., Akaev A.A., Korotayev A.V., Malkov S.Y. Complex Modeling and Forecasting of the BRICS Development in the Context of World Dynamics. M.: Nauka, 2014.

Skeldon R. Interlinkages between Internal and International Migration and Development in the Asian Region // Population, Space, and Place. 2006. Vol. 12, N 1.

Skeldon R. Recent Trends in Migration in East and Southeast Asia // Asian and Pacific Migration Journal. 2006. Vol. 15, N 2.

Todaro M.P. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less-Developed Countries // American Economic Review. 1969. Vol. 59, N 1.

United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin // United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev. 2013.

Wallerstein I. The Modern World-System. In 3 vols. N.Y.: Academic Press, 1974, 1980, 1988.

Wallerstein I. Economic Cycles and Socialist Policies // Futures. 1984. Vol. 16, N 6.

Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today / Ed. by A. Giddens, J. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987.

World Bank. World Development Indicators Online. Washington: World Bank, 2014. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>

Zinkina J., Korotayev A., Andreev A. Measuring Globalization: Existing Methods and Their Implications for Teaching Global Studies and Forecasting // Campus-Wide Information Systems. 2013. Vol. 30, N 5.

Zlotnik H. Empirical Identification of International Migration Systems // International Migration Systems: A Global Approach / Ed. by M.M. Kritz, L. Lean Lim, H. Zlotnik. Oxford: Clarendon Press, 1992.

И.А. Алешковский*

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

I.A. Aleshkovsky

GLOBALIZATION PROCESSES AND ISSUES OF REGULATION OF INTERNATIONAL MIGRATION

В статье рассматривается история формирования нормативно-правовой базы регулирования международной миграции на глобальном уровне. Проанализирован феномен двойственного характера миграционной политики на глобальном, региональном и национальном уровнях, обусловленный несовпадением интересов различных акторов системы международных отношений. Приводятся рекомендации по совершенствованию государственной политики в области регулирования миграционных процессов.

***Ключевые слова:** глобализация, международная миграция населения, миграционная политика, двойственный характер миграционной политики.*

The author analyzes the genesis of legal framework of regulating the global international migration. The author analyzes the phenomenon of the dual nature of the migration policy on the global, regional and national levels, which occurs when the interests of the actors of the international relations system contradict. The author gives recommendations on the improvement of the national policy and migration processes regulation.

***Key words:** globalization, international migration of population, migration policy, duality of the migration policy.*

Глобализационные процессы в сочетании со стремительными переменами в глобальных политических и экономических системах способствовали резкой интенсификации международных миграционных потоков во второй половине XX в. и привели к формированию принципиально новой миграционной ситуации в мире. Так, общая численность «классических» международных мигрантов в мире за последние полвека увеличилась более чем в три раза (с 75,46 млн в 1960 г. до 232 млн чел. в 2013 г.), а иностранные граждане стали неотъемлемой частью жизни всех стран мира.

Превращение миграционных потоков в глобальное явление, оказывающее воздействие на все стороны жизни мирового сообщества, обусловили значительное увеличение интереса к проблемам международной миграции со стороны ученых, государственных и политических деятелей, международных общественных организаций, широких слоев общественности. В свою очередь, появилась потребность

* Алешковский Иван Андреевич — канд. экон. наук, доцент, зам. декана ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: aleshkovski@yandex.ru

в совершенствовании инструментов регулирования миграционных процессов на национальном и региональном уровнях, формировании миграционной политики на глобальном уровне, *которая представляет собой систему международных договоров, соглашений и других двусторонних и многосторонних нормативно-правовых актов по регулированию межгосударственных территориальных перемещений населения, преследующую социальные, экономические, демографические, геополитические и другие цели.*

Проведенный нами анализ показал, что одной из характерных особенностей сложившейся системы мер в области регулирования межгосударственных территориальных перемещений населения стал ее двойственный характер. На современном этапе это отчетливо проявляется на трех уровнях:

- на *глобальном (мировом) уровне* как результат противоречий между интересами различных акторов системы международных отношений (развитых и развивающихся стран, международных организаций и отдельных государств);
- на *региональном и межгосударственном уровне* как существование противодействующих тенденций либерализации миграционных режимов внутри интеграционных объединений и одновременного ужесточения миграционной политики по отношению к гражданам третьих стран;
- на *национальном уровне* (на уровне отдельных государств) как противоречие между социально-демографическими и экономическими интересами, с одной стороны, и соображениями национальной безопасности, с другой.

Глобальный (мировой) уровень миграционной политики

Основу нормативной базы по вопросам регулирования миграционных процессов на межгосударственном уровне составляют международные договоры, соглашения, рекомендации и другие нормативно-правовые акты, которые принимаются на различных заседаниях и конференциях, проводимых под эгидой ведущих международных организаций, прежде всего Организации Объединенных Наций и ее подразделений (ЮНФПА, ЮНКТАД, УВКБ ООН), Международной организации по миграции и Международной организации по труду.

Среди глобальных конференций особое место принадлежит Всемирным конференциям ООН, имеющим межправительственный статус. Всего их было проведено пять, в том числе три по вопросам народонаселения и развития (в 1974 г. в Бухаресте, в 1984 — в Мехико, в 1994 г. — в Каире), на которых были приняты два основополагающих документа, содержащие концептуальные подходы и механизмы реализации миграционной политики: Всемирный план действий в области народонаселения (1974) и Программа действий в области народонаселения и развития (1994).

Во Всемирном плане действий в области народонаселения, в частности, указывается, что «для некоторых стран международная миграция может стать, при определенных обстоятельствах, инструментом демографической политики. По крайней мере, два типа международной миграции представляют значительный интерес для многих стран в мире: миграции трудящихся-мигрантов с низкой квалификацией и миграции квалифицированных рабочих и специалистов. Перемещения неквалифицированных мигрантов часто являются многочисленными и поднимают такие вопросы, как справедливое и надлежащее отношение в странах иммиграции, разрушение семейных связей и другие социально-экономические вопросы как в странах

эмиграции, так и в странах иммиграции. Миграция квалифицированных рабочих и специалистов приводит к «утечке умов», в основном из развивающихся стран в развитые страны, что в настоящее время становится предметом значительного беспокойства во многих странах мира и международного сообщества в целом. Количество документов по этой проблематике и возрастающий интерес международных организации отражают международную осведомленность по этим вопросам»¹.

В числе рекомендаций в области регулирования международной миграции Всемирного плана действий в области народонаселения содержатся следующие:

- правительства и международные организации должны прежде всего облегчать добровольные межгосударственные миграции;
- правительствам, которые рассматривают международную миграцию важной для их развития в краткосрочной или долгосрочной перспективе, рекомендуется проводить двусторонние или многосторонние консультации с целью гармонизации их политики в области международной миграции;
- проблемы беженцев и вынужденно перемещенных лиц, в том числе их право на возвращение домой и право на имущество, должны быть урегулированы в соответствии с принципами Устава ООН, Всеобщей декларацией прав человека и другими международными документами;
- страны, которые сталкиваются с оттоком трудящихся мигрантов и желают сохранить оставшихся работников и/или способствовать возвращению работников, должны прилагать усилия для создания благоприятных возможностей для трудоустройства на национальном уровне;
- страны, принимающие мигрантов, должны обеспечить надлежащее медицинское обслуживание и услуги социального обеспечения для мигрантов и членов их семей, должны гарантировать их физическую безопасность;
- в отношении трудящихся-мигрантов правительствам следует принять меры по предотвращению дискриминации на рынке труда и в обществе, защите прав человека и борьбе с предрассудками в их отношении, устранению препятствий на пути воссоединения их семей;
- правительства принимающих стран должны способствовать постоянным мигрантам сохранять свое культурное наследие, в том числе за счет использования их родного языка;
- законы, направленные на ограничение нелегальной иммиграции, должны относиться не только к нелегальным мигрантам, но и к тем, кто стимулирует или содействует их незаконным действиям, а также должны учитывать международное право и основные права человека;
- правительствам следует иметь в виду гуманитарные соображения в отношении нелегальных мигрантов;
- необходимо принять меры по разработке национальной и международной политики, направленной на предотвращение «утечки умов»;
- развивающимся странам, страдающим от значительной эмиграции квалифицированных рабочих и специалистов, следует предпринять обширные образовательные программы кадрового планирования и инвестиций в научно-технические программы;

¹ Compendium of Recommendations on International Migration and Development: The United Nations Development Agenda and the Global Commission on International Migration Compared. N.Y.: United Nations, 2006. P. 23.

- необходимо принять меры для стимулирования возвращения ученых и квалифицированных кадров на конкретные вакансии;
- в странах, где иммиграция имеет долгосрочный характер, предлагается изучить возможности распространения национальных гражданских прав на иммигрантов;
- странам с большим числом трудящихся-мигрантов настоятельно рекомендуется заключить двусторонние или многосторонние соглашения, которые бы регулировали миграцию, вопросы защиты и помощи трудящимся-мигрантам, защищали интересы затронутых миграцией стран².

На Международной конференции по народонаселению 1984 г. были сформулированы общие рекомендации по разработке политики в области международной миграции, в их числе содержались следующие:

- политика в области международной миграции должна уважать основные права и свободы человека;
- принимающие страны должны реализовать меры для защиты основных прав человека для всех мигрантов на их территории, обеспечить уважение к их культурной идентичности;
- должны быть приняты меры в целях содействия взаимной интеграции иммигрантов и населения принимающих стран;
- правительствам принимающих стран следует учитывать не только экономические и социальные интересы собственных стран, но и вопросы благополучия мигрантов и их семей, а также демографические последствия миграции;
- правительства стран эмиграции, затронутые продолжающимся оттоком квалифицированных рабочих и специалистов, должны стремиться сохранять таких работников, а также стимулировать их возвращение, в том числе путем развития благоприятной экономической среды и расширения возможностей трудоустройства;
- правительства принимающих стран должны работать в направлении распространения на зарегистрированных трудящихся-мигрантов и сопровождающих членов их семей основных прав, аналогичных правам граждан их стран, в том числе условий трудоустройства, социального обеспечения, участия в профсоюзах, доступа к услугам здравоохранения, образования и другим социальным услугам;
- правительствам принимающих стран предлагается рассмотреть вопрос о принятии мер по содействию нормализации семейной жизни зарегистрированных трудящихся-мигрантов в принимающих странах через воссоединение семей;
- правительства стран происхождения и принимающих стран должны провести информационно-просветительские мероприятия с целью повышения осведомленности мигрантов относительно их правового положения и прав, обеспечить реалистичную оценку положения мигрантов, в том числе о наличии рабочих мест;
- принимающие страны должны признать право мигрантов на объединение, чтобы они могли более эффективно участвовать в жизни принимающего общества, сохраняя свою культурную самобытность;
- правительствам стран происхождения и принимающих стран следует поощрять и способствовать широкому распространению информации, направленной на

² Ibid. P. 24–26.

содействие пониманию общественностью и предотвращение любой деятельности, наносящей ущерб вкладу зарегистрированных трудящихся-мигрантов в экономическое развитие и культурный обмен;

- все меры, принятые или осуществляемые странами отправления и прибытия, чтобы уменьшить незаконный въезд, пребывание или трудоустройство нелегальных мигрантов (включая амнистии, другие программы регулирования, пограничный контроль и депортации) должны уважать основные права человека;
- при разработке законов и нормативных актов, направленных на ограничение нелегальной миграции, чтобы быть эффективными, содержащиеся в них меры должны распространяться не только на нелегальных мигрантов, но и на тех лиц, которые стимулируют и содействуют нелегальной миграции;
- правительства и международные организации должны стремиться найти долгосрочные решения проблем, связанных с беженцами и перемещением беженцев, и работать в направлении устранения причин этих проблем;
- основные права и свободы человека должны быть гарантированы для беженцев и членов их семей, должна быть оказана помощь в развитии возможностей для возвращения к нормальному и продуктивному образу жизни³.

В Программе действий в области народонаселения и развития, принятой в 1994 г. и рассчитанной на двадцать лет, международной миграции посвящена отдельная X глава. В ней, в частности, указывается, что эффективная политика в области международной миграции должна строиться с учетом ограниченных экономических возможностей принимающей страны, влияния миграции на принимающее общество и ее воздействия на страны происхождения. В Программе даны рекомендации в области миграционной политики, в частности:

- правительствам принимающих стран предлагается рассмотреть возможность использования определенных форм временной миграции, таких как краткосрочная миграция и миграция, связанная с осуществлением проектов, в целях повышения квалификации граждан стран происхождения, особенно развивающихся стран и стран с переходной экономикой;
- правительствам рекомендуется обмениваться информацией о своей политике в области международной миграции и правилах, регулирующих въезд и пребывание мигрантов на их территории;
- правительствам предлагается рассмотреть возможность ратификации Международной конвенции о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей⁴;
- правительствам принимающих стран рекомендуется рассмотреть возможность распространения на зарегистрированных мигрантов, которые удовлетворяют соответствующим требованиям относительно сроков пребывания, и на членов их семей, находящихся в принимающей стране на законных основаниях, одинакового по сравнению со своими гражданами обращения в плане осуществления основных прав человека, принять соответствующие меры, с тем чтобы избежать любых форм дискриминации в отношении мигрантов;

³ Ibid. P. 27–30.

⁴ Конвенция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1990 г., впервые устанавливала международное определение различных категорий рабочих-мигрантов и представляла собой важный шаг к закреплению ответственности принимающих стран в признании прав мигрантов и обеспечении их защиты. Вступила в силу с 2003 г.

- правительства принимающих стран должны обеспечивать защиту мигрантов и членов их семей;
- правительствам как принимающих стран, так и стран происхождения следует вводить эффективные санкции против лиц организующих незарегистрированную миграцию, эксплуатирующих незарегистрированных мигрантов или занимающихся торговлей незарегистрированными мигрантами;
- правительства при поддержке соответствующих международных организаций должны препятствовать распространению незарегистрированной миграции путем ознакомления потенциальных мигрантов с юридическими условиями въезда, пребывания и обеспечения занятости в принимающих странах посредством информационной деятельности в странах происхождения;
- правительствам стран происхождения и принимающих стран следует искать удовлетворительное и долгосрочное решение проблем, порождаемых незарегистрированной миграцией, путем проведения двусторонних или многосторонних переговоров, в том числе относительно заключения соглашений о реадмиссии;
- правительства настоятельно призываются соблюдать нормы международного права применительно к беженцам⁵.

Таким образом, предложенные на Всемирных конференциях по народонаселению рекомендации отражают тот факт, что международная миграция может способствовать формированию нового международного экономического порядка, и признают, что необходимым условием для реализации положительного вклада миграции в развитие принимающих стран является эффективная защита основных прав и свобод человека для всех мигрантов без дискриминации по признаку расы, культуры, религии или пола.

Рекомендации по совершенствованию системы управления процессами международной миграции содержатся и в решениях других всемирных конференций и саммитов, в том числе Всемирных конференций ООН по вопросам окружающей среды и развития (Рио-де-Жанейро, 1992; Йоханнесбург, 2002); Международной конференции по правам человека (Вена, 1993); Всемирного саммита по вопросам социального развития (Копенгаген, 1995); IV Международной конференции по проблемам женщин (Пекин, 1995), Всемирной конференции по проблемам расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости (Дурбан, 2001) и др.

Еще одним важным мероприятием межправительственного характера является Бернская инициатива (2001), в рамках которой была выработана Международная программа регулирования миграционных процессов.

Особого упоминания заслуживают итоговые рекомендации по совершенствованию регулирования международной миграции на национальном, региональном и глобальном уровнях, подготовленные в 2003–2005 гг. под эгидой Глобальной комиссии по вопросам международной миграции⁶.

Опубликованный Департаментом по экономическим и социальным вопросам Секретариата ООН в 2006 г. «Сборник рекомендаций по вопросам международной миграции и развития» («Compendium of Recommendations on International Migration

⁵ Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию // Доклад Междунар. конф. по народонаселению и развитию. Каир, 5–13 сентября 1994 г. Нью-Йорк: ООН, 1995.

⁶ Compendium of Recommendations on International Migration and Development. P. 87–121.

and Development”) характеризует, в какой степени принятые документы способны служить ориентиром для правительств с точки зрения содействия выработке совместных инициатив в области управления международной миграцией.

В сентябре 2006 г. в Нью-Йорке прошел первый Диалог на высоком уровне по вопросам международной миграции и развития, в ходе которого были рассмотрены многоплановые аспекты этой проблемы, включая обмен опытом и информацией о передовой практике в отношении возможных путей максимального увеличения связанных с международной миграцией выгод и уменьшения ее негативных последствий. По его итогам было принято решение о создании Глобального форума по проблемам международной миграции и развития (*Global Forum on Migration and Development*).

В 2007–2014 гг. в рамках Глобального форума прошло семь совещаний (Бельгия, 2007; Филиппины, 2008; Греция, 2009; Мексика, 2010; Швейцария, 2011; Маврикий, 2012; Швеция, 2014), в которых приняли участие представители более 160 государств — членов ООН и более 45 международных организаций. В 2015 г. мероприятия пройдут в Турции.

Работа Глобального форума позволяет обеспечить систематическое неформальное обсуждение специалистами и лицами, ответственными за принятие решений, актуальных вопросов совершенствования миграционной политики в интересах развития; обмен передовым опытом в этой области; выявить имеющиеся проблемы в регулировании миграционных процессов на национальном, региональном и международном уровнях; обсудить возможности установления партнерских отношений и сотрудничества между странами, международными организациями и диаспорами по вопросам миграции и развития.

В октябре 2013 г. в Нью-Йорке состоялся второй Диалог на высоком уровне по вопросам международной миграции и развития. В принятой по его итогам декларации, в частности, указывается, что представители государств:

- принимают решение действовать в направлении разработки эффективной и всеохватной повестки дня по вопросам международной миграции, включающей в себя аспект развития и обеспечивающей соблюдение прав человека, за счет улучшения деятельности существующих институтов и структур, а также повышения эффективности партнерских связей со всеми заинтересованными сторонами, причастными к международной миграции и развитию, на региональном и глобальном уровнях;
- признают необходимость в таком международном сотрудничестве, которое позволяло бы целостно и всеобъемлющим образом решать проблемы неорганизованной миграции в целях обеспечения безопасной, упорядоченной и организованный миграции при полном соблюдении прав человека;
- признают усилия, прилагаемые международным сообществом, по урегулированию соответствующих аспектов международной миграции и развития на основе различных инициатив как в системе Организации Объединенных Наций, так и в рамках других процессов;
- подтверждают необходимость действенного поощрения соблюдения и защиты прав человека и основных свобод всех мигрантов, особенно женщин и детей, независимо от их миграционного статуса и решения проблем международной миграции на основе международного, регионального и двустороннего сотрудничества и диалога;

- отмечают в этой связи необходимость принятия надлежащих мер по защите трудящихся женщин-мигрантов во всех секторах, в том числе женщин-мигрантов, работающих в качестве домашней прислуги;
- подчеркивают необходимость соблюдения и поощрения соответствующих международных трудовых норм и соблюдения прав мигрантов на работе;
- рекомендуют государствам-членам сотрудничать в разработке программ мобильности, способствующих безопасной, упорядоченной и организованной миграции, в том числе мобильности рабочей силы⁷.

Таким образом, итоговые документы конференций и встреч на высшем уровне под эгидой ООН содержат основные направления действий по совершенствованию управления миграционными процессами, а также направлены на извлечение максимальной пользы из процесса миграции с точки зрения развития.

Вместе с тем анализ основных межгосударственных документов в области регулирования миграционных процессов, выявил *двойственный характер миграционной политики на глобальном уровне*. Двойственность заключается прежде всего в том, что интересы различных акторов системы международных отношений часто входят в противоречие друг с другом. Так, например, существуют противоречия между основными странами эмиграции и странами иммиграции. Как следствие, многие подписанные на международных конференциях документы и соглашения из-за их ратификации незначительным числом стран долгие годы остаются не вступившими в силу или применяются в ограниченном числе стран.

Характерный пример — ситуация с ратификацией международных конвенций, касающихся трудящихся мигрантов и затрагивающих экономические интересы отдельных государств. Так, конвенции Международной организации труда (МОТ) 1949 г. № 97 от «О трудящихся-мигрантах» ратифицировали до настоящего времени только 26% и 1975 г. № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» — 12% стран. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятая в 1990 г., вступила в силу только в 2003 г. и до настоящего времени ратифицирована только 24% стран (табл. 1).

Завершая обсуждение миграционной политики на глобальном уровне, подчеркнем важную особенность в отношении мирового сообщества к проблеме международной миграции — она рассматривается как функция изменяющихся политических, экономических и социальных условий и неотъемлемый элемент развития.

При этом во всех дискуссиях по вопросам миграции просматриваются три ключевые «проблемы»:

- 1) недостаток достоверных и полных статистических данных по миграции;
- 2) комплексный характер международной миграции и отсутствие всеобъемлющей теории миграции;
- 3) сложная взаимосвязь между миграцией и развитием, неполное понимание совокупностей взаимосвязей между миграцией и различными факторами (экономическими, политическими, экологическими и др.).

Поиск решения этих проблем необходим для выработки обоснованной миграционной политики, принятия решений по всем актуальным аспектам взаимосвязи миграции и развития, реализации потенциала международной миграции в развитии стран происхождения, транзита и назначения.

⁷ International Migration Policies 2013. N.Y.: United Nations, 2013.

Положение с ратификацией международно-правовых документов, касающихся международной миграции

Договор	Год вступления в силу	Участники договоров на 19.04.2006		Участники договоров на 01.12.2013	
		число стран	доля стран, %	число стран	доля стран, %
Конвенция МОТ 1949 г. № 97 «О трудящихся-мигрантах»	1952	45	23	49	26
Конвенция МОТ 1975 г. № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения»	1978	19	10	23	12
Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.	2003	34	17	47	24
Протокол 2000 г. «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее»	2003	97	50	157	81
Протокол 2000 г. «Против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху»	2004	89	46	137	71
Конвенция о статусе беженцев 1951 г.	1954	143	73	144	75

Источник: Compendium of Recommendations on International Migration and Development: The United Nations Development Agenda and the Global Commission on International Migration Compared. N.Y.: United Nations, 2006; International Migration Policies 2013. N.Y.: United Nations, 2013.

Региональный уровень миграционной политики

Региональное сотрудничество в сфере управления международной миграцией подразделяется на официальные механизмы, действующие в рамках региональных интеграционных объединений (*либерализация мобильности населения как составная часть региональной интеграции*), и региональные межгосударственные соглашения (*единая миграционная политика в рамках межгосударственных соглашений*)⁸, а также менее формальные механизмы (например, региональные консультативные советы).

Развитие интеграционных процессов между государствами одного региона, как правило, предусматривает и определенную свободу передвижения граждан

⁸ Как правило, межгосударственные соглашения в области управления миграционными процессами заключаются между странами одного региона. Однако существуют и межрегиональные межгосударственные соглашения. Так, например, между Европейским союзом и Соединенными Штатами Америки существует соглашение, согласно которому их граждане могут передвигаться по США и ЕС без визы не более трех месяцев в течение полугодия.

этих государств через их государственные границы, создание так называемых прозрачных границ.

Наиболее ярким примером управления международной миграцией в рамках регионального интеграционного объединения является режим свободного перемещения граждан и рабочей силы в рамках Европейского союза. В настоящее время граждане стран — членов ЕС могут свободно передвигаться через внутренние межгосударственные границы с различными целями (в том числе для найма на работу или организации предпринимательской деятельности) без ограничения продолжительности пребывания на территории другого государства. Европейский союз также проводит единую политику в отношении иммиграции и предоставления убежища гражданам третьих стран, укрепляет партнерство с основными странами происхождения мигрантов, разрабатывает и принимает меры для обеспечения равного обращения с гражданами третьих стран, проживающими в странах — членах ЕС. Необходимо отметить, что принятые к настоящему времени общеевропейские нормативно-правовые акты в основном касаются правил предоставления убежища и предотвращения нелегальной иммиграции, и лишь некоторые из них рассматривают вопросы легальной иммиграции, в том числе воссоединения семей, привлечения студентов, исследователей и высококвалифицированных трудящихся-мигрантов.

Механизмы регулирования международной миграции, в том числе соглашения о содействии передвижению лиц или трудящихся-мигрантов, действуют и в рамках других региональных интеграционных объединений, включая Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Андское сообщество, Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР), Содружество независимых государств (СНГ), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Центральноеафриканское экономическое и валютное сообщество (ЦАЭВС), Евразийский экономический союз и др.

Региональные межгосударственные соглашения представляют собой официальные договоренности о сотрудничестве в области управления миграционными процессами. Согласно проведенному в 2005 г. МОТ обследованию, 66 стран, представляющих доклады, заключили около 600 двусторонних соглашений в области регулирования международной миграции, при этом на долю десяти стран пришлось около половины всех соглашений⁹. Большинство соглашений (63%) заключены между странами Европы, 11% — между Канадой и США. В основном межгосударственные соглашения касаются программ приглашения трудовых мигрантов, приема стажеров или молодых специалистов, сезонной миграции, вопросов координации материальных прав и выплат в области социального обеспечения, реадмиссии нелегальных иммигрантов, вопросов содействия безопасному и своевременному переводу денежных средств трудящихся-мигрантов.

Так, в Соглашении стран — членов СНГ о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов (1994) указывается, что «стороны предпринимают необходимые меры с целью предотвращения трудоустройства трудящихся-мигрантов посредниками, не имеющими соответствующих разрешений компетентных органов Стороны выезда на осуществление такой

⁹ Без централизованного регистра межгосударственных соглашений об их количестве судить трудно. По некоторым оценкам, их вдвое больше чем сообщено МОТ (см. подробнее: *Compendium of Recommendations on International Migration and Development*. P. 100).

деятельности. Всякое лицо, способствующее тайной или незаконной иммиграции, несет ответственность в соответствии с действующим законодательством Стороны трудоустройства»¹⁰. В Соглашении о сотрудничестве государств СНГ в борьбе с незаконной миграцией (1998) указывается, что «правительства государств — участников соглашения рассматривают сотрудничество в борьбе с незаконной миграцией как одно из важных направлений регулирования миграционных процессов»¹¹.

Следует отметить, что двусторонний подход позволяет правительствам действовать более гибко, чем общие соглашения в рамках интеграционных объединений, поскольку условия каждого соглашения можно сформулировать с учетом ситуации в соответствующих странах. Однако с точки зрения регулирования миграционных потоков, отслеживание хода осуществления многочисленных соглашений, содержащих различные положения, увеличивает административное бремя.

Новой формой сотрудничества стали региональные консультативные советы (РКС), число которых многократно возросло с начала 1990-х гг. Одни из первых РКС — межправительственные консультации по вопросам политики в области убежища, беженцев и миграционной политики в Европе, Северной Америке и Австралии, которые стали проводиться с 1985 г. для обсуждения вопросов предоставления убежища. В настоящее время, по данным ООН, в Европе действуют несколько таких советов, в том числе Будапештский процесс, Сёдеркёпинг, Панъевропейский диалог по управлению миграцией и др. Как правило, РКС носят неофициальный характер и их решения, несмотря на то что они получают одобрение участвующих сторон, не являются обязательными. Вместе с тем они содействуют диалогу и обмену информацией, позволяют собрать вместе официальных представителей стран происхождения, транзита и назначения мигрантов, способствуют координации и согласованности действий не только на международном, но и на национальном уровне.

Проведенный нами анализ показал, что *двойственный характер миграционной политики на региональном уровне* имеет следующие аспекты. Первый состоит в том, что в современном мире в условиях активно развивающихся интеграционных процессов, с одной стороны, происходит либерализация миграционной политики, появляются «прозрачные границы» в рамках региональных союзов, обеспечивается свобода перемещения населения и рабочей силы граждан стран-участниц через внутренние государственные границы этих союзов. С другой стороны, в рамках интеграционных объединений происходит унификация законодательства в области регулирования международной миграции, а также имеет место принятие все более жестких мер в отношении иммигрантов из третьих стран, что обусловлено различными аспектами национальной безопасности (в том числе борьба с угрозами международного терроризма, защита национального рынка труда). Так, например, в настоящее время страны — участницы Шенгенского соглашения внедряют единую визовую информационную систему (ВИС), которая предусматривает снятие отпечатков пальцев заявителей на получение визы.

Второй аспект заключается в том, что интересы и задачи интеграционного объединения в целом могут не совпадать или даже противоречить интересам от-

¹⁰ Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов от 15.04.1994 г. URL: http://moscow.iom.int/russian/Legislation/CIS_LabourMigration_ru.pdf

¹¹ Соглашение о сотрудничестве государств СНГ в борьбе с незаконной миграцией от 06.03.1998 г. URL: http://ufms-ural.ru/normative_documents/?item=1397&catalog=48

дельных участвующих в нем государств. Например, позиция Великобритании с самого начала ее вхождения в ЕС (1973) имела особый ограничительный характер, что затем нашло отражение в том, что она не подписала Шенгенское соглашение. В настоящее время правительство Великобритании рассматривает возможность введения ограничительных мер по отношению к мигрантам из других стран Европейского союза, а также ограничений по их пользованию социальными услугами и системой социальной защиты Великобритании. В Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА) между США, Канадой и Мексикой свобода передвижения граждан, в том числе трудящихся-мигрантов, обеспечивается между США и Канадой, в то время как возможности трудовой миграции мексиканских граждан в эти страны существенно ограничены.

Национальный уровень миграционной политики

На разных исторических этапах в миграционной политике государства преобладает та или другая ее составляющая (эмиграционная или иммиграционная), которая и определяет в целом ее сущность в данный период.

В специальном периодическом издании ООН по демографической политике (*World Population Policies Database*) содержится отдельный информационный раздел о взглядах национальных правительств на миграцию и о государственной политике в области международной миграции.

Как видно из табл. 2 и 3, в настоящее время только 13% суверенных государств (большая часть из которых расположена в Африке) не регулируют уровень иммиграции. Тогда как политику в отношении эмиграции не проводят 45% государств (в основном страны Африки, Европы и Северной Америки). При этом все развитые страны реализуют меры в области регулирования иммиграции, тогда как эмиграции — только 20%.

Таким образом, в современных условиях в большинстве стран мира преобладающей становится иммиграционная политика, в рамках которой правительства проявляют большой интерес к тому, что собой представляют иммигранты, и предъявляют к въезжающим требования, касающиеся уровня образования, профессии, квалификации, материального состояния, возраста, семейного положения и т.п. На последние характеристики обращают особое внимание как с учетом ситуации на национальном рынке труда и исходя из демографических соображений, так и с учетом аспектов национальной безопасности.

Стоит отметить, что наибольшие изменения, произошедшие в национальной миграционной политике с конца 1950-х гг., связаны именно с ее иммиграционной составляющей. Для государств, традиционно проводящих иммиграционную политику, суть изменений состоит в том, что принятые законы направлены, во-первых, на поощрение иммиграции высококвалифицированных специалистов, во-вторых, на борьбу с нелегальной миграцией.

Анализ законов, принятых в последние годы и направленных на противодействие нелегальной миграции, демонстрирует *двойственность политики принимающих государств*: с одной стороны, *политика в отношении вновь прибывающих мигрантов становится все более рестриктивной*, с другой стороны, *проводится политика легализации тех, кто въехал в страну раньше и нелегально трудоустроился*. В развитых странах с 1980 по 2014 г. было проведено свыше 30 миграционных амнистий, свыше 10 млн нелегальных иммигрантов амнистированы. Факти-

чески речь идет не об искоренении нелегальной иммиграции, а о легализации тех, кто въехал в страну раньше и нелегально трудоустроился. Так, в 2014 г. Президент США Б. Обама подписал указ о реформе миграционной системы США, предполагающий легализацию свыше 5 млн нелегальных мигрантов. Необходимо отметить, что ряд экспертов высказываются против проведения такого рода кампаний, поскольку последние, по их мнению, лишь увеличивают потенциальные масштабы нелегальной иммиграции.

Т а б л и ц а 2

Взгляды национальных правительств на иммиграционную политику (2011)

Регион	Политика в области уровня иммиграции			
	снижение, %	поддержка, %	увеличение, %	без вмешательства, %
Мир в целом	16	60	11	13
Европа	11	64	25	—
Африка	19	38	2	41
Азия	30	55	12	2
Латинская Америка и Карибский бассейн	12	79	3	6
Северная Америка	—	100	—	—
Австралия и Океания	—	94	6	—

Т а б л и ц а 3

Взгляды национальных правительств на эмиграционную политику (2011)

Регион	Политика в области уровня эмиграции			
	снижение, %	поддержка, %	увеличение, %	без вмешательства, %
Мир в целом	24	22	9	45
Европа	18	14	—	68
Африка	25	15	2	58
Азия	21	29	29	21
Латинская Аме- рика и Карибский бассейн	33	36	—	30
Северная Америка	—	—	—	100
Австралия и Океа- ния	31	19	31	19

Источник: International Migration Policies 2013. N.Y.: United Nations, 2013.

Двойственность миграционной политики на национальном уровне также проявляется в противоречиях экономического, демографического и геополитического характера. Так, в интересах демографического и экономического развития часто представляется необходимым провести либерализацию миграционной политики, в то время как интересы национальной безопасности нередко настаивают на ее ужесточении. Последнее противоречие особенно наглядно проявилось после событий 11 сентября 2001 г.

Что касается миграционной политики России, то, с одной стороны, за современный период ее развития (1991–2014 гг.) была создана определенная законодательная база в области регулирования миграционных процессов, а с другой стороны, в России до сих пор нет стратегического видения миграции как положительного явления.

Двойственность миграционной политики России проявляется в том, что на высшем государственном уровне (в частности, в Посланиях Президента России Федеральному собранию РФ) провозглашается тезис о необходимости проведения осмысленной иммиграционной политики, привлечения из-за рубежа наших соотечественников и квалифицированных легальных трудовых ресурсов, тогда как на «исполнительном» уровне отношение государства к управлению миграционными процессами остается во многом полицейским, а сама миграция рассматривается прежде всего как процесс, угрожающий национальной безопасности России. Сохранение такой ситуации идет в разрез с интересами экономического и демографического развития страны. Таким образом, сохраняется потребность в совершенствовании миграционной политики России.

В заключение отметим, что, на наш взгляд, для преодоления двойственного характера миграционной политики правительствам, прежде всего принимающих стран, необходимо осознать, что обеспечение легитимного поля международной миграции и рациональное использование имеющейся у мигрантов квалификации может быть достигнуто только с помощью разумной, стратегически выверенной миграционной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский И.А., Ионцев В.А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире // Век глобализации. Вып. 2. 2008.

Алешковский И.А. Международная миграция в начале XXI века: Глобальные тенденции и особенности России // Геополитика и безопасность. 2010. № 4 (12).

Алешковский И.А. Тенденции международной миграции населения в современной России в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1.

Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию. Каир, 5–13 сентября 1994 г. Нью-Йорк: ООН, 1995. URL: http://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/icpd_rus.pdf

За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике. Доклад VI Междунар. конф. труда, 92-я сессия, 2004 г. Женева: МОТ, 2004.

Ивахнюк И.В. Международная миграция как ресурс развития (Замечания в связи с глобальной дискуссией) // Век глобализации. 2011. № 1.

Ионцев В.А. Международная миграция: Теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 3. М.: Диалог-МГУ, 1999.

Руководство по разработке эффективной политики в области трудовой миграции в странах происхождения и назначения. М.: МОМ, 2006.

Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов от 15.04.1994 г. URL: http://moscow.iom.int/russian/Legislation/CIS_LabourMigration_ru.pdf.

Соглашение о сотрудничестве государств СНГ в борьбе с незаконной миграцией от 06.03.1998 г. URL: http://ufms-ural.ru/normative_documents/?item=1397&catalog=48

Aleshkovski I., Ivakhniouk I. New Approaches to International Migration Management in Russia in the Early 2000s // International Migration Trends. Scientific Series “International Migration of Population: Russia and the Contemporary World” / Ed. V. Iontsev. Vol. 14. Moscow: Max Press, 2005.

Appleyard Reginald. *International Migration Policies: 1950–2000* // *International Migration*. 2001. Vol. 39 (6).

Compendium of Recommendations on International Migration and Development: The United Nations Development Agenda and the Global Commission on International Migration Compared. N.Y.: United Nations, 2006.

International Migration Policies 2013. N.Y.: United Nations, 2013.

Report of the International Conference on Population, Mexico City. 6-14 August 1984. N.Y.: United Nations, 1984.

United Nations Millennium Declaration. In *General Assembly resolution 55/2 of 8 September 2000*. N.Y.: United Nations, 2000.

World population plan of action. Report of the United Nations World Population Conference, Bucharest. 19–30 August 1974. N.Y.: United Nations, 1975.

И.В. Ильин, А.Д. Урсул, Т.А. Урсул*

НООСФЕРОГЕНЕЗ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС (КОНЦЕПЦИЯ НООГЛОБАЛИСТИКИ)

I.V. Ilyin, A.D. Ursul, T.A. Ursul

NOOSPHEROGENESIS AS A GLOBAL PROCESS (THE CONCEPT OF NOOGLOBALISTICS)

В статье отмечается, что учение о ноосфере в трудах В.И. Вернадского развивалось на концептуальной основе, в которой глобализм и идеи становления ноосферы оказались соединенными в целостную форму мировоззрения. На базе мировоззрения нооглобализма ныне формируется новое направление глобалистики — нооглобалистика. Характерной чертой будущей ноосферы окажется ее глобальный характер, который определяется не только глобальными процессами и биосферно-экологическими соображениями, а фактически всеми основными мегатенденциями и составляющими системы человеческой деятельности как цивилизационно-культурного развития. Ноосферогенез рассматривается в работе как основное средство и форма выживания человечества и как главная цель всего современного и будущего цивилизационного развития, включая переход к глобальной устойчивости, созидание информационной цивилизации, глобализацию и другие позитивные процессы глобального развития. Речь также идет о наступлении нового этапа — уже неклассического, причем не просто в учении о ноосфере, но шире — в ноосферных исследованиях и, тем самым, превращении «учения» в науку или научное направление. Раскрывается процесс глобального перехода человечества к устойчивому развитию, информационная сущность феномена ноосферы и становления ее главного ядра — коллективного ноосферного интеллекта.

***Ключевые слова:** глобальное, глобальные процессы, глобальная эволюция, информационный критерий, культура, нооглобалистика, ноосфера, ноосферогенез, ноосферный интеллект, устойчивое развитие.*

The article notes that the doctrine of the noosphere in the works of V.I. Vernadsky developed on the conceptual framework in which globalism and the idea of formation of the noosphere were connected to form a coherent worldview. On the basis of this worldview now formed a new direction of globalistics — nooglobalistics. A characteristic feature of the future of the noosphere would be its global nature, which is determined not only by global processes and the biosphere, environmental considerations, and in fact all the major megatrends and system components of human activity as a civilizational and cultural development. Noospherogenesis considered in the work as the primary means and form of the survival of humanity and the main goal of all current and future development of

* *Ильин Илья Вячеславович* — докт. полит. наук, канд. геол.-минерал. наук, зав. кафедрой глобалистики и декан ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова; *Урсул Аркадий Дмитриевич* — акад. Академии наук Молдавии, докт. филос. наук, засл. деятель науки РФ, директор Центра глобальных исследований, профессор ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова; *Урсул Татьяна Альбертовна* — докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСиС».

civilization, including the transition to global sustainability, the creation of an information civilization, globalization, and other positive processes of global development. It also comes to the occurrence of a new phase — is a non-classical, and not just in the teaching of the noosphere, but wider — in noosphere studies and thereby convert the “teaching” in science or scientific field. Reveals the process of the global transition to sustainable development of mankind, info essence of the phenomenon of formation of the noosphere and its main core — the collective intelligence of the noosphere.

Key words: *global, global evolution, global processes, culture, information criterion, nooglobalistics, noosphere, noospherogenesis, noosphere intelligence, sustainable development.*

Основные идеи этой работы сложились под влиянием существенного «взрыва» исследований творчества В.И. Вернадского в связи с празднованием в 2013 г. 150-летия со дня его рождения, который широко отмечался научными и другими юбилейными мероприятиями в нашей стране. В них приняли участие и авторы данной статьи, обнаружившие новое в творческом наследии Вернадского в области его учения о ноосфере и установившие приоритетность и глобальную направленность многих его научных исследований¹.

Известно, что В.И. Вернадский предсказал, что научная мысль обретет «планетный» (глобальный) характер. И конкретные очертания этого предсказания мы видим как в ныне происходящих глобальных процессах в мире и их осмыслении, так и в предвидении и исследовании будущих социальных и социоприродных эволюционных процессов. В.И. Вернадский сейчас видится в качестве мудрого мыслителя глобальной эпохи, которая в перспективе становится также эпохой ноосферы.

В его трудах учение о ноосфере с самого начала формировалось в общепланетарном ракурсе, т.е. как мировоззрение ноосферного глобализма (нооглобализма), в котором глобализм и идеи становления ноосферы оказались соединенными в целостную форму мировоззрения. Можно, пожалуй, говорить о предвидении им особого — планетарно-глобального, а в дальнейшем и ноосферного этапа развития науки в целом, который отражает и вместе с тем предвещает появление глобально-ноосферного периода совместной истории человечества и природы.

В первой половине прошлого века российский ученый академик В.И. Вернадский и два французских ученых — П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа выдвинули идею становления сферы разума — ноосферы в качестве главного направления дальнейшего развития человечества, которое должно рационализировать цивилизационный процесс, обеспечить выживание цивилизации. Так, Леруа полагал, что эволюция приобретает качественно новую форму с появлением человека, который благодаря своему разуму становится фактором дальнейшего поступательного раз-

¹ См.: Ильин И.В., Урсул А.Д. В.И. Вернадский — основоположник глобальных исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2013. № 1; *Они же*. Глобальные исследования и эволюционный подход. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013; Урсул А.Д., Урсул Т.А. Становление ноосферы как глобальный процесс // Глобалистика-13. Мат-лы III Междунар. науч. конгресса; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 23–25 октября 2013 г.: Тезисы докладов. М.: МАК-СПресс, 2013; *Они же*. В.И. Вернадский и глобально-ноосферные исследования // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 03; Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобалистика и глобальные исследования. Глобальная революция в науке. Саарбрюкен: Dictus Publishing, 2014; Урсул А.Д. Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез. М.: Ленанд, 2015.

вития всей природы и тем самым биосфера переходит в сферу разума. Концепции ноосферы, которые были предложены их основоположниками, существенно различались между собой. Однако все они имели некоторое общее содержание и исследовательскую ориентацию — веру в силу разума (не только человеческого) и представление интеллекта в его различных формах в качестве главного движущего механизма последующей уже «целесообразно-разумной» эволюции.

Хотя термин «ноосфера» не употреблялся К.Э. Циолковским, тем не менее он также говорил о роли разума во Вселенной, полагая, что мысль оказывается не только геологическим фактором (о чем писал В.И. Вернадский), но и станет решающим фактором в эволюции космоса. Эти две идеи — Вернадского о планетарном характере становления ноосферогенеза и Циолковского о грядущей космической перспективе ноосферогенеза и будут положены в основу данной статьи, в которой на основе синтеза нооглобализма и антропокосмизма будет показано, как реализуется идея ноосферы в свете науки начавшегося века, в частности, формируется новое направление глобалистики — нооглобалистика.

Идея об усилении роли разума в развитии общества не является достоянием лишь конца тридцатых годов XX века, когда французский ученый и философ Э. Леруа, а затем его соотечественник П. Тейяр де Шарден и В.И. Вернадский стали использовать понятие «ноосфера». Не стоит жестко привязывать ноосферные идеи, концепции и движения к термину «ноосфера», имея также в виду, что эти идеи и течения с самого начала своего генезиса являются международными, а теперь их можно считать уже глобальными. Роль и место разумного начала в социальной деятельности определяет становление ноосферной идеи, начиная с античности, а тем более, когда стали применяться такие термины как «царство разума» (просветители), «мир разума» (мондиалисты), информационное общество, общество знания или же принятый в России термин «ноосфера». Поэтому «ноосферное движение» оказывается более широким, чем те исследования, которые используют ставший уже традиционным термин «ноосфера».

В.И. Вернадский признавал приоритет упомянутых своих коллег во введении термина «ноосфера». Так, во фрагменте «Несколько слов о ноосфере» он отмечает: «Приняв установленную мною биогеохимическую основу биосферы за исходное, французский математик и философ бергсонианец Е. Ле-Руа в своих лекциях в Коллеж де Франс в Париже ввел в 1927 г. понятие “ноосферы” как современной стадии, геологически переживаемой биосферой. Он подчеркивал при этом, что он пришел к такому представлению вместе со своим другом, крупнейшим геологом и палеонтологом Тельяром де-Шарденом, работающим теперь в Китае»².

Важной особенностью ноосферной идеи В.И. Вернадского является выяснение роли разума не только в жизни общества, но через него в эволюции биосферы (особенно геологической и биосферной эволюции). В принципе идея ноосферогенеза как становления сферы разума отличается от идеи ноогенеза (которая была предложена П. Тейяром де Шарденом³) тем, что в первом случае ноогенез рассматривается совместно с трансформациями окружающей его среды. Это напоминает идею биосферы (теория которой была существенно развита Вернадским⁴), когда биота включается в сферу взаимодействующего с ней косного вещества. И такая

² Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 241.

³ См.: Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.

⁴ См.: Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 2004.

идея оказывается в эволюционном плане более адекватной, поскольку развитие общества, тем более прогрессивное, в силу синергетических соображений следует рассматривать в перспективе как соразвитие, желательное, благодаря предстоящим трансформациям как коэволюцию социума совместно с природной средой, за счет которой оно происходит.

Тем самым речь должна идти именно о ноосферогенезе, а не о ноогенезе, как об этом пишет в своей книге «Феномен человека» П. Тейяр де Шарден, уделяя внимание в основном развитию сознания, процессу интеллектуализации материи в ходе эволюции. Ноосферогенез как процесс становления сферы разума — более широкое и адекватное понятие, чем ноогенез, поскольку он касается не только духовно-интеллектуальной составляющей ноосферы, но и материальной, не только культурно-информационной, но и вещественно-энергетической — и это существенное отличие точки зрения В.И. Вернадского от его уже упомянутых коллег.

Информационно-интеллектуальная природа ноосферогенеза

Если бы ранее не была бы высказана идея ноосферы, она все равно появилась бы, поскольку формирование такого уникального информационного и в тоже время социоприродного образования обусловлено самой информационной сущностью социальной ступени развития материи, что отличает ее от информационных характеристик биологической ступени⁵. Одной из важнейших особенностей биологической информации является то, что она в основном накапливается, хранится и передается последующим поколениям эндогенно — на генетическом уровне. Конечно, в ходе обучения в процессе онтогенеза появляется и внегенетическая информация, но потомкам она не передается. Биологическая ступень эволюции внутри себя как бы создала информационные пределы, которые определили и ограничили ее место на супермагистральной глобальной (универсальной) эволюции. Следующая за ней социальная ступень эволюции для себя снимает эти ограничения, благодаря чему получает возможность дальнейшей ускоренной самоорганизации, обретая новые, более эффективные и безопасные способы существования и взаимодействия с окружающей средой⁶.

Наряду с генетическими механизмами эволюции информационных процессов в биологических системах, возник и развернулся связанный с ними процесс цефализации, который оказался решающим для выхода особых гоминид из мира биоты в новый — социальный мир. Процесс цефализации стал тем важным звеном на глобально-эволюционной траектории, который показывает, как произошел (и по какому пути пошел) переход от основного эндогенно-генетического механизма накопления информации к экзогенно-культурной форме этого продолжения супермагистральной эволюции. В.И. Вернадский и П. Тейяр де Шарден особо выделяли в эволюции процесс цефализации, на вершине которого оказался человек. Тем самым ноосферогенез оказывается предвидимым этапом предшествующей глобально-универсальной эволюции, которая будет реализовываться в социоприродной форме, вначале на планете Земля, а затем и за ее пределами как высшее достижение социокультурного развития человеческой цивилизации.

⁵ См.: Урсул А.Д. Информация и культура // Философия и культура. 2011. № 1.

⁶ См.: Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012; Они же. Глобальный эволюционизм и глобальные исследования // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. Спец. вып. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.

Именно благодаря действию экзогенного информационно-культурного вектора дальнейшей поступательной эволюции, биологическое развитие человека уходит на периферийное место, хотя полностью не останавливается. За последние сорок тысяч лет геном человека изменился менее чем на сотые доли процента, и человечество как биологический вид практически уже не эволюционирует (либо эволюционирует весьма медленно) в различных природных условиях планеты в отличие от того, как это происходило с его предками в «биологическую эру». Это произошло потому, что «человек культурный» — и он же *Homo sapiens* — передал основную функцию накопления информации в социосфере от своего организма внешнему для него, но имманентно с ним связанному эволюционному процессу культурогенеза.

Главным процессом накопления информации в социальной ступени благодаря появлению сознания выступает внеорганизменный и внегенетический информационный процесс, тогда как в биологической ступени такое накопление происходит в основном на генетическом уровне. Разумеется, в социальной ступени эволюции также происходят генетические процессы накопления и передачи информации, поскольку человек не только социальное разумное существо, но и биологическое. Однако не они определяют основные информационные процессы в обществе, которые скрываются в культуре как сущностной характеристике социальной эволюции. Наличие надбиологических механизмов, т.е. программ, кодов, алгоритмов и т.д., действительно играет важнейшую роль в развитии общества, выражая не только его отличие от биологической ступени, но фактически глубинную информационно-культурную природу социальной ступени.

Само название «ноосфера» — сфера разума — на первый план выделяет не столько материальный компонент обсуждаемого здесь будущего глобального типа интеллекта, сколько информационно-идеальные факторы. Ноосфера (от греч. νόος — разум и σφαῖρα — шар) видится нам как гипотетическое будущее состояние (и вместе с тем дальнейший глобальный процесс) общества и его взаимодействия с природой, в котором приоритетное место будет занимать коллективный общечеловеческий разум, именуемый ноосферным интеллектом, направляющий эволюцию цивилизации в прогрессивно-поступательном и безопасном направлении. Вполне понятно, что идеальное не может существовать без материального, и ноосфера — это материально-идеальное образование, но главенствующим активным фактором выступает разум (а в перспективе и мудрость) в самых различных формах, но прежде всего — в его глобальном измерении и становлении. Конечно, идеальное появляется на определенном этапе развития материи, но опять-таки на другом, более позднем этапе развития идеальное, человеческий интеллект в его коллективно-глобальной форме должен занять приоритетные позиции, продвигаясь в «пространство мудрости», которая тоже может принять надындивидуальный характер.

Этот этап социальной ступени эволюции материи, на котором судьбы материи во Вселенной «делегируются» ею порожденному общепланетарному (а в перспективе глобально-космическому) и общечеловеческому интеллекту, и имеет смысл связывать с ноосферой. Ноосфера будет представлять (в своем идеальном варианте) социоприродную систему, в которой планетарное опережающее управление реализуется нравственно-справедливым разумом человека и глобальным интегральным интеллектом, формируемым с помощью компьютерных и телекоммуникационных

технологий (в том числе систем искусственного интеллекта и глобальной сети информационной связи).

Однако между пока гипотетическим глобально-ноосферным интеллектом и современным состоянием общественного сознания в его глобальном масштабе существует кардинальное противоречие. Движение от глобализации и информатизации к планетарно-целостному ноосферному интеллекту должно разрешить противоречие между принципиальной ограниченностью индивидуального (атомарного) интеллекта и объективными императивами перехода к цивилизации устойчивого развития (УР). Этому последнему должен соответствовать принципиально новый тип интеллекта, обслуживающего не только интересы отдельного человека и ограниченных коллективов, но и всего человечества ради всеобщего выживания.

«Интеллектуальное» противоречие между нынешней и будущими моделями цивилизационного развития должно разрешаться в пользу формирования в ходе ноосферогенеза коллективно-целостного интеллекта всего человечества. Именно в этом и будет заключаться основной интеллектуально-информационный процесс становления ноосферы, опирающийся и «накладывающийся» на переход к социоприродному устойчивому развитию. Но это не означает, что развитию индивидуального интеллекта уже не должно уделяться внимание. Речь идет о гармонизации процессов развития личностной и коллективно-ноосферной форм интеллекта. Коллективному интеллекту, процессу формирования его глобально-космических форм должно быть уделено не меньшее внимание, чем индивидуальному, поскольку от этого зависит судьба всего человеческого рода, а не только отдельного человека. Переход же от индивидуального к коллективно-глобальному интеллекту во всей гамме социальных взаимодействий потребует существенного изменения ценностных ориентиров и формирования новых целей глобального развития.

В современной модели социально-экономического развития, как правило, принимают решения атомарные либо корпоративно-групповые субъекты, индивиды и коалиции (в свою пользу, а не в интересах выживания всего человечества). И лишь в последние десятилетия начал формироваться так называемый социальный (социально-технологический) интеллект, представляющий собой не общественное сознание в его традиционном понимании, а гибридный человеко-машинный интеллект, включающий в себя и естественный, и искусственный интеллект, и другие средства информатики.

Многие социоприродные феномены и тенденции окажутся в будущем составляющими общепланетарного и космизирующегося процесса — ноосферогенеза, который включит в себя и другие мегатренды — информатизацию, интеллектуализацию, экологизацию, глобализацию, футуризацию и т.д. Однако среди всех этих направлений эволюции наиболее существенное значение для формирования ноосферы имеют информатизация и интеллектуализация, поскольку они наиболее тесно связаны с той важной тенденцией, которая направлена на изменение сознания человека и всего человечества. Если некоторые другие упомянутые выше составляющие так или иначе были ориентированы на преобразование природы, ее вещества и энергии, имели направленность от общества к окружающей его природной среде, то информатизация оказалась процессом трансформации информационно-интеллектуального мира человека, его сознания и мышления на всех уровнях — личностном, коллективном — вплоть до созидания пока гипотети-

ческого «глобально-космического сознания», которое в перспективе ноосферогенеза должно будет обрести форму ноосферного интеллекта.

Глобально-коллективный интеллект, соответствующий ноосфере, не может сформироваться в современной модели неустойчивого развития (НУР) в силу ряда причин и прежде всего из-за атомарно-индивидуалистического принципа поведения человека в обществе и отсутствия необходимой целостности цивилизации (которая сформируется лишь на завершающей стадии глобализации через переход к УР). Однако от принципа выживания индивида в экономоцентрическом обществе необходимо переходить на принцип выживания всего человечества в благоприятной для него окружающей среде. Выживание человечества возможно лишь на пути повышения степени его «интеллектуально-информационной рациональности» либо даже «глобальной мудрости» благодаря объединению индивидуальных интеллектов в некоторую системную целостность с помощью средств информатики и всех используемых информационных процессов.

В условиях выживания человечества на пути становления ноосферы через устойчивое развитие необходимо формирование принципиально нового типа интеллекта, который, с одной стороны, воплощал бы все позитивные качества интеллекта индивида, а с другой — носил бы планетарно-интегративный, надиндивидуально-синергетический характер, расширившись до глобально-космических масштабов, реализуя не только новые типы разума и рациональности, но и черты и императивы мудрости.

Основная идея создания ноосферного интеллекта — повысить степень системности, достоверности, обоснованности, превентивности и эффективности принимаемых всем мировым сообществом решений, учитывая интересы не только нынешних, но и будущих поколений (и в какой-то степени сохранения биосферы в целом). Это невозможно реализовать лишь на уровне индивидуальных и корпоративных интеллектов ныне существующих поколений. Необходима их дальнейшая «интегративная рационализация» вплоть до формирования общецивилизационной и даже «социоприродной» рациональности (эта рациональность не будет только научной, а более широкой и интегративно-деятельностной).

Вполне понятно, что во имя выживания всего человечества приходится выделять в качестве приоритетных наиболее эффективные рациональные механизмы выживания и движения по пути устойчивого развития ноосферной ориентации. В перспективе важно исследовать связь таких форм рациональности с нерациональными факторами (инстинктом, верой, волей и т.д.), от которых также зависит переход к сфере разума, особенно в начальный период перехода к устойчивому развитию, когда, например, демографический или религиозный факторы могут оказаться решающими. И, конечно, важно проанализировать возможность становления «глобальной мудрости», которая может стать идеалом для последующих форм ноосферогенеза.

В связи с этим уместно обратить внимание, что в своей «философии всеединства» русский философ В.С. Соловьёв обосновывал представление о том, что разум может разъединять людей, тогда как мудрость должна стать основой их соединения в целостную систему. Его идея всеединства как в определенной степени философское предвидение ныне развертывающегося процесса глобализации и даже ноосферогенеза выражает наличие взаимосвязи и взаимопроникновения составляющих элементов мирового бытия, их органическое единство при сохранении индивиду-

альности. Не углубляясь в эту концепцию, можно полагать, что не столько разум, сколько мудрость должна стать той интеллектуально-культурной основой, на которой будет строиться сфера или даже более широко — пространство мудрости.

Впрочем, такое отношение к мудрости характеризует не только философию всеединства, но философию вообще, особенно на ранних стадиях ее становления. Ведь этимологически слово «философия» (древнегреч. φιλοσοφία) как раз и означало «любовь к мудрости». Термин «мудрость» не случайно появилось на ранней стадии эволюции философии, представляя собой некоторое синкретическое понятие, но затем, как и философия, оно начало расчленяться, дифференцироваться и сейчас свелось к рациональности или даже к экономической рациональности, **в результате чего человек** все больше стал рассматриваться как Homo economicus.

Сейчас понятно, что мудрость не может сводиться ни к разуму, ни к рациональности, это системное и более фундаментальное для общечеловеческого сознания понятие, включающее в себя рациональность, в том числе и научную в качестве одной из составляющих. Мудрость опирается на научное знание, на знание в более широком смысле и, конечно, на здравый смысл, но оказывается гораздо более широким и системным понятием, а не характеристикой собственно научных знаний. Мудрость как глубокий и всесторонний разум, опирающийся на жизненный опыт, стали больше относить к сфере нравственности и этики, где знания индивида тесно соединяются с ценностями. Мудрость предстает в качестве единства творческого мышления с высокой нравственностью и гуманизмом, что придает знанию смысл и формирует жизненную ориентацию индивидуального либо коллективного субъекта, усиливая его ответственность за будущие действия.

Особое внимание следует обратить на то, что мудрость дает возможность предвидения вероятного развития процессов и событий. Способность видеть будущее, умение прогнозировать ход событий относят едва ли не к наиболее важной характеристике феномена мудрости. Однако речь, скорее всего, идет о соблюдении принципа темпоральной целостности в особой форме: знать прошлое, понимать настоящее, осознавать будущее и принимать адекватные решения, учитывая возможные их последствия. Существуют другие характеристики и черты мудрости, на которых мы не будем останавливаться⁷. Можно также ожидать, что по мере созидания сферы разума поэтапно, насколько это возможно, к ней будут добавляться и черты феномена мудрости, но уже не только в индивидуальном, но и в коллективно-глобальном ракурсе.

Глобальное измерение ноосферогенеза

Ноосфера — это зрелый и завершающий этап перехода к устойчивому развитию, это основная цель, желаемое будущее состояние коэволюции общества и природы, когда может быть обеспечен непрерывный прогресс всей мировой цивилизации и прежде всего в интеллектуально-духовном измерении. В этой связи уместно заметить, что выживание цивилизации и сохранение биосферы, на чем сосредоточена концепция устойчивого развития, — это необходимое условие становления ноосферы, и оно включается в этот процесс как составная часть и одна из главных целей УР. Если говорить о современном состоянии перехода к УР, то приверженность курсу на этот тип развития, на обеспечение построения эконо-

⁷ См.: Назаров В.Н. Феноменология мудрости: Образы мудреца в истории культуры (нравственно-философское исследование). Тула: Изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1993.

мически, социально и экологически устойчивого будущего для нашей планеты и для нынешних и будущих поколений продемонстрировала состоявшаяся в июне 2012 г. Конференция ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (Рио+20). На конференции отмечалось, что дальнейшее формулирование целей развития цивилизации может быть полезным для придания деятельности в области УР целенаправленного и последовательного характера.

Была признана также важность и целесообразность выработки нового комплекса целей в области УР, который имел бы в своей основе положения Повестки дня на XXI век и Йоханнесбургского плана выполнения решений и полностью соответствовал бы всем рио-де-жанейрским принципам. Кроме того, он позволял бы учитывать обстоятельства, возможности и приоритеты разных стран, отвечал бы нормам международного права, опирался на уже принятые обязательства и способствовал полному осуществлению решений всех основных встреч на высшем уровне по экономической, социальной и экологической проблематике, включая положения итогового документа Рио+20⁸.

Без формулировки этих целей для УР, имеющего глобальный характер, вряд ли имеет смысл говорить о становлении глобального управления, поскольку раньше общих целей у человечества просто не было, оно развивалось стихийно-хаотично. Такие цели в области развития были сформулированы, например, в Декларации тысячелетия, принятой в 2000 г. Эти цели должны затрагивать и сбалансированно охватывать как минимум три основные составляющие (экономическую, социальную и экологическую) устойчивого развития и взаимосвязи между ними. Они должны быть согласованы с Повесткой дня ООН в области развития на период после 2015 г. и интегрированы в нее. Тем самым они будут способствовать устойчивому развитию и стимулировать осуществление и повсеместное внедрение его принципов в рамках системы ООН в целом.

Устойчивое развитие, на наш взгляд, должно быть не просто непрерывным движением без цели и изменения качества, а управляемым устойчивым движением к ноосфере как новому качественному состоянию человечества. В этой связи уместно заметить, что выживание цивилизации и сохранение биосферы (на чем сосредоточена концепция УР) — это необходимый глобальный императив и условие становления ноосферы, включенное в этот процесс как составная часть.

Планетарный характер становления сферы разума (мировоззренческий и методологический принцип нооглобализма) определяется не только глобализацией через УР и биосферно-экологическими соображениями, не только несколькими развернувшимися мегатенденциями, скажем, информатизацией и интеллектуализацией, а фактически всеми основными составляющими системы человеческой деятельности как глобального цивилизационно-культурного развития.

Уже отмечалось, что смысл понятия «глобальный» может существенно меняться в зависимости от типа глобальных исследований⁹. Казалось бы, глобальными процессами можно называть процессы, происходящие в пределах нашей планеты,

⁸ См.: Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим». URL: <http://www.un.org/ru/sustainablefuture/>

⁹ См.: Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционная глобалистика: Концепция эволюции глобальных процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009; *Они же*. Глобальный эволюционизм и эволюционная глобалистика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2011. № 1; *Они же*. Глобалистика и глобальные исследования: Проблемы методологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2012. № 1/2.

обнаруживающие определенную «глобальную целостность» либо стремящиеся к ней. В этом смысле глобальные процессы — это не просто процессы, происходящие на Земле, а общепланетарные процессы, т.е. охватывающие всю планету в целом. Вместе с тем глобальные процессы в «пространственно-количественном» ракурсе могут мыслиться как процессы, охватывающие все мироздание, по крайней мере, ту его часть, которая относится к видимой Вселенной. Глобальность того или иного процесса в этих двух пространственных смыслах существует не всегда, и об этом красноречиво свидетельствуют исследования как процесса глобализации, так и не существующего пока феномена ноосферы.

Отход от понятия ноогенеза и видение становления сферы разума как ноосферогенеза, пространственное расширение сферы разума за пределы социума имеет кроме вышеупомянутых и другие теоретико-методологические основания: ведь ограничение сферы разума только обществом вовсе не означает, что последнее ведет себя разумно по отношению к природе. И это демонстрирует современная глобально-экологическая ситуация, которая стремительно ухудшается в современной модели неустойчивого развития¹⁰. Сейчас же цивилизация, формально состоящая из более чем двух сотен суверенных государств и государственно-подобных образований и семи миллиардов автономных индивидов, судорожно цепляясь за старую модель развития, неуклонно движется к своему финалу — глобальной социально-экологической катастрофе, и в этом трагическое противоречие неустойчивого развития.

Поэтому ныне имеющийся, но пока неопределимый совокупный «интеллект человечества» гораздо менее эффективен среднего индивидуального интеллекта, если иметь в виду здорового нормального человека, а не больного либо девиантного индивида, стремящегося к суициду. Помимо прочего, это связано с отсутствием необходимых взаимосвязей между частями мирового социума (которые имеются на уровне индивида), возникающими в процессе глобализации, которая в этом смысле выступает как одно из направлений формирования ноосферного интеллекта. Вот почему «коллективизация» и «глобализация» разума вплоть до обретения им нового качества и целостности в процессе будущего ноосферогенеза преследуют цель распространить более рациональное (эффективное) поведение на всю человеческую цивилизацию и ее взаимодействие с природой.

Последнее десятилетие прошлого века внесло важные коррективы в понимание процесса становления ноосферы. Ноосфера — не просто сфера распространения человека разумного (даже наименование которого *Homo sapiens* сейчас стало подвергаться серьезным сомнениям и дискуссиям¹¹). Ноосфера, как полагал В.И. Вернадский, — «новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности»¹². Ученый рассматривает ноосферогенез

¹⁰ См.: GEO-5. Глобальная экологическая перспектива: Резюме для политиков. Найроби: ЮНЕП, 2012.

¹¹ См.: *Савицкий И.* Ноосфера и формирование человека // Вестн. высшей школы. 1990. № 3. С. 28–29; *Прозоров Л.Л.* Было ли учение Вернадского о ноосфере? // Пространство и время. 2012. № 4; *Универсальная и глобальная история: Эволюция Вселенной, Земли, жизни, общества.* Волгоград: Учитель, 2012. С. 677.

¹² *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. С. 241.

как продолжение геологической эволюции, в которой крупнейшей геологической силой выступает уже не только биота, но уже и человечество.

Хотя здесь развиваются основополагающие идеи Вернадского о ноосфере, но вместе с тем идет определенное расширение концептуального видения феномена ноосферы до эволюционно-космических масштабов. Речь идет не только о том, что биосфера создает возможности становления сферы разума, но и о том, что появление ноосферы обусловлено глобальной эволюцией во Вселенной. По сути дела, ноосферогенез как грядущий глобальный процесс становления сферы разума в перспективе оказывается тем этапом глобальной эволюции в мироздании, которая будет реализоваться в социоприродной форме вначале на Земле, а затем и за ее пределами¹³.

Становление ноосферы представляется не только как неизбежный этап на пути планетарного развития, но и как продолжение глобальной эволюции, ее основной траектории — так называемой супермагистрали, характеризующейся ростом сложности и накоплением информационного содержания все более высоких структур и систем в ходе их самоорганизации. Ноосферный этап глобальной эволюции наступает, когда в цивилизации появляется не только огромное информационное содержание, но и новое качество информационно-интеллектуальных процессов, особенно свойство опережения глобально-коллективным интеллектом своего бытия.

Очевидно, что одно из важных качеств этого информационно-интеллектуального фактора будет заключаться не только в пространственных, но и в темпоральных характеристиках и параметрах дальнейшего ноосферного развития. Ноосферный интеллект как принципиально новая форма «общественного сознания», объединяющая интеллектуальные ресурсы человечества и средства информатики, будет использовать опережающие механизмы для реализации желаемых вариантов социоприродной эволюции. Общественное сознание в прошлой и современной социосфере значительно отстает от социального и социоприродного бытия, запоздало отражая его и позволяя ему развиваться стихийно. В ноосфере же целостно-планетарный интеллект получает возможность предвидеть это бытие, прогнозируя и проектируя желаемое будущее. Вполне понятно, что это существенно повышает длительность существования человеческой цивилизации, приближая реализацию высказанной К.Э. Циолковским идеи о возможности социального бессмертия человечества.

В истории человечества с точки зрения цивилизационных исследований было всего два крупных этапа — доцивилизационный и, начиная с агронеолитической революции, — этап становления локальных и смены мировых цивилизаций. Однако благодаря разворачиванию процессов глобализации, перехода к устойчивому развитию и формированию глобального информационного общества человечество уже начинает превращаться в единую глобальную цивилизацию. Этот целостный глобально-планетарный мир представляется нам цивилизацией ноосферы, завершая тем самым в основном локально-фрагментарные цивилизационные процессы на нашей планете появлением третьего — ноосферного этапа, сопряженного с формированием принципиально нового способа взаимодействия природы и общества и появлением глобально-коллективного интеллекта.

Однако это вовсе не означает, что на этом цивилизационный процесс завершится и что будет иметь место своего рода очередной «конец истории». Ученые рассматривают некоторые возможные перспективы дальнейшей эволюции нашей

¹³ См.: Урсул А.Д. Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез.

цивилизации как на планете, так и в космосе¹⁴, высказывают разного рода гипотезы и даже предлагают экзотические сценарии грядущего в еще мало предсказуемой Вселенной, о чем мы кратко упомянем в конце статьи.

Неклассический этап ноосферных исследований

Сейчас можно констатировать наступление нового этапа — уже неклассического, причем не просто в учении о ноосфере, но шире — в ноосферных исследованиях, этапа превращения «учения» в науку, научное направление или же пока в теоретическую концепцию. Термин «учение» перестал использоваться для формирования новых направлений и научных дисциплин. Более того, наметилась довольно стабильная тенденция называть новые дисциплины так, как именуются сами объекты исследования, когда гносеологический и онтологический аспекты даже редакционно совпадают в наименовании (экономика, история, мировая политика, геополитика и т.д.).

Понимание того, что представляет собой ноосфера, зависит прежде всего от осознания начала ее появления (как, впрочем, и наоборот): ситуация здесь аналогична с пониманием глобализации, где начало этого глобального процесса прямо зависит от определения его понятия. Ноосферу и в современной литературе представляют в двух основных темпоральных вариантах: как уже существующую сферу распространения и обитания человека разумного и как гипотетическое будущее состояние (и вместе с тем дальнейший развертывающийся глобальный процесс) нашей цивилизации и ее взаимодействия с природой. Причем В.И. Вернадский полагал, что становление ноосферы — это неизбежный эволюционный не только исторический, но и геологический процесс, проявляющийся стихийно, как все предшествующие различные формации и этапы эволюции человечества.

Включение идей глобальных процессов, особенно УР и информационного общества (ИО), в область ноосферных исследований существенно повлияло на последние. Можно считать, что неклассический этап развития знаний о становлении ноосферы отличается от классического тем, что ноосферогенез представляется как процесс, который начинается с глобального перехода к ИО и УР (в том числе и глобализации через УР), и далее разворачивается через эти же формы социоприродного глобального развития, все больше приближая его к «супермагистральной» глобальной эволюции.

Сегодня важно выявить основные отрасли (дисциплины) науки и комплекс направлений междисциплинарного научного поиска, которые объединяли бы в единое целое глобальные исследования, ноосферные исследования, информационные науки и активно разрабатываемую сейчас концепцию УР. Ноосферные исследования, также как и глобальные, могут мыслиться как дисциплинарные и как междисциплинарные, интегративно-общенаучные направления поиска, изучающие закономерности и процессы становления сферы разума, возможности выживания и УР цивилизации и наиболее полного воплощения гуманистических принципов и идеалов. Следовательно, ноосферология, как и все исследования процессов и зако-

¹⁴ См.: *Урсул А.Д.* Человечество. Земля. Вселенная. Философские проблемы космонавтики. М.: Мысль, 1977; *Рубцов В.В., Урсул А.Д.* Проблема внеземных цивилизаций. 2-е изд., доп. Кишинев: Штиинца, 1987; *Урсул А.Д.* На пути к космоглобалистике // Глобальные процессы и устойчивое развитие. М.: РГТЭУ, 2011; Космонавтика XXI века. Попытка прогноза развития до 2101 года / Под ред. Б.Е. Чертока. М.: РТСофт, 2011; *Турчин А., Батин М.* Футурология. XXI век: Бессмертие или глобальная катастрофа. URL: <http://bit.ly/dn2kNV>

номерностей ноосферогенеза, т. е. ноосферные исследования, представляет собой не только отдельную дисциплину (или отрасль науки), но и некоторую область исследования ноосферных процессов, или интегративно-общенаучное направление. Подобный системно-эволюционный подход к проблеме ноосферы и системно-футурологический акцент на решении глобальных проблем и оптимизации глобальных процессов приходит на смену традиционному видению будущего в рамках разрекламированных концепций постиндустриального общества (а тем более общества потребления) в модели неустойчивого развития.

Ноосферология, с одной стороны, может быть представлена как часть глобальных исследований, которая устремлена в ноосферное будущее, и наоборот, глобальные исследования могут мыслиться как та составляющая ноосферологии, которая занимается исследованиями современных и будущих процессов становления ноосферы. В этом случае, например, глобалистика предстает в качестве ноосферной глобалистики (нооглобалистики), в которой особое внимание будет уделяться изучению «глобальных контуров» ноосферогенеза. Необходимо понять, что же может представлять собой ноосфера в глобальной перспективе, поскольку сферы разума, даже в своей начальной стадии, еще не существует, а намечаются лишь некоторые тенденции, в том числе и глобальные, ее созидания.

Становление ноосферы в более отдаленной перспективе можно рассматривать и как некоторую цель и своего рода «конечный итог» позитивных процессов глобализации, и как объективную тенденцию решения всех глобальных проблем, а не только какой-то одной из них, скажем, информационной или экологической, о чем уже шла речь ранее¹⁵. Соответственно, созидание ноосферы — это генеральная стратегия позитивного развертывания глобализации и решения глобальных проблем, снижения или элиминации негативов глобальных процессов, что должно опираться на пока еще не выявленные закономерности ноосферогенеза, которые также тесно связаны с созиданием ИО, переходом к устойчивому развитию и иными глобальными процессами.

Между тем пока до конца не ясно, может ли в принципе «состояться» модель устойчивой социоприродной эволюции и коэволюции, поскольку политические декларации и рекомендации ООН, прежде всего по УР, существенно опередили научные обоснования и разработки этой формы развития мирового сообщества. Опережающая глобальная политика и стратегия оказались «мудрее» науки с ее моделью строгой академичности и научной рациональности, ориентированной в основном на прошлое (и частично на происходящее) человечества. И этому глобальному процессу важно дать научное обоснование в более широкой «системе координат», нежели это имеет место в науке сейчас.

И хотя ставится вопрос о научном обосновании идеи и стратегии УР мирового сообщества, тем не менее и сама наука должна будет трансформироваться в зависимости от приближения к ноосфере через этот безопасный тип развития. В науке должна произойти смена парадигмы развития, очередная глобальная и вместе с тем ноосферная революция, так как она все больше должна будет уделять внимание изучению новой модели социоприродной ноосферно-устойчивой эволюции¹⁶.

¹⁵ См.: Урсул А.Д. Путь в ноосферу: Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М.: Луч, 1993.

¹⁶ См.: Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобалистика и глобальные исследования. Глобальная революция в науке; Они же. На пути к образовательной глобалистике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2013. № 1; Урсул А.Д., Урсул Т.А. Наука и образование

Ноосферология с этой точки зрения (если речь идет о футурологической перспективе) более существенно будет пересекаться и сближаться с глобалистикой, во всяком случае, ориентирует ее будущее развитие в достаточно определенном — глобальном направлении. Впрочем, еще рано устанавливать какие-то жесткие зависимости между ноосферологией и глобалистикой и пока можно ограничиться лишь постановкой вопроса и предложенным выше вариантом их взаимоотношения. Одно из важных теоретико-методологических преимуществ ноосферологии как «дисциплинарной концепции» становления сферы разума следует видеть в том, что исследование многих глобальных процессов органически увязывается с теми или иными сторонами и этапами становления ноосферы¹⁷.

Сейчас важно выявить основные отрасли (дисциплины) науки и систему направлений научного поиска, которые объединяли бы в единое целое глобальные исследования и ноосферологию. В соответствии с изложенной выше логикой развертывания ноосферы можно выделить следующие стержневые направления научного поиска, претендующие на включение в формирующийся ноосферный комплекс научного знания.

Процессом информатизации общества и закономерностями становления глобальной информационной цивилизации в настоящее время занимается социальная информатика и информационная глобалистика, в принципе и перспективе — вся группа бурно развивающихся информационных наук. Проблемами экологизации общества и становлением эконоосферы с УР, исследованием тенденций и закономерностей глобального экологического общества ведают социальная и в какой-то мере глобальная экология, а в еще более отдаленной перспективе — ноосферная экология (хотя с этим будут связаны и глобальная и космическая экология). Глобальные аспекты ноосферогенеза уже разрабатывают глобальные исследования и особенно формирующаяся нооглобалистика, а становлением ноосферы через УР — концепция или уже активно разрабатываемая теория устойчивого развития.

Среди областей научного поиска, так или иначе связанных с проблемами созидания космоноосферы, следует назвать ряд направлений космоизирующегося обществоведения (среди них: философия освоения космоса, космическая социология, космическая экономика, космическая экология, космическая психология, космическая демография и др.). Да и на проблемы созидания астроноосферы уже ориентируются такие зарождающиеся футурологические направления, как космическая и космологическая глобалистика, астросоциология и астроэкология.

Определения понятия ноосферы, полученные в начале разработок этой концепции, вряд ли сейчас будут приемлемы, особенно в связи с разработкой проблем глобалистики и глобальных исследований, экологии, информационного общества и устойчивого развития. Ведь основоположники этой концепции во многом опирались на чисто теоретические рассуждения, логику развития человеческого разума. Сегодня этот абстрактно-умозрительный период развития концепции ноосферы подошел к своему завершению. Коль скоро мы включаем в ноосферный научный

в глобально-ноосферной перспективе // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 02; *Они же*. Глобальные исследования и становление ноосферы через устойчивое развитие // Политика и общество. 2012. № 4; *Ilyin I.V., Ursul A.D.* Global Knowledge Revolution // Globalistics and Globalization Studies. Aspects & Dimensions of Global Views. Volgograd: Uchitel Publishing House, 2014.

¹⁷ См.: *Урсул А.Д.* Путь в ноосферу: Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации; *Они же*. Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез; *Они же*. Феномен ноосферы: Эволюционный подход и глобальное измерение // Философия и культура. 2014. № 12.

поиск исследование глобальных закономерностей и проблем цивилизации, а становление ноосферы понимается как альтернатива самоуничтожения, деградации человечества, значит, ноосферные исследования уже приобретают практическую эффективность. И тем более это оправдано, если теоретические разработки ноосферы призваны заменить наши ортодоксально-догматические либо абстрактно-футурологические сценарии, которые ограничивались лишь рамками обществоведения, проходя мимо или даже игнорируя современные достижения естествознания и перспективы концепции устойчивого развития, глобалистики, информатики, космических исследований и т.д.

Таким образом, характерной чертой будущей сферы разума окажется ее глобальный характер, ведь именно на завершающем этапе глобализации, особенно через УР, и при позитивном влиянии других глобальных процессов может появиться глобальная ноосферная цивилизация. Это неявно подразумевалось и в учении о ноосфере классического периода (т.е. в работах основоположников этого учения), хотя четко не формулировалось и, тем более, достаточно развернуто не аргументировалось. Включение же идей УР и ИО как глобальных процессов в ноосферные исследования позволяет более обоснованно говорить о том, что созидание ноосферы возможно лишь в общепланетарном, а в перспективе и в космическом ракурсах.

Космическое направление ноосферогенеза на классическом этапе учения о сфере разума фактически не рассматривалось, преобладало биосферно-планетарное видение этого эволюционного социоприродного процесса. Оно изменилось благодаря становлению философских проблем освоения космоса и нового направления глобальных исследований — космической глобалистики, исследующей взаимосвязь глобальных и космических факторов, их воздействие на развитие глобальных процессов и систем, проблему развития космонавтики на планете и перерастание глобальных процессов в космические. Появилось понимание взаимосвязи общепланетарных и космических процессов, трансформации глобальной деятельности в космическую, а также глобального развития в космическую эволюцию¹⁸.

Именно за пределами планеты в отдаленной астрономической перспективе в полной мере может быть обеспечено внебиосферное — автотрофное развитие ноосферной цивилизации, являющееся, по-видимому, одним из возможных направлений будущей нооэволюции. На наш взгляд, реализация гуманистического потенциала цивилизации ноосферы и ее дальнейшая устойчивая эволюция в полной мере возможны лишь в ходе превращения информационно-экологического общества (планетарного в своей основе) в космоноосферную цивилизацию, расширяющуюся во внеземные пространства.

В конечном счете лишь широкое освоение Вселенной человечеством приблизит его к следующему этапу глобально-космической нооэволюции — становлению информационных и других контактов с возможными представителями

18См.: *Урсул А.Д.* Человечество. Земля. Вселенная. Философские проблемы космонавтики; *Он же.* Становление космоглобалистики // *Философия и культура.* 2010. № 11; *Он же.* От глобальных к космическим процессам // *Пространство и время.* 2012. № 2; *Ursul A.D., Ursul T.A.* Cosmoglobalistics: Interrelation of Global and Cosmic Processes // *PHILOSOPHY & COSMOLOGY.* 2014. Vol. 12.

иного — внеземного разума. Здесь предполагается новая космическая трансформация ноосферы — ее движение от локально-космической цивилизации к гиперсистеме взаимодействующих космических цивилизаций различного происхождения и вселенского значения и содержания. Только в такой гипер-, или мегасистеме информационно-социоприродного характера — астроноосфере появятся наиболее достойные условия для эволюционно-созидательного творчества человеческого интеллекта и потенциальная безграничность развертывания его «глобально-космической» мудрости и воплощения принципов и идеалов гуманизма в мироздании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабурин С.Н., Мунтян М.А., Урсул А.Д. Глобализация в перспективе устойчивого развития. М.: Магистр-ИНФРА-М, 2010.

Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 2004.

ГЕО-5. Глобальная экологическая перспектива: Резюме для политиков. Найроби: ЮНЕП, 2012.

Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003.

Глобалистика: Персоналии, организации, издания. Энциклопедический словарь / Гл. ред. И.В. Ильин, И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: Альфа-М, 2012.

Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. Мат-лы Первой Всероссийской конференции, Белгород, 11–12 апреля 2013 г. / Под ред. Д.И. Дубровского, С.М. Климовой. М.: Канон+; Реабилитация, 2014.

Глобальные процессы и устойчивое развитие / Отв. ред. А.Д. Урсул. М.: РГТЭУ, 2011.

Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.

Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционная глобалистика: Концепция эволюции глобальных процессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.

Ильин И.В., Урсул А.Д. Глобальный эволюционизм и эволюционная глобалистика // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2011. № 1.

Ильин И.В., Урсул А.Д. Глобалистика и глобальные исследования: Проблемы методологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2012. № 1/2.

Ильин И.В., Урсул А.Д. В.И. Вернадский — основоположник глобальных исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXVII. Глобалистика и геополитика. 2013. № 1.

Ильин И.В., Урсул А.Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.

Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012.

Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобалистика и глобальные исследования. Глобальная революция в науке. Саарбрюкен: Dictus Publishing, 2014.

Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм и глобальные исследования // Глобалистика как область научных исследований и сфера препода-

давания / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. Спец. вып. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014.

Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим». URL: <http://www.un.org/ru/sustainablefuture/>

Коллин К.К., Урсул А.Д. Информационная культурология: Предмет и задачи нового научного направления. Саарбрюкен: LAMBERT Academic Publishing, 2011.

Космонавтика XXI века. Попытка прогноза развития до 2101 года / Под ред. Б.Е. Чертока. М.: РТСофт, 2011.

Кутырев В.А. Человеческое и иное: Борьба миров. М.: Алетей, 2009.

Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М.: Аспект Пресс, 1993.

Назаров В.Н. Феноменология мудрости: Образы мудреца в истории культуры (нравственно-философское исследование). Тула: Изд-во ТГПИ им. Л.Н. Толстого, 1993.

Прозоров Л.Л. Было ли учение Вернадского о ноосфере? // Пространство и время. 2012. № 4.

Романович А.Л., Урсул А.Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). М.: Жизнь, 2006.

Рубцов В.В., Урсул А.Д. Проблема вземных цивилизаций. 2-е изд., доп. Кишинев: Штиинца, 1987.

Савицкий И. Ноосфера и формирование человека // Вестн. высшей школы. 1990. № 3.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.

Турчин А., Батин М. Футурология. XXI век: Бессмертие или глобальная катастрофа. URL: <http://bit.ly/dn2kNV>

Универсальная и глобальная история: Эволюция Вселенной, Земли, жизни, общества. Волгоград: Учитель, 2012.

Урсул А.Д. Человечество. Земля. Вселенная. Философские проблемы космонавтики. М.: Мысль, 1977.

Урсул А.Д. Путь в ноосферу: Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М.: Луч, 1993.

Урсул А.Д. Информация и культура // Философия и культура. 2011. № 1.

Урсул А.Д. На пути к космоглобалистике // Глобальные процессы и устойчивое развитие. М.: РГТЭУ, 2011.

Урсул А.Д. Феномен ноосферы: Глобальная эволюция и ноосферогенез. М.: Ленанд, 2014.

Урсул А.Д., Урсул Т.А. Универсальный эволюционизм: Концепции, подходы, принципы, перспективы. М.: РАГС, 2007.

Урсул А.Д., Урсул Т.А. Становление ноосферы как глобальный процесс // Глобалистика-13. Мат-лы III Междунар. науч. конгресса; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 23–25 октября 2013 г.: Тезисы докладов. М.: МАКСПресс, 2013.

Урсул А.Д., Урсул Т.А. В.И. Вернадский и глобально-ноосферные исследования // ВВ: Проблемы общества и политики. 2013. № 03.

Урсул А.Д., Урсул Т.А., Иванов А.В. Проблема безопасности в перспективе устойчивого развития. М.: Университетская книга, 2014.

Урсул А.Д., Урсул Т.А., Иванов А.В., Маликов А.Н. Экология, безопасность, устойчивое развитие. М.: Университетская книга, 2012.

Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013.

Enciclopedia of Global Studies / Ed. by H.K. Anheier, M. Juergensmeyr. Los Angeles; L. and others, 2012.

Globalistics and Globalization Studies / Ed. by L.E. Grinin, I.V. Ilyin, A.V. Korotfiev, I.V. Ilyin. М.: MAKSPress, 2012.

Ilyin I.V., Ursul A.D. Global Knowledge Revolution // Globalistics and Globalization Studies. Aspects & Dimensions of Global Views. Volgograd: Uchitel Publishing House, 2014.

Ilyin I.V., Ursul A.D. Global studies and globalistics. The evolutionary dimension. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2014.

Le Roy E. L'exigence idéaliste et le fait de l'évolution. P., 1927.

Ursul A.D. Information and the information approach: from informatics to globalistics // Scientific and Technical information processing. 2012. Т. 39. N 1.

Ursul A.D., Ursul T.A. Cosmoglobalistics: Interrelation of Global and Cosmic Processes // PHILOSOPHY&COSMOLOGY. 2014. Vol. 12.

И.А. Кашуро, А.М. Коротина*

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕС И РОССИИ

I.A. Kashuro, A.M. Korotina

NEW TRENDS OF EU AND RUSSIA ENERGY POLICY

Статья посвящена новым тенденциям развития отношений России и Европейского союза в сфере энергетики, которые становятся все более явными в связи со стремлением последнего сократить объемы топлива, импортируемого из России. Авторы статьи доказывают, что в краткосрочной перспективе отказ ЕС от российских энергоресурсов невозможен, и необходимо разрешение существующих противоречий с одновременной подготовкой к диверсификации импорта и экспорта энергоресурсов ЕС и России соответственно.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, диверсификация поставок энергоресурсов, сжиженный природный газ, альтернативные энергоносители, энергоэффективность, сотрудничество России и Европейского союза.

The article is devoted to the new trends in the development of the cooperation between Russia and the European Union in energy sector, which are becoming more evident due to the intention of the EU to reduce its imports of Russian fuels. The authors prove that in the short term the European Union has no alternative to Russian hydrocarbons. Along with deepening the EU–Russia cooperation on energy, both sides should prepare the background for diversification of their energy imports and exports.

Key words: energy security, diversification of energy supplies, liquefied natural gas, alternative energy sources, energy efficiency, cooperation between Russia and the European Union.

Проблема энергетической безопасности — одна из основных в современных международных отношениях. Согласно определению Международного энергетического агентства (*International Energy Agency*), энергетическая безопасность — это непрерывный доступ потребителей к энергетическим ресурсам по приемлемым ценам¹. Основу энергетической безопасности составляют надежные поставки энергетических ресурсов, устойчивое развитие и конкурентоспособность.

Европейский союз является крупнейшим в мире импортером энергетических ресурсов, около трети из них (около 155 млрд куб. м газа) он получает из России². Евросоюз негативно относится к своей зависимости от российского природного

* Кашуро Ирина Анатольевна — канд. экон. наук, ст. преподаватель ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова. Коротина Анастасия Михайловна — аспирант ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ URL: <http://www.iea.org/>

² Сорокин В.П. Развитие энергетической инфраструктуры Европейского союза: Регуляторные и практические аспекты. М.: Аркаим, 2012. С. 77.

газа, поскольку импорт такого количества необходимых для функционирования блока энергоресурсов создает угрозу его энергетической безопасности. Дополнительная напряженность возникает из-за возможности прекращения поставок газа из России по идущим через Украину газопроводам, что уже происходило в 2006 и 2009 гг., а в свете событий на Украине эта обеспокоенность приобрела новую силу. Кроме того, на последнем саммите Евросоюза в Брюсселе председатель Европейского совета Х. Ван Ромпей заявил о необходимости принятия срочных мер по ослаблению зависимости от российских поставок газа для укрепления энергетической безопасности ЕС.

Поддержание дружественных отношений и углубление диалога с Россией в вопросах энергетики в ближайшем будущем является ключевым элементом энергетической безопасности Европейского союза.

Анализ путей, с помощью которых ЕС может сократить свою зависимость от импорта российского природного газа, показывает, что в краткосрочной перспективе (до 2020 г.) отказ от российского газа невозможен, поскольку это подорвет энергетическую безопасность Европы. Однако существует несколько способов ослабления зависимости Европейского союза от российского газа:

- диверсификация импорта газа и других энергоресурсов;
- развитие инфраструктуры для импорта сжиженного природного газа (СПГ) и еличение его объемов;
- расширение использования возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффективности.

Изучение возможных путей диверсификации европейского импорта природного газа демонстрирует, что в ближайшем будущем Европа не сможет значительно увеличить импорт газа из стран-экспортеров по следующим причинам:

- Норвегия может лишь незначительно (от 10 до 20 млрд куб. м³) увеличить экспорт природного газа в Европейский союз;
- газопроводы «Южного коридора» TAP и TANAP, соединяющие Европу с Центральной Азией, должны быть введены в эксплуатацию только в 2019 г., и их пропускная мощность (от 10 до 26 млрд куб. м газа в год⁴) мала по сравнению с объемами импорта российского газа;
- страны — экспортеры газа из Северной Африки — Алжир, Ливия и Египет — характеризуются политической и экономической нестабильностью и постоянными террористическими угрозами, что затрудняет разработку новых месторождений и делает их ненадежными поставщиками природного газа;
- увеличение объемов импорта сжиженного природного газа из Соединенных Штатов Америки, который в перспективе мог бы заменить значительную часть газа, импортируемого из России, возможно не раньше 2018 г., поскольку в США отсутствует необходимая для экспорта инфраструктура;
- увеличение импорта СПГ из других стран связано с такими сложностями, как невозможность увеличения объемов добычи газа (Норвегия) и политическая, экономическая и террористическая нестабильность в регионе (Северная Африка);

³ Шкута А.А. Европейский вектор газовой стратегии России. М.: ЭКОМ Паблишерз, 2008. С. 160.

⁴ Там же.

- программы повышения энергоэффективности и увеличения объемов использования возобновляемых ресурсов будут завершены только к 2020 г. и, по некоторым оценкам, могут не принести запланированных результатов⁵.

Наличие перечисленных преград на пути сокращения объемов импорта российского газа говорит о важности продолжения диалога между Европейским союзом и Россией. В ближайшие годы необходимо развивать двухстороннее сотрудничество с целью разрешения существующих разногласий в сфере энергетики, а также подготовки к сокращению объемов взаимной торговли энергоресурсами.

Основными точками разногласий между Россией и Евросоюзом в области энергетики являются отказ России ратифицировать Договор к Энергетической хартии и принятие Третьего энергетического пакета, ущемляющего интересы России как экспортера природного газа в Европу. По обоим вопросам необходим поиск компромиссных решений. В первом случае возможен пересмотр некоторых положений Договора к Энергетической хартии, не удовлетворяющих российскую сторону. Поскольку Россия является крупным игроком в сфере энергетики, необходимо учитывать ее интересы для снижения рисков в функционировании механизмов торговли энергоресурсами между Россией и Европейским союзом. Во втором — необходим поиск решения, по которому ЕС не должен распространять положения Третьего энергетического пакета на контракты, заключенные до его принятия (в частности, по транзиту газа по газопроводу «Северный поток»), а Россия, в свою очередь, должна соблюсти предписания Третьего энергопакета при введении в эксплуатацию новых инфраструктурных объектов.

Пересмотр положений Третьего энергетического пакета становится особенно актуальным в свете прекращения 16 июня 2014 г. поставок российского газа на Украину. Согласно мнениям российских, украинских и европейских экспертов, перевод поставок природного газа на Украину в режим предоплаты и продолжение его транзита в ЕС через украинскую территорию может привести к тому, что газ будет несанкционированно изыматься украинской стороной. Это вызывает опасения в первую очередь Европейского союза, ведь от недостаточных поставок газа будут страдать именно его граждане.

Газпром создал оперативный штаб, который отслеживает состояние транзита российского газа через Украину. В случае возникновения проблем, руководство Газпрома планирует расширение объемов поставок газа в Евросоюз через газопроводы «Северный поток» и «Ямал — Европа», а также продолжение строительства газопровода «Южный поток». Для осуществления этих планов необходимо разрешить спор вокруг применения положений Третьего энергопакета, согласно которым Газпром не имеет права прокачивать по «Северному потоку» природный газ объемом более половины мощности газопровода. Для использования этого пути для поставок российского газа в обход Украины принятие данного решения должно произойти в ближайшем будущем. Помимо разрешения существующих спорных вопросов Россия и Евросоюз продолжат планомерно готовиться к диверсификации экспорта и импорта газа.

В мае 2014 г. Газпром и китайская компания CNPC заключили контракт на поставку в Китай российского газа на 400 млрд долларов сроком на 30 лет. В год российская сторона будет поставлять в Китай 38 млрд куб. м газа, возможно уве-

⁵ Energy savings 2020. How to triple the impact of energy saving policies in Europe. The European Commission. September 2010. Brussels: EC, 2010.

личение этого показателя до 50 млрд куб. м. Начало поставок при условии своевременной подготовки соответствующей инфраструктуры с китайской стороны запланировано на 2018 г. Кроме того, планируется создание инфраструктуры для экспорта в Китай сжиженного природного газа из Владивостока, который может начаться к 2019 г.⁶

Хотя запланированные объемы поставок газа в Китай существенно меньше объемов газа, поставляемого в Европу, азиатское направление является более перспективным, поскольку в отличие от европейского обладает потенциалом к увеличению объемов импорта. Россия должна в ближайшие годы приложить максимальные усилия к организации переговоров с Китаем и другими перспективными импортерами российского газа и строительству необходимой инфраструктуры, ориентированной на азиатский рынок.

Европа, в свою очередь, в ближайшее время продолжит создавать инфраструктуру для использования альтернативных газу источников энергии и увеличения мощностей по импорту сжиженного природного газа, а также приложит максимальные усилия к повышению энергоэффективности и энергосбережения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Взгляд (деловая газета). 2014. 21 марта. URL: <http://vz.ru/news/2014/5/21/687748.html>

Гаранина О.Л., Максимцев И.А. Российско-европейские экономические отношения: стратегическое партнерство и энергетические противоречия. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2012.

Иванов В.П. Европейское направление в энергетической стратегии России в контексте международной энергетической безопасности. М.: ТЕИС, 2009.

Каныгин П.С. Энергетическая безопасность Европейского союза и интересы России. М.: Алконьюс.ру, 2008.

Матяш В.Н. Россия и ЕС: перспективные направления сотрудничества: Учеб. пособие. М.: ДА МИД РФ, ИАМП, 2002.

Сорокин В.П. Развитие энергетической инфраструктуры Европейского союза: регуляторные и практические аспекты. М.: Аркаим, 2012.

Шкута А.А. Европейский вектор газовой стратегии России. М.: ЭКОМ Паблшерз, 2008.

Energy savings 2020. How to triple the impact of energy saving policies in Europe. The European Commission. September 2010. Brussels: EC, 2010.

URL: <http://www.iea.org/>

⁶Россия и Китай заключили контракт на покупку газа // Взгляд (деловая газета). 2014. 21 марта. URL: <http://vz.ru/news/2014/5/21/687748.html>

Д. Кристиан*

БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ: ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМО ПРЕПОДАВАТЬ СОВРЕМЕННУЮ ТЕОРИЮ ПРОИСХОЖДЕНИЯ МИРА

D. Christian

BIG HISTORY: WHY WE NEED TO TEACH THE MODERN ORIGIN STORY

В статье основоположника направления “Big History” раскрывается вопрос об эвристическом потенциале этого нового научного и образовательного направления.

Ключевые слова: Большая история, Вселенная, универсальная теория происхождения мира, Большой взрыв.

The article of founder of Big History direction reveals the problem of heuristic potential of this new scientific and educational direction.

Key words: Big History, the Universe, the universal theory of the world, Big bang.

Все человеческие общества создают космогонические мифы или легенды о сотворении мира. Это широкие, чрезвычайно мощные эпические повествования о том, как «все стало есть». Исторические систематизации знаний о мире помогают человеку определить свое место, а также место своей семьи, своего общества во времени и пространстве.

Помещая нас в нечто гораздо более великое, чем мы сами, миф укореняет нас в исторической ретроспективе, с его помощью мы обретаем под ногами интеллектуальную и нравственную почву. Вот почему все духовные традиции содержат «большие нарративы» о происхождении мира, которые находятся в самом сердце как ранних религий, так и развитых теологий.

В традиционных обществах повествования о происхождении мира являлись центральными и для образования, так как именно их историческая логика придавала форму и смысл передаваемым знаниям. Однако в современной светской системе образования эта формо- и смыслообразующая составляющая зачастую отсутствует. В действительности мы уже настолько привыкли к ее отсутствию, что нам даже не кажется странным учить и учиться без нее.

Конечно, вы можете изучать космогонические теории других народов или мифы о происхождении мира в вашей собственной культурной традиции, хотя они все менее и менее согласуются с реалиями нынешнего дня. Однако это касается только отдельных обществ. Нам не хватает универсальной теории происхождения мира, которая работала бы в условиях формирующегося глобального сообщества.

* Кристиан Дэвид — крупный австралийский историк, основоположник направления “Big History”.

В результате, современные преподаватели учат, а современные студенты учатся без той мощной организующей учебный материал структуры и без того удивительного чувства ориентации в историческом времени и пространстве, которыми обладают мифы о происхождении мира и ранние космогонии.

Без этой организующей структуры знание само по себе представляется фрагментарным, и зачастую студенты выходят из стен школы или университета с тем глубинным ощущением бессмысленности и текучести бытия, которое французский социолог Э. Дюркгейм назвал «аномией».

Отсутствие в современной системе преподавания специального курса теории происхождения мира довольно парадоксально, так как ее основы заключены в самом сердце современной науки и отдельных дисциплин. Современная теория происхождения мира широка и не целостна — со своими многочисленными компонентами и «элементарными частицами»: космологиями и историями о силе и творческой энергии ДНК, повествованиями об удивительном разнообразии эволюционировавших организмов и необычайными историями нашего собственного замечательного вида.

Человеку необходимо вновь обрести под ногами твердую почву, определить свое место в универсуме, в широком историческом времени и пространстве.

Сейчас вполне возможно соединить все эти частицы и компоненты, чтобы получить последовательную, строгую, эмпирически обоснованную концепцию, основанную на лучших достижениях современной науки. “*Big History*” (Большая история) — курс, который я читаю в течение более чем двадцати лет, пытается решить эту задачу. В нем рассказывается об истории Вселенной и о месте в ней человека на основе важнейших достижений современного естествознания и гуманитарных наук.

Курс начинается с изложения теории Большого взрыва, произошедшего 13,7 млрд лет назад. Далее рассказывается о том, как образовались звезды и планеты, о том, как на нашей планете зародилась и эволюционировала жизнь. В заключительных частях курса представлена захватывающая история нашего собственно-го необычайного и весьма опасного биологического вида.

Большая история объединяет современные гуманитарные и естественнонаучные представления в целостное повествование о том, как вещи стали такими, какие они есть.

Когда мы впервые начали читать этот курс, то вскоре обнаружили, что студентов не удовлетворяет история, которая заканчивается нынешним днем. Их интересует, куда движется история, в каком направлении идет развитие. Продолжится ли рост? Произойдет ли коллапс, если мы подорвем экологические ресурсы современного общества? Будут ли более устойчиво развиваться наши отношения с окружающей средой? Поэтому курс Большой истории переносит нас в будущее и ставит кантовский вопрос: что нам необходимо делать? Получается, что современная история происхождения мира, как и все другие, наполнена этической значимостью, так как она поднимает глубинные вопросы о том, кто есть человек и как он должен вести себя в этом мире.

Сегодня курс Большой истории читается почти в 50 университетах и колледжах по всему миру. Большинство из них — в США, однако есть также курсы в Австралии, Корее, Нидерландах, России. В 2010 г. была основана Международная ассоциация Большой истории, в августе 2012 г. прошла ее первая конференция.

В течение многих лет я верил, что курсы Большой истории будут преподаваться в высшей школе, но я понятия не имел, где и с чего начать. В 2008 г. на идею Большой истории натолкнулся Билл Гейтс и проникся идеей о том, что такой курс должен преподаваться в высшей школе. Он связался со мной и вместе мы создали Проект Большой истории (*Big History Project*), который развился в свободную онлайн программу по Большой истории для студентов высшей школы. В 2013 г. эта программа будет в свободном доступе для школ и самостоятельного обучения по всему миру.

Представляется, что мы, хотя и медленно, но все-таки открываем нашу собственную *modern origin story* — историю происхождения нашего глобального сообщества, насчитывающего 7 млрд человек. Это будет первая в XXI в. история происхождения мира, которая соединит все человечество.

У.Р. Томпсон*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ЛИДЕРСТВА

W.R. Thompson

ECONOMIC RIVALRY AND THE PROBLEMS OF TRANSITIONS OF LEADERSHIP

Аналитики по-разному рассматривают системные войны. У комплексных событий может быть множество интерпретаций, многие из которых даже могут оказаться весьма вероятными. Все системные войны подразумевают наличие коммерческого/экономического соперничества, о чем свидетельствует исторический опыт глобальных войн. За последние 500 лет как наиболее проблематичные показали себя следующие тенденции: сдвиг в сторону закрытых рынков, развитие конкурентами одних и тех же секторов экономики, предоставление доступа к сырью и предположительное применение недобросовестных методов ведения дел. Все эти факторы способствовали распространению острого конфликта между ключевыми игроками экономики, а их сочетание потенциально способно свести на нет любые факторы, сдерживающие конфликт в экономической сфере.

***Ключевые слова:** экономическое соперничество, конкурентные модели, экономическое лидерство, глобальные войны.*

Analysts have a different point of view on the war system. Comprehensive events have many different interpretations, many of which can be very probable. All of the systems of war include commercial/economic rivalry, as evidenced by the historical experience of global wars. For the last 500 years, the following tendencies have proven to be the most problematic: shift towards markets closed, development of competitors of the same sectors of the economy, provision of access to raw materials and speculative application of unfair business practices. The combination of these four factors can potentially negate any factors hindering economic conflict.

***Key words:** economic rivalry, competition models, economic leadership, global wars.*

Переход лидерства — одна из тем, которая издавна привлекала внимание теоретиков международной политики¹. Периоды системного перехода лидерства обусловлены потенциально революционными изменениями в мировой политике. Старая элита покидает насиженные места, вместо нее бразды правления берет на себя новая восходящая элита. Существует ряд моделей, которые дают различные объяснения этим кратковременным феноменам. При этом, на первый взгляд, ряд объяснений подчеркивает агрессивный характер перехода лидерства. Изображение

* Томпсон Уильям Р. — профессор политологии Университета Индианы (США).

¹ См., например: Rapkin D.P., Thompson W.R. Transition Scenarios: China and the United States in the Twenty-first Century. Chicago: University of Chicago Press, 2013.

большой рыбы, готовой заглотить рыбу среднего размера, которая, в свою очередь, готова заглотить маленькую рыбешку, является подходящей метафорой наиболее гладко прошедшего перехода власти. Большая рыба торопится сожрать рыбу меньшего размера, которая ранее превосходила размером сожранную ею рыбешку. Кто-то оперирует численностью населения, размером армии или экономической мощью, однако чаще всего встречается «универсальный» игрок, превосходящий всех в беге на длинные дистанции, пусть и испытывающий определенные ограничения, поскольку ни одна страна не стремится одновременно контролировать все источники международного влияния².

Но есть и иные аргументы, приобретающие все большую популярность. Они основаны на кантианских вариациях, т.е. факторах, снижающих вероятность того, что большая рыба заглотит меньшую. Демократизация, международные институты и экономические взаимосвязи призваны сглаживать острые углы мировой политики посредством сдерживания эскалации конфликтов и притязаний на власть. Поскольку указанные кантианские факторы были выявлены относительно недавно, можно надеяться, что они смогут сдерживать привычки прожорливых рыб и в особенности различные теневые конфликты, в которых старая и новая элиты борются за контроль над мировой экономикой³.

Однако объяснительная сила обеих категорий аргументов имеет как последствия, так и ограничения. Иными словами, при переходе лидерства всегда присутствуют отдельные элементы пожирания мелкой рыбы более крупной. Развивая мысль, можно отметить, что кантианские ограничения способны сыграть важную роль как в настоящий момент, так и в будущем.

Разумеется, проблемы мировой политики не ограничиваются соревнованием за контроль над наибольшим числом людей, армиями или даже экономическим благополучием. Если бы дело обстояло именно так, господство всегда принадлежало бы странам Евразии. Однако на деле все всегда было иначе⁴. Кроме того, кантианские факторы не всегда сдерживают эскалацию конфликтов в той мере, в какой это задумано. Иногда они наоборот лишь усугубляют конфликт, что проявляется в отдельных аспектах экономических взаимосвязей. Таким образом, вопрос сводится к следующему: к чему скорее приводят кантианские вариации, такие как смешанные эффекты экономических взаимосвязей — к подавлению или увеличению спорных вопросов?

Стаи хищных рыб не уделяют должного внимания коммерческому и экономическому соперничеству. Предполагается, что коммерческое соперничество всег-

² С точки зрения как перехода (*Organski A.F.K., Kugler J. The War Ledger. Chicago: University of Chicago Press, 1980; Tammen R.L., Kugler J., Lemke D. et al. Power Transitions: Strategies for the 21st Century. N.Y.: Chatham House, 2000*), так и относительных циклов лидерства (*Doran C.F. Systems in Crisis: New Imperatives of High Politics at Century's End. Cambridge: Cambridge University Press, 1991*), обе философские школы подчеркивают, что более крупные и могущественные страны нападают на небольшие и слабые государства и подавляют их, однако такая тенденция более наглядно проявлялась в прошлом. В то же время некоторые аналитики считают, что ученые зачастую преувеличивают размер и силу появляющихся соперников (см., например: *Wohlforth W.C. The Elusive Balance. Ithaca: Cornell University Press, 1993; Goldstein A. Rising to the Challenge: China's Grand Strategy and International Security. Stanford: Stanford University Press, 2005*).

³ Наглядный пример см.: *Russett B., Oneal J.R. Triangulating Peace: Democracy, Interdependence and International Organizations. N.Y.: Norton, 2001*.

⁴ Монголам почти удалось подчинить себе всю Евразию, но их план провалился. Однако даже в этом примере монголы не побеждали своих соперников за счет большей численности населения, размера армий или благосостояния. На деле, как правило, все получается наоборот.

да представляло собой одну из наиболее значимых причин ключевых глобальных конфликтов в истории⁵. Однако коммерческими соперниками не всегда становились крупнейшие силы системы. Время от времени коммерческое и экономическое преимущество доставалось относительно небольшим странам (небольшим в плане численности населения и размера армии). Это связано с тем, что коммерческий и экономический успех не требует больших численных показателей при наличии технологических преимуществ и доступа к крупным рынкам спроса и предложения. Кроме того, структура такого экономического соперничества порождает как взаимосвязи, так и конфликты. Таким образом, возрастающие экономические взаимосвязи могут как улаживать конфликты, так и ухудшать ситуацию, в частности в условиях экономического и коммерческого соперничества⁶. Необходимо выяснить причины усиления экономического соперничества на основе исторических примеров. Оценка вероятности повторения в будущем представляется весьма сложным вопросом, требующим одновременного исторического анализа.

Исторический анализ может быть проведен при использовании трех научных моделей: обобщенная модель учения Кеннеди об англо-германском соперничестве, учение Сена, посвященное милитаризированной индустриализации, а также анализ борьбы за ресурсы Банкера и Чиккентелла⁷. Эти модели могут показаться весьма схожими, однако они выстроены вокруг разных аспектов⁸. При объединении преимуществ каждой из них в единую целостную модель получается более связное объяснение причин того, что современная экономическая взаимозависимость вместо сглаживания может усугубить соперничество и даже эскалировать конфликт.

Второй вопрос: можно ли применять эту модель к глобальным войнам прошлого, и если да, то в какой мере? Кроме того, возможность применения этой модели к прошлому не означает возможность ее применения к будущему. Тем не менее перед тем как начать оценку применимости этой модели к прошлому и будущему, необходимо знать, какое историческое обоснование может быть ассоциировано с настоящей перспективой. Представленные модели не позволяют провести точное исследование, однако объединенную модель можно разбить на основные компоненты и определить объем, в котором отдельные факторы сочетаются в глобальных войнах за последние пятьсот лет.

⁵ Возможно, это утверждение может быть применимо к истории до появления летописей, но в настоящей работе мы сосредоточим внимание на современной эпохе и рассмотрим лишь последние 500 лет.

⁶ Этот аргумент далее развит: *Rapkin D.P., Thompson W.R. Economic Interdependence and the Emergence of China and India in the 21st Century // Strategic Asia 2006–07: Trade, Interdependence, and Security / Ed. by A. Tellis, M. Wills. Seattle: National Bureau of Asian Research, 2006; Idem. Transition Scenarios: China and the United States in the Twenty-first Century... Обзор эмпирических доказательств влияния экономических взаимосвязей на конфликты см.: Globalization and Armed Conflict / Ed. by G. Schneider, K. Barbieri, N.P. Gleditsch. Lanham: Rowman and Littlefield, 2003, а также Economic Interdependence and International Conflict: New Perspectives on an Enduring Debate / Ed. by E.D. Mansfield, B.M. Pollins. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003.*

⁷ *Kennedy P.M. The Rise of the Anglo-German Antagonism, 1860–1914. L.: George Allen and Unwin, 1980; Sen G. The Military Origins of Industrialization and International Trade Rivalry. L.: Pinter, 1984; Bunker S.G., Ciccantell P.S. Globalization and the Race for Resources. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005.*

⁸ Эта взаимодополняемость предопределила использование именно этих, а не иных моделей. Они отлично сочетаются и вкуче охватывают все, что происходит по другую сторону экономической взаимозависимости.

В частности, основные компоненты модели позволяют определить, как конкуренты расценивают закрытые рынки, на которые они хотят проникнуть, стремятся ли конкуренты и лидеры развивать одни и те же или схожие отрасли экономики и получать доступ к источникам энергии, а также используют ли конкуренты способы обхода установленных правил посредством различных недобросовестных приемов. Мы должны оценить относительное присутствие и отсутствие этих факторов в качестве причин как развязывания, так и затягивания войн. Сильное их присутствие в ряде исторических эпизодов способно поддержать аргумент о том, что экономическая конкуренция является существенным фактором наступления периодов острого соперничества в рамках глобальных конфликтов.

Коммерческое/экономическое соперничество и глобальные войны

В первом десятилетии третьего тысячелетия новой эры международные отношения приобрели принципиально новый характер. С точки зрения структуры отношений, мировая система в настоящее время характеризуется предположительно краткосрочной формой однополярности, направленной на истощение предыдущего мирового лидера — Советского Союза. С военной точки зрения, сейчас у США нет явных военных соперников, и ничто не предвещает их появление в ближайшем будущем. Поэтому США все больше внимания уделяют проблемам безопасности, связанным с так называемыми государствами-изгоями, их непокорными лидерами и неправительственными группировками, применяющими террористические тактики. С экономической точки зрения, благодаря недавним технологическим изменениям в информационной промышленности США возобновили свои притязания на мировое экономическое господство, впервые возникшие в конце XIX в. В этой сфере конкуренция более явная, однако более вероятно, что Германия, равно как и Европа под предводительством Германии, или Япония в настоящее время не в состоянии преодолеть основные препятствия, лежащие на пути к экономическому господству. Даже несколько лет назад это было невозможно себе представить⁹, однако такая тенденция, вероятно, изменится во втором десятилетии нового века¹⁰.

Кроме того, никто не отменял основные источники непонятной угрозы XIX в.: Китай, Россию и Индию. Несмотря на то что эти страны большие как по населению и площади, так и по совокупной экономической активности, они так и не достигли уровня экономического развития, соразмерного их величине. Однако это не означает, что все или некоторые из них не догонят своих оппонентов и в полной мере не реализуют свой потенциал. Кроме того, несмотря на проблемы модернизации военных сил, они способны создавать весьма мощные армии. Каждая из этих стран рассматривает как минимум одну из двух других стран в качестве соперников, в то время как для Китая соперниками являются и Россия, и Индия. У двух из трех стран было напряженное стратегическое соперничество с США, которое в настоя-

⁹ См., например: *Friedman G., Lebard M. The Coming War with Japan.* N.Y.: St. Martin's Press, 1991; *Garten J.E. A Cold Peace: America, Japan, Germany, and the Struggle for Supremacy.* N.Y.: Times Books, 1992; *Thurow L. Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America.* N.Y.: Warner Books, 1993; *Waltz K. The Emerging Structure of International Politics // International Security.* 1993. N 18.

¹⁰ Возможное развитие событий в будущем и обзор событий прошлого см.: *Leonard M. Why Europe Will Run the 21st Century.* L.: Fourth Estate, 2005; *Reid T.R. The United States of Europe: The New Superpower and the End of American Supremacy.* N.Y.: Penguin, 2005; *Schnabel R.A., Rocca F.X. The Next Superpower? The Rise of Europe and its Challenge to the United States.* Lanham: Rowman and Littlefield, 2005.

щее время несколько утихло. Пример Советского Союза показал, что у всех этих стран есть потенциал для фрагментации. Направления их будущего развития, скорее всего, будут включать основные вопросы политики международных отношений, в частности с США, Германией и Японией, поскольку они или направления их развития имеют потенциал не определять, но способствовать определению того, будет ли XIX век менее мирным, чем XX.

Таким образом, можно спать спокойно, зная, что вокруг царит относительная стабильность в краткосрочной перспективе. Разумеется, будущее во многом предопределяется настоящим, однако здесь нет никаких гарантий. Более вероятно, что настоящая относительная политико-экономическая стабильность пошатнется, а текущая политико-экономическая иерархия рухнет. Если относительный статус стран-лидеров упадет, а статус стран с более низким рейтингом наоборот поднимется, мы, скорее всего, снова очутимся в системной ситуации, которую мы уже переживали ранее: падение лидера и стремительный рост конкурента (конкурентов), которого (которых) переполняют амбиции и страхи, способные привести к острому глобальному конфликту.

С одной стороны, как уже говорилось ранее, ситуация усугубляется за счет коммерческого соперничества. Генуэзцы и венецианцы боролись за торговую гегемонию в Средиземноморском регионе. Португальцы обогнули Африку отчасти для того, чтобы обойти «монополию» Венеции и Государства мамлюков в торговле азиатскими товарами на рынках Европы и Среднего Востока. Голландия, Франция и Англия посягнули на Испанию с Португалией, которые фактически разделили между собой мировое господство. В XVII в. Франция и Англия пытались сместить Нидерланды с торгового пьедестала. Великобритания и Франция устроили «дуэль» на второй столетней войне, пока Наполеон не был побежден, а его план по выводу британской продукции с европейских рынков не потерпел крах. В конце XIX и в первой половине XX в. Германия безуспешно пыталась вытеснить Великобританию с трона, в то время как с этой задачей успешно справились США, в первый раз — помогая сражаться против Германии, а во второй — возглавив армию противостояния Германии. Во второй половине XX в. Советскому Союзу не удалось воплотить стратегию, цель которой — наверстать упущенное и подавить экономического лидера мирового рынка посредством централизации экономики и поддержания независимости от капиталистического мира. Между двумя супердержавами не возникло коммерческого соперничества, так что Советскому Союзу не удалось стать экономическим конкурентом США. Наступление холодной войны можно объяснить попыткой бывшего соперника стать полноправным экономическим конкурентом мирового лидера.

Таким образом, в этом глобальном конфликте все же прослеживается коммерческое/экономическое соперничество. Разумеется, его с легкостью можно рассматривать без привязки к глобальным войнам, однако обратная ситуация практически не представляется возможной. Проблема в том, что мы слишком мало знаем о динамике коммерческого/экономического соперничества. Как возникает коммерческое соперничество? Кто с наибольшей вероятностью оказывается вовлеченным в такое соперничество? Как коммерческое соперничество переходит в более опасные формы стратегического соперничества? Какую роль они играют в эскалации конфликтов до масштабов глобальной войны? Эти вопросы кажутся особенно актуальными в век, когда коммерческие конфликты проявляются куда чаще, чем старомодная

геополитическая борьба. В то же время различия между экономической и геополитической борьбой носят скорее вымышленный, нежели реальный характер.

Аргументы, выдвинутые Сенем, Банкером и Чиккантиелло, а также Кеннеди играют важную роль в объяснении того, почему возникает коммерческое/экономическое соперничество, кто с наибольшей вероятностью будет вовлечен в конфликт, а также каким образом это соперничество способствует увеличению военно-политического напряжения¹¹.

Объединение трех моделей

Модель № 1: Модель Сена состоит из двух ключевых компонентов.

Первый представляет собой утверждение, в полной мере поддерживаемое в литературе об экономическом росте¹² и заключающееся в том, что первопродукты и их подражатели придерживаются практически одинаковой структуры развития в отношении наращивания производства, сокращения сельскохозяйственного сектора и поощрения развития одинаковых отраслей промышленности. Даже если между ними нет борьбы за отдельные рыночные структуры, между ними все равно нарастает напряжение в отношении стратегических отраслей промышленности (чугун и сталь, химическая и целлюлозно-бумажная промышленность, текстиль, машиностроение, транспортировочное оборудование). Возможно, самая лучшая мотивация — наличие у последних тенденции к поддержанию развития других отраслей посредством трансформации экономики. Основной целью современного экономического роста является создание чего-то большего, чем объем выпуска. Разумеется, увеличение выпуска — это хорошо, также как и расширение сферы влияния и увеличение уровня технологического развития экономики в целом. Стремление к экономии от масштаба в стратегических отраслях промышленности снижает затраты на выпуск продукции в отдельных секторах, а также отраслях, в той или иной мере связанных с ними. Экономия от масштаба чаще всего приводит к созданию более индустриализованной продукции, чем та, которая может быть использована на внутреннем рынке. Таким образом, индустриальные страны способны фокусироваться не только на одних и тех же отраслях промышленности, но и на экспорте одинаковой продукции.

Например, развитие автомобилестроения однозначно оказывает влияние на сектор транспортировок. Однако оно также способствует созданию спроса на сталь, пластик, кожу, стекло, хром и резину. Использование бензиновых двигате-

¹¹ В настоящей работе внимание уделяется лишь трем избранным моделям, исключая роль старой модели в экономическом соперничестве и борьбе. Старая империалистическая модель, зачастую ассоциируемая с Лениным (*Lenin V. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism*. N.Y.: International Publishers, 1916) и опровергнутая Стэйли (*Staley E. War and the Private Investor*. N.Y.: Doubleday, 1935), в частности, объясняет межгосударственные конфликты с точки зрения столкновения финансовых инвесторов, борющихся за контроль над долями на рынке. По окончании раздела рынков это соперничество различных национальных капиталистических блоков приводит к войне крупных держав. Кто бы что ни говорил об этой модели, но она явно объясняет события 1914–1918 гг. и, таким образом, охватывает проблемные ситуации, произошедшие за последние 500 лет. В отличие от этой, у некоторых новых моделей есть «ветви», которые позволяют им охватывать значительные временные рамки, не сводя задачу к определенному классу посредников.

¹² *Marx K. Capital*. Vol. 1. L., 1954; *Rostow W.W. The World Economy: History and Prospect*. Austin: University of Texas Press, 1978; *Idem. The Stages of Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960; *Idem. The Process of Economic Growth*. N.Y., 1962; *Kuznets S. Modern Economic Growth*. New Haven: Yale University Press, 1966; *Chenery H.B., Taylor L. Development Patterns: Among Countries and Over Time // The Review of Economics and Statistics*. 1968. N 50.

лей связывает эту отрасль с добычей и очисткой нефти, с услугами ремонта двигателя и кузова, автомобильными грузоперевозками, строительством и ремонтом дорог. Решение компании “Ford” стандартизировать автомобилестроение произвело революцию в индустриализации, задав тон в сборке автомобилей на специализированных производственных линиях при использовании стандартизированных компонентов. Таким образом, отдельные отрасли промышленности прямо или косвенно влияют на экономику в целом. Поэтому неудивительно, что развивающиеся страны элиты стараются сосредоточить внимание на одних и тех же отраслях, а также специализируются на секторах, в которых у них есть конкурентные преимущества, и которые способствуют созданию эффекта самостоятельного роста¹³.

По Сену, стратегические отрасли важны для достижения самостоятельного роста и развития, а также для индустриализации, в частности среди наиболее значимых держав, и международной политики, являющейся важной составляющей политики любого государства. Если одна страна наращивает потенциал лидера индустриализации, ее конкуренты также должны развивать индустриализацию, если таким образом, помимо развития вооружений, они намерены оставаться конкурентами в политическом плане.

Индустриализация распространяется через подражание. Первопроходец индустриализации получает промышленные и технологические преимущества, которые усиливают его военную мощь и, следовательно, повышают статус в иерархии международной политической системы. Затем другие страны следуют примеру первопроходца, осваивая отрасли промышленности для военных целей и последовательно инициируя процесс индустриализации¹⁴.

Четыре стратегических сектора (чугун и сталь, химическая промышленность, машиностроение и транспортировочное оборудование) непосредственно связаны с борьбой за индустриализацию. Чтобы иметь возможность состязаться в этой промышленной борьбе, ведущим игрокам необходимо создать державы, имеющие такие стратегические секторы экономики и развивающие их. Следовательно, зачастую успех стратегических секторов достигается за счет прикладных технологий, полученных в результате спонсируемых государством военных исследований, которые затем приспособляются под гражданские нужды. Гражданские прикладные технологии, скорее всего, выведут секторы на более высокую ступень развития, чем изначально предполагалось для военных целей, но инновации по-прежнему зависят от различных видов правительственно-военного стимулирования, включая субсидии, тарифную политику, государственную собственность и установление приоритетности государственных закупок.

В истории XIX и XX вв. представлено немало тому примеров — от парохода до железных дорог, самолетов и компьютеров. Однако Сен считает, что корни феномена уходят к интенсивной и экстенсивной борьбе в Европе начиная с XVI в. Индустриализация в целом и сосредоточение на отдельных отраслях промышленности в частности — лишь последствия столетий международного соперничества между соседними странами.

¹³ «Неэлитные» державы могут заполучить ниши в более крупных секторах глобальной экономики и отказаться от развития тех же секторов/отраслей. Аргумент Сена не может быть одинаково хорошо применен ко всем государствам и экономическим державам, однако лучше всего он подходит ключевым экономическим державам.

¹⁴ Sen G. Op. cit. P. 94.

Модель № 2: Банкер и Чиккантелл разработали простую теорию, основанную на нескольких обобщениях, но тем не менее дающую весьма неплохое объяснение. Интерпретация этих аргументов может быть обобщена в следующих пунктах:

1. Экономический рост требует координации технологических инноваций внутри страны при наличии доступа к дешевым и надежным источникам сырья;

2. Технологические инновации способствуют появлению экономии от масштаба, которая повышает спрос на сырье и снижает затраты на потребляемые ресурсы;

3. Увеличение спроса на сырье истощает запасы наиболее выгодно располагающихся ресурсов, что приводит к увеличению транспортных расходов, что, как правило, приводит к развитию инноваций и капитальным вложениям в транспортировку ресурсов и инфраструктуру, а также к расширению территории приобретения ресурсов;

4. Координация экономического роста способствует расширению политических и финансовых возможностей государственных и частных структур страны, находящейся в стадии такого роста;

5. По мере того как государства в стадии экономического роста решают проблемы развития технологических инноваций, политической и финансовой координации, экономии от масштаба, доступа к сырью и расходов на транспорт, они становятся более конкурентоспособными в торговле. Государства, которые успешнее своих конкурентов решают проблемы, имеют потенциал занять доминирующее положение в торговле на определенный срок;

6. Страны в стадии экономического роста и компании этих стран по возможности стремятся передавать как можно больше расходов на добычу неключевых ресурсов на периферию. Кроме того, технологические и организационные преимущества, связанные с экономическим ростом и конкуренцией, лишь подчеркивают неравенство между государствами. В итоге мы имеем истощение ресурсов на периферии и уменьшение вероятности периферической индустриализации.

Таким образом, в центре этой теории находится динамичное переплетение «созидающих» технологических инноваций и сырья, которые необходимы для создания технологий эффективной и недорогой работы, а также сети покупок и транспорта, необходимые для поддержания импорта и экспорта, для которых характерно движение продукции между производителем и потребителем. Банкер и Чиккантелл не так много внимания уделяли конкуренции как переходу статуса экономического лидера, характерного для этого процесса, однако описанные процессы осуществляются не в вакууме. Наиболее амбициозные государства соревнуются на предмет того, кто лучше всех создаст «созидающие» технологии и экономии от масштаба, получит доступ к наиболее важному сырью, а также разработает наилучшую инфраструктуру закупок и транспорта. Если одной стране удастся выбиться в лидеры в этой борьбе, она получает ключевое преимущество. Однако, пробиваясь вперед, необходимо победить всех соперников. После получения доминирующей позиции также необходимо считаться с дальнейшим давлением со стороны конкурентов, которые стремятся повторить восхождение лидера к вершине. В первую очередь давление направляется на технологические инновации, доступ к ресурсам, а также развитие инфраструктуры.

Модель № 3: Кеннеди не дает однозначного толкования модели коммерческого соперничества, но его идеи об англо-германских коммерческих противоречиях вполне можно обобщить. Конкуренция является основной движущей силой. Один

из способов усиления коммерческой конкуренции проявляется в фазах депрессии в мировой экономике. Чтобы очистить рынки, необходимо снизить цены. Прибыль уменьшается. Производится поиск новых рынков, колонии как монополизированные источники сырья становятся наиболее привлекательными, таким образом, удается снизить производственные расходы. Спрос обеспечивается за счет монополизированных рынков. Тем не менее второй способ усиления конкуренции проявляется при развитии новых отраслей промышленности. Однако поскольку в настоящее время эти новые отрасли промышленности одновременно развиваются несколькими странами, а общий объем производства может превысить спрос, в результате могут появиться излишки производства и мощностей.

Ряд факторов может смягчить проблемы, связанные с ростом конкуренции. Если два государства находятся на разных стадиях развития, при этом одно из них поставляет сырье в обмен на готовую продукцию, торговые противоречия менее вероятны. Экономическая взаимосвязанность в целом работает аналогичным образом. С другой стороны, страна, в которой доля внешней торговли незначительна, скорее всего, менее негативно будет реагировать на стрессы мировой экономики. Посредничество элиты также может способствовать разрядке напряженных ситуаций. Но эти потенциально смягчающие факторы также могут быть компенсированы за счет протекционизма других государств. Возведение искусственных торговых барьеров вряд ли можно оценить по достоинству, когда доступ к внешним рынкам считается особенно важным. Протекционизм и конкуренция в целом могут проявляться при взаимодействии всех других участников или при выборе специальных тактик для отдельных участников рынка. Одним из факторов, которые отмечал Кеннеди, является формирование отношения к недобросовестным приемам со стороны отдельных участников. Торговые барьеры, применимые исключительно к собственной продукции, или сомнительные попытки увеличить долю на рынке обманным путем в некотором роде вынуждают отплатить той же монетой. Это может привести к развитию спирали конфликта. В конце концов, если два государства придерживаются совершенно противоположных политических мировоззрений, являющихся причиной их противоречий во внешнеэкономической политике, торговое соперничество становится все более вероятным.

Модель № 4. Объединение предыдущих моделей. Объединить эти три модели несложно. Даже если они сосредоточены на отдельных компонентах, у них много общего. Все модели рассматривают развитие новых отраслей промышленности, называемых «новыми», «стратегически важными» или «созидающими». Отчасти именно поэтому две из трех моделей (Сена и Кеннеди) указывают на вероятность развития излишних мощностей. В соответствии с различными объяснениями новые очаги конфликтов не обязательно будут развиваться по привычному шаблону, но в любом случае сходить не миновать. Размышляя над этим концептуальным ядром, Сен подчеркивает параллельное развитие конкурентов и их военной мотивации. Банкер и Чиккантелл среди прочего указывают на поиск доступа к сырью и развитие транспортной инфраструктуры и сетей. Кеннеди говорит о депрессиях, недобросовестных методах и посредничестве элиты.

Прослеживается так называемый синдром развития секторов промышленности. Основная идея заключается в том, что современное экономическое развитие происходит вдоль линий творческого разрушения Шумпетера с внедрением инноваций в новые промышленные секторы и постепенным или резким изменением

старых секторов экономики. Экономическое развитие и лидерство предполагают умение использовать эти последовательные технологические волны в целях роста и трансформации внутренней экономики. Самые успешные игроки развивают все более сложную технологически экономику и поднимаются в мировом рейтинге стран с наиболее развитой в техническом плане экономикой.

У этих тенденций экономического развития есть ряд значений. Прежде всего в них заложена идея, что наиболее конкурентоспособные игроки, вероятно, сосредоточат усилия на разработке в точности тех же устройств, что и их конкуренты. Таблицы 1–3 отображают эту тенденцию на протяжении большей части индустриальной эры. В табл. 1 представлены ключевые секторы, которые приводят к радикальным изменениям во всех странах, где они внедряются, и предпринята попытка установить, когда отдельные секторы фактически занимали «доминантное» положение в пяти крупнейших державах. Таблица 2 отображает хронологическую картину с указанием десятилетий в истории одной или нескольких из пяти держав, в которые тот или иной сектор занимал ключевое положение.

Т а б л и ц а 1

Периодизация ключевых секторов (по Росту)

Сектор	Великобритания	Франция	Германия	Япония	США
Текстиль (хлопок)	1780–1860	–1880	–1890	1880–1920	1820–1870
Чугун первой плавки	1780–1880	1830–1950	1850–1950	1900–	1840–1910
Железные дороги	1830–1870	1840–1880	1840–1880	1880–1900	1830–1890
Сталь	1870–1920	1870–1950	1870–1950	1900–	1870–1920
Электричество	1900–	1900–1960	1900–1960	1920–1950	1900–
Моторные транспортные средства	1920–1960	1920–	1920–1960	1930–	1910–1950

Источник данных: *Rostow W.W. The World Economy: History and Prospect. Austin: University of Texas Press, 1978. P. 379, 393, 400, 408, 422 (здесь и для табл. 2).*

В табл. 2 представлены несколько аспектов тенденций развития. Одна или несколько стран получают фору на несколько лет, остальным приходится нагонять и все чаще развивать одни и те же ключевые секторы приблизительно в одно и то же время. Таким образом, можно выделить три основные характеристики процесса: лидерство в сфере технологий, попытка отдельных элитных конкурентов догнать лидера, периоды параллельного производства и усиления конкуренции. Несмотря на все достоинства сравнения преимуществ, этот принцип необязательно приводит к разделению труда между наиболее успешными державами.

Периодизация ведущих секторов Росту, вероятно, ближе всего к новым секторам Кеннеди. Говоря о стратегических отраслях промышленности, Сен упоминает эти же модели, пусть и несколько иным образом. Первоначальное лидерство, попытки постепенно догнать лидера и параллельное сосредоточение на одних и те же секторах представлены в табл. 3.

В первой трети XX в. Великобритания отдала роль лидера США, которые, в свою очередь, сдали позицию менее сосредоточенной конкуренции начала 1970-х гг.

Эта информация далеко не нова, но она упомянута здесь в поддержку того, что развитие лидерства, попытки догнать лидера, а также параллельное развитие и усиление конкуренции заложены в природе промышленного развития. Структурные характеристики представляют собой не просто одну из функций идиосинкразического сосредоточения на отдельных секторах.

Т а б л и ц а 2

Образование кластеров под натиском ключевых секторов

Десятилетие	Текстиль	Чугун	Железные дороги	Сталь	Электричество	Моторные транспортные средства
1780	Великобритания	Великобритания				
1790						
1800						
1810						
1820	США					
1830		Франция	Великобритания, США			
1840		США	Франция, Германия			
1850		Германия				
1860						
1870				Великобритания, Франция, Германия, США		
1880	Япония		Япония			
1890						
1900		Япония		Япония	Великобритания, Франция, Германия, США	
1910						США
1920					Япония	Великобритания, Франция, Германия
1930						Япония
1940						
1950						

Доли основных отраслей на рынке глобальной торговли, %

Отрасль	1899	1913	1929	1937	1950	1955	1963	1967	1971
Машиностроение									
Великобритания	38	28	17	18	25	221	16	12	12
США	25	24	30	37	42	34	29	26	21
Германия	24	34	26	21	8	20	21	23	21
Япония	0	1	1	1	1	2	7	8	14
Текстиль/Одежда									
Великобритания	47	43	34	37	33	21	13	10	9
США	3	3	5	3	11	12	9	9	6
Германия	16	15	7	6	3	8	11	14	18
Япония	3	4	10	22	8	15	16	20	20
Химическая промышленность									
Великобритания	23	20	16	17	19	17	14	11	9
США	17	11	17	20	38	28	26	22	19
Германия	27	40	28	25	10	17	22	24	22
Япония	0	0	2	4	0	2	5	7	9
Транспорт									
Великобритания	60	36	15	15	38	27	20	14	10
США	15	35	55	48	35	32	23	26	21
Германия	9	19	8	11	5	18	23	18	18
Япония	0	0	0	4	1	2	6	10	16
Металлы									
Великобритания	36	26	17	14	17	13	11	9	8
США	23	26	24	21	18	18	12	9	7
Германия	19	28	24	16	11	11	18	21	18
Япония	2	2	0	3	6	16	11	13	22

Источник данных: *Sen G. The Military Origins of Industrialization and International Trade Rivalry*. L.: Pinter, 1984. P. 164, 171, 179.

К этому ядру концепции можно добавить иные факторы, которые, как правило, усугубляют экономическую конкуренцию. Стремление к достижению военной самодостаточности способствует развитию отдельных секторов, имеющих решающее значение для промышленного развития. Необязательно соглашаться с тем, что военные интересы являются основной движущей силой индустриализации, чтобы оценить значимость этого исторического вклада. Кроме того, пока усилия направ-

ляются на развитие отраслей, значимых для военной промышленности, не стоит беспокоиться о том, в какой степени страны самодостаточны в военном плане.

Достижение экономии от масштаба внутри страны способствует экспорту продукции, в основном приобретаемой другими развитыми странами, которые могут себе это позволить, тем самым повышая экономическую взаимозависимость. Но, учитывая тенденции к производству схожей продукции, периоды избытка предложения несложно предугадать и нетрудно понять. Поиски сырья требуют развития инфраструктуры транспортных средств и сетей. Со временем экономия от «созидания» увеличивается, равно как и поиск ресурсов.

Опоздавшие «к раздаче» вынуждены защищать свои зарождающиеся отрасли промышленности с учетом форы первопроходцев. Доли на рынке могут быть увеличены за счет демпинга, распространения слухов о продукции конкурентов, а также использования различных субсидий и частично скрытых торговых барьеров. Опоздавшие также стремятся не допускать мысли о том, что рынки уже захвачены и монополизированы первопроходцами.

Периоды экономической депрессии чаще всего еще больше усугубляют обычные спорные ситуации, порождаемые экономической конкуренцией, потому что производителям приходится больше работать, чтобы не допустить сокращения долей на рынке. Более того, согласно одной гипотезе, периодические депрессии заложены в структуру современного экономического развития как фазы перехода приоритетности от одних секторов к другим. Чем сложнее такой переход, тем дольше и острее протекает депрессия¹⁵.

Взаимозачет этих факторов, способствующих возникновению споров и конфликтов между странами экономической элиты, является ограничением, которое развивается, потому что разрыв отношений с поставщиками и потребителями обходится слишком дорого. Люди, больше других вовлеченные во взаимозависимости, но и, разумеется, не только они, являются важными субъектами, на которых скажутся затраты, связанные со сбоями из-за конфликтов. Предположительно, при возникновении конфликтов они будут выступать в качестве посредников и пытаться разрядить напряженную обстановку. Не стоит недооценивать этот компонент, считая, что это вымысел, необходимый для понимания того, что посредничество элиты — соломинка, от которой зависит противостояние различным последствиям «синдрома развития секторов». В периоды острой экономической конкуренции можно ожидать, что посредничества элиты и сдерживающего влияния экономической взаимозависимости может оказаться недостаточно.

Какие особенности конкуренции между крупными державами могут помочь объяснить эти неоднозначные результаты? История последних пятисот лет доказывает, что государства, стремящиеся расширить промышленную и коммерческую деятельность в мировой экономике, в частности опоздавшие страны, пытающиеся догнать установившегося лидера системы, периодически сталкиваются как минимум с четырьмя основными проблемами, которые могут снизить сдерживающее влияние экономической взаимозависимости:

¹⁵ Эта интерпретация мировых долгосрочных волн депрессии предполагает, что мировой экономикой движут кластеры новых технологий, которые достигают пределов развития приблизительно в одно и то же время. Экономический рост замедляется и возобновляется лишь при появлении нового технологического кластера, однако нет гарантий того, что один кластер придет на смену старому немедленно или без существенных изменений в системах инвестиций, инфраструктуры и даже социально-политической сферы.

1. Опоздавшие страны противостоят мировой экономике, в которой рынки и имперские территории уже разделены. Как следствие, опоздавшие правомерно или неправомочно считают, что им необходимо прокладывать путь вперед, потому что обогнавшие их государства вряд ли добровольно сдадут свои позиции и доли на рынке¹⁶;

2. Благодаря экономическому развитию конкуренты сосредоточиваются на развитии одних и тех же секторов и отраслей, а не на идее взаимодополняемости, которая подразумевает специализацию стран на определенных секторах на основании конкурентных преимуществ и более детального разделения труда. Лидер технологий и, в зависимости от исторического периода, все страны с развитой экономикой, как правило, стремятся производить сталь, автомобили или компьютеры. Кроме того, они требуют от внешних рынков соответствующего приспособления масштабов производства. Схожая продукция и конечные рынки приводят к увеличению и возможному обострению конкуренции, которая может приобрести характер игры «кто кого». Чаще всего от этого страдают отрасли промышленности, являющиеся критичными или имеющие статус критичных для национальной безопасности;

3. Если элитные державы, как правило, имеют аналогичную промышленную структуру и производственные ориентиры, возможно, всем им понадобится доступ к надежным и относительно недорогим энергетическим ресурсам. Если снабжение энергоресурсами производится в недостаточном количестве или, хуже того, уменьшается или если растущий спрос на них опережает предложение, весьма вероятно возникновение борьбы за доступ к энергетическим ресурсам, необходимым для работы развитых держав;

4. Ранее опоздавшие страны стремились к централизованным стратегиям (эффект Гершенкрона — государственное вмешательство и защита, субсидии, промышленная политика) и пытались улучшить свои шансы пробиться в ряды элиты¹⁷. Государства, в большей мере ориентированные на статус-кво, чаще всего считают, что новые конкуренты действуют нечестно (например, используют демпинг, агрессивную торговую политику, манипулирование курсами обмена валют) и перebarщивают с карательной политикой в попытках нагнать конкурентов. Весьма вероятно, что периоды экономической депрессии обостряют восприятие якобы несправедливых и агрессивных методов конкурентов.

Каждая из этих проблемных областей означает, что возросшее экономическое взаимодействие и взаимозависимость могли бы также сопровождаться нарастанием конфликта между наиболее важными экономическими субъектами. Любого из этих четырех факторов достаточно, чтобы преодолеть барьеры взаимозависимости, задачей которых является предотвращение дорогостоящих сбоев в торговле, а сочетание трех или всех четырех, безусловно, может подавить более мирные последствия возросшей взаимозависимости.

¹⁶ Недовольство опоздавших стран отчетливо проявляется в аргументах перехода лидерства. См., например: *Organski A.F.K. World Politics*. N.Y.: Alfred Knopf, 1958, а также *Organski A.F.K., Kugler J. Op. cit.*

¹⁷ Эффект Гершенкрона (*Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge: Belknap Press, 1962) означает, что странам, поздно занявшимся проблемами экономического роста, приходится преодолевать больше препятствий, чем странам, позаботившимся об этом ранее, следовательно, в попытках догнать лидеров экономического роста в опоздавших странах с большей вероятностью появится авторитарное правительство, централизованное планирование и банковско-деловое партнерство.

Обострение вражды среди самых могущественных государств в системе, кроме всего прочего, обусловлено борьбой за первенство в мировой экономике. Зачастую это связывают с его переходом первенства, при котором происходит смена действующего экономического лидера. Если следы предполагаемых источников экономического соперничества не столь очевидны в периоды, ведущие к обострению противоречий и глобальным войнам, гораздо менее вероятно, что они будут найдены в другом месте. Иными словами, глобальные войны являются наиболее вероятным способом проявления экономической конкуренции. В этом смысле исследование будет не самым сложным из возможных¹⁸.

Тщательное изучение глобальных войн в тесной связи с экономическим соперничеством позволяет достичь сразу двух вспомогательных целей. Первая — мотивационная. Коммерческому/экономическому соперничеству, как правило, не уделяется внимание в изучении борьбы за звание лидера. Если указанные источники экономического соперничества более явно проявляются в анналах глобальных войн, то это станет для нас очередным стимулом уделять больше внимания этим экономическим противоречиям. Для достижения второй цели требуется историческое предположение. Глобальные войны охватывают около 500 лет (до наших дней). До 1494 г. в мире не случалось ничего похожего на глобальную войну, и даже первоначальная вспышка слабо напоминает то, что произошло в рамках мировой войны к 1945 г. Поэтому маловероятно, что источники современного экономического соперничества в полную силу проявились бы с самого начала. Скорее, мы могли бы предположить, что некоторые из источников проблем проявляются постепенно, и эта гипотеза, безусловно, должна быть проверена.

Надо отметить, что не все войны второй половины прошлого тысячелетия представляют теоретический или эмпирический интерес (рассматриваемые нами периоды глобальной войны приведены в табл. 4). Многие ученые не воспринимают концептуальную идентичность объединенных или комбинированных войн. Например, Первая и Вторая мировые войны часто представляются как взаимосвязанные конфликты, однако ученые, изучающие циклы долгосрочного лидерства, рассматривали эти войны как поворотные моменты в системных процессах сосредоточения/рассредоточения¹⁹. Переломные моменты отчасти происходят, потому что глобальное рассредоточение власти приводит к конфликту элиты. Они и являются таковыми, так как в конце концов происходит рассредоточение власти в глобальной системе и, таким образом, меняется контекст мировой политики. Так, например, германский вопрос не был полностью решен в 1918 г., Великобритании не удалось восстановить центральное положение в мировой экономике, равно как и США не удалось вытеснить Великобританию с насиженного места. К 1945 г. эти вопросы были решены. Соответственно, период 1914–1945 гг. оказался временем структурного кризиса, который можно рассматривать как отдельный этап истории, а не две разных мировых войны 1914–1918 и 1939–1945 гг., в которых подчеркиваются отличительные особенности каждой из них.

¹⁸ В идеале нам нужно было получить независимую информацию о распространенности указанных проблем экономической взаимозависимости, а затем проанализировать, как часто конфликт перерастал в войну. Иногда нам приходится соглашаться с тем, что идеальных ситуаций для проверки аргументов не бывает. Пока такой анализ остается технически неубедительным, в качестве первой пробы можно выбрать зависимую переменную.

¹⁹ *Modelski G., Thompson W.R. Long Cycles and Global Wars // Handbook of War Studies / Ed. by M. Midlarsky. Boston: Unwin Hyman, 1989.*

Глобальные войны (1494–1945)

Глобальная война	Основные участники
Войны Италии в Индийском океане (1494–1516)	Италия (Венеция) против Испании и Португалии
Война за независимость Голландии (1580–1608)	Испания против Нидерландов, Англии и Франции
Войны Большого альянса (1688–1713)	Франция и Испания против Нидерландов и Англии
Французская революция и наполеоновские войны (1792–1815)	Франция против Великобритании, России, Пруссии и Австрии
Первая и Вторая мировые войны (1914–1945)	Германия, Австрия и Япония против Великобритании, США, Франции и России (СССР)

Основной вопрос в следующем: способствуют ли факторы, связанные с недостатками экономической взаимозависимости, развязыванию или затягиванию глобальной войны? Доказательства определенного влияния этих факторов на развязывание войны можно условно разделить следующим образом: влияние «отсутствует», «слабо присутствует», «присутствует» или «сильно присутствует». Доказательства, ограничивающие влияние на затягивание существующей войны, оцениваются прежде всего по развитию борьбы (или отсутствию такового). От оценки наличия или отсутствия каждого фактора в контексте каждой глобальной войны можно перейти к рассмотрению тенденции (тенденций) развития, проявляющейся (проявляющихся) в пяти глобальных войнах за почти 500 лет.

Все аспекты процессов не могут быть рассмотрены в рамках настоящего анализа²⁰. Глобальные войны стоит рассматривать с точки зрения трех областей исследования: 1) восприятие относительно закрытых рынков; 2) сосредоточение на одних и тех же секторах/отраслях и конкуренция за доступ к сырью и энергии; 3) обход правил стратегической политики и применение недобросовестных приемов.

Восприятие относительно закрытых рынков

Страны, берущие под контроль торговые пути, рынки и ключевые секторы промышленности, приходят туда первыми. Они создают базы, анклавов, получают источники сырья и доли на потребительском рынке²¹. Опоздавшим требуется доступ к тем же торговым путям и рынкам. Они тоже захотят получить базы и анклавов приблизительно в тех же местах. Они даже могут конкурировать в продаже продукции тем же клиентам.

Ряд коммерческих товаров, представлявших ценность при становлении современной Европы, производился в нескольких местах. Начиная с 1550-х гг. серебро в основном приходило из испанских шахт в Южной Америке, специи поступали с нескольких островов Индонезийского архипелага. Сахарный тростник сначала

²⁰ В частности, изучение попыток посредничества элиты и/или распространение экономической депрессии более чем за 500 лет — дело кропотливое, так что лучше оставить это исследование для отдельной работы.

²¹ На стыке основных решений за последние 500 лет см.: *Harkavy R. Long Cycle Theory and the Hegemonic Powers' Basing Networks // Political Geography. 1999. N 18.*

выращивали в Бразилии, пока плантации ближе к Средиземному морю не оказались менее продуктивными, а затем сахар стали поставлять с некоторых Карибских островов²². Табак выращивали на восточном побережье Северной Америки, чай везли из Китая и т.д. В погоне за этими товарами торговцы вступали в борьбу друг с другом. Тот, кто контролировал доступ к наиболее ценным продуктам, мог в некоторой мере устанавливать цены и определять, кто получит доступ к этим товарам. Соблазн приобретения источников производства у первоначальных владельцев был, должно быть, велик.

Отчасти именно поэтому французы и англичане воевали за доступ к колониям Испании в Латинской Америке. Голландцы и португальцы сражались за контроль над производством сахара в Бразилии. Голландцы, англичане и португальцы боролись за доступ к специям. Осознание того, что система была относительно закрытой для новичков, не всегда казалось нереалистичным. Первопроходцы обычно не чувствовали себя обязанными делиться своими источниками поставок и рынками с опоздавшими странами. Но закрытость рынков также могла быть преувеличена. Так, Франция и Англия не просто хотели стать конкурентами Голландии в XVII в. Скорее, они предполагали, что объем торговли в Европе имел ограничения. Все, что они приобретали, уже находилось под контролем Голландии. Открыв для себя Индийский океан, португальцы решили, что местные рынки будут закрыты для них, потому что считалось, будто торговцы-мусульмане полностью контролировали распределение товаров торговли. Пусть это несколько преувеличено, тем не менее это дало португальцам стимул освоить индийские торговые порты и готовиться к борьбе и, таким образом, они сами накликали беду²³.

Войны Италии в Индийском океане (1494–1516). В XV в. Венеция и Государство мамлюков были монополистами в регионе, но в рамках исследования Индийского океана португальцы обошли установившуюся «монополию». В целях удержания контроля над новым рынком португальцам пришлось сражаться с гуджарати, мамлюками и османской оппозицией, однако Венеция избегала любой непосредственной физической конфронтации с португальцами²⁴. Возможно, осада итальянского города-государства в результате французской и испанской интервенции в рамках борьбы за престолонаследие была как-то связана с отказом Венеции от открытой конфронтации.

Война за независимость Голландии (1580–1608). В 1580-е гг. гражданская война имперских городов в Нидерландах, добровольцы, отток торговцев-беженцев, блокада Голландии и иные процессы слились воедино, что обрекло Антверпен продолжать исполнять роль главного европейского склада. В итоге Амстердаму удалось занять эту позицию и использовать свою региональную базу, чтобы стать глобальным центром перераспределения ресурсов. Такому расширению роли способствовало периодическое наложение Испанией эмбарго на торговлю Голландии в иберийских портах, не дающее последней получить доступ к товарам, ввозимым на Иберийский полуостров из-за пределов Европы. Решение проблемы было схо-

²² Голландия попыталась отвоевать Бразилию у португальцев и, потерпев неудачу, стала посредником в смещении производства сахара на острова Англии.

²³ По сути, Португалия стремилась расширяться посредством ддящихся сотни лет христианско-мусульманских противостояний в Средиземном море за Индийский океан.

²⁴ См., например: *Modelski G. Enduring Rivalry in the Democratic Lineage: The Venice-Portugal Case // Great Power Rivalries / Ed. by W.R. Thompson. Columbia: University of South Carolina Press, 1999.*

же с ранее описанным обходом Португалией монополии Венеции и Государства мамлюков на специи и другие восточные товары. Голландцы решили обойти Иберийскую монополию и по возможности получить лидирующую позицию в португальской глобальной сети²⁵. Голландско-португальская вражда в Бразилии, Африке и Южной Азии происходила в одно время с попыткой голландцев вытеснить как португальский торговый режим в Индийском океане, так и его анклавов вдоль афро-евразийского побережья. К тому времени как голландцы провозгласили свою независимость, конфликт перерос в борьбу за звание лидера глобальной экономической системы, борьбу, которую голландцы в итоге выиграли, спустя 80 лет глобального конфликта, периодически перемежающегося периодами мира.

Войны Большого альянса (1688–1713). Во второй половине XVII в. Голландия как экономический лидер подверглась нападению со стороны как Англии, так и Франции. Главы обоих государств решили, что Голландия контролирует слишком большой объем торговли в Европе, и их задачей является отнять у голландцев как можно больше. Пока англичане и голландцы трижды вступали в войну в период с 1650 по 1670 г., амбиции Франции вышли за рамки простого захвата некой части голландской торговли, и теперь французы хотели вытеснить Нидерланды с позиции экономического лидера²⁶. Для достижения этой цели необходимо было установить французское господство над Нидерландами в Европе и за ее пределами. Война началась в 1672 г. и с перерывами продолжалась до 1713 г. Тем временем голландский штатгальтер снова стал играть ключевую роль в английской внешней политике, по сути, силой захватив английский престол и вынудив Англию примкнуть к антифранцузской коалиции. Однако по иронии судьбы в борьбе 1688–1713 гг. Голландия обанкротилась и была вынуждена уступить статус экономического лидера Великобритании.

Во второй фазе борьбы в этот период одним из важных аспектов было престолонаследие в Испании. Считалось, что любой успешный кандидат играл важную роль в открытии возможностей для проникновения сторонних субъектов на закрытые рынки Испанской колониальной империи. Следовательно, и Голландия, и Англия были особенно заинтересованы в том, чтобы исключить Францию из списка кандидатов на испанский престол.

Французская революция и наполеоновские войны (1792–1815). Несмотря на то что Голландия все свое внимание сосредоточила на борьбе с Францией, нивелировать притязания Франции превратить долю в Европейском регионе в глобальное господство в 1713 г. не удалось. Война с Англией возобновлялась в 1740-х, 1750–1760-х и 1770–1780-х гг. и перетекла во Французскую революцию и наполеоновские войны 1793–1815 гг. Противостояние завершилось провалом французов и потерей Францией владений в Канаде, странах Карибского бассейна и Индии. Победа Великобритании была омрачена лишь потерей тринадцати колоний в Америке.

²⁵ Испания поглотила Португалию и технически ее империю в 1581 г.

²⁶ Более подробно о проблемах внешней политики Голландии см.: *Wilson C.H. Profit and Power: A Study of England and Dutch Wars.* L.: Longmans, Green, 1957; *Israel J.I. Dutch Primacy in World Trade, 1585–1740.* Oxford: Clarendon Press, 1989; *Levy J.S. Economic Competition, Domestic Politics, and Systemic Change // Great Power Rivalries / Ed. by W.R. Thompson.* Columbia: University of South Carolina Press, 1999; *Levy J.S., Ali S. From Commercial Competition to Strategic Rivalry to War: The Evolution of the Anglo-Dutch Rivalry, 1609–52 // The Dynamics of Enduring Rivalries / Ed. by P.F. Diehl.* Urbana: University of Illinois Press, 1999; *Thompson W.R. The Emergence of the Global Political Economy.* L.: Routledge, 2000.

Первая и Вторая мировые войны (1914–1945). Британская промышленная революция конца XVIII в. изменила структуру глобальной экономической конкуренции, сменив приоритетность промышленного производства ранее принятым контролем над коммерческими рынками. Инновационные волны новых технологий отныне стали основным критерием экономического лидерства. Великобритания возглавила первые две волны, нацеленные на инновацию текстильной и чугунолитейной промышленности, производство паровозов и железных дорог, однако пошатнулась перед смещением фокуса на химическую промышленность, добычу стали и электроэнергетики. Германия и США были лучше готовы возглавить эти ведущие отрасли и бросить вызов Великобритании как экономическому лидеру. Но какая из этих стран представляла большую угрозу статусу Великобритании? В долгосрочной перспективе у США был значительный потенциал, что могло заставить Великобританию предпринять попытку противостоять их экономическому росту. Вместо этого Великобритания решила, что рост США практически неизбежен и что Германия более явно угрожала безопасности страны как с точки зрения европейских, так и ближневосточных рынков, а также немецких территорий у Северного моря²⁷.

Проблемы возникли не просто из-за усиления конкуренции. Скорее, особенно проблемные ситуации возникали в местах усиленной конкуренции. Конкуренция со стороны Германии являлась и воспринималась как вторжение на традиционные рынки Великобритании внутри страны, на европейском континенте и т.д. Проблема Германии с экспортом продукции обрабатывающей промышленности возникла раньше и острее, чем у американского конкурента. К 1913 г. рыночная доля Германии почти сравнялась с долей Великобритании. К 1913 г. Германия обошла Великобританию в экспорте промышленных товаров и для промышленно развитых стран, и для развивающихся стран — производителей сырья. Великобритания сохранила статус лидера по экспорту лишь в полуиндустриальном мире и на собственной имперской торговой площадке.

Экстремистское отношение Великобритании было выражено в статье газеты “*Saturday Review*” в 1897 г.: «...Немецкие странствующие торговцы боролись с английскими уличными торговцами везде — в Трансваале, на Мысе, в Центральной Африке, на дальнем северо-западе и т.д. Если где-то появлялась новая шахта, возможность построить железную дорогу, перейти от производства хлеба к изготовлению мясных консервов, возможность торговли спиртными напитками там, где раньше был на это запрет, Германия и Англия начинали борьбу за право попасть туда первыми. Так, миллионы мелких споров привели к развязыванию крупнейшей мировой войны, подобной которой мир еще не видел. Если бы удалось завтра нейтрализовать Германию, на следующий день не осталось бы ни одного англичанина в мире, который не был бы сказочно богат. Страны боролись за города или права наследования; неужели им действительно нужно было бороться за двести пятьдесят миллионов фунтов ежегодной торговли?»²⁸.

Еще одно отличие в экономическом соперничестве трех держав заключалось в том, что Германия постепенно стала настаивать на получении колоний, большинство из которых располагалось довольно близко к британским, особенно на

²⁷ При прочих равных, действующие лидеры системы, как правило, прибегали к прямым, а не к абстрактным угрозам (*Thompson W.R. The Evolution of Political-Commercial Challenges in the Active Zone // Review of International Political Economy. 1997. N 4*).

²⁸ *Hoffman R.J.S. Great Britain and the German Trade Rivalry, 1875–1914. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1933. P. 281.*

юго-востоке Африки, в Китае и на Ближнем Востоке. Проблема колоний особенно усугубилась, когда оказалось, что Германия при необходимости намерена принудительно расширить территориальный контроль, в частности за счет соседней территории Великобритании²⁹. Например, Дж. Стенгерс отмечает, что англо-германские разногласия в отношении Африки проявились фактически в течение первого десятилетия немецкой оккупации³⁰. Лишь в 1894 г. увеличилась вероятность того, что обе державы в конечном итоге будут бороться за контроль над конкретными участками территории, между ними обострилось напряжение и стала возрастать подозрительность. У англо-американских трений за Тихий океан и Китай появился потенциал, который на деле не был реализован. США разработали более явный империалистический подход лишь после победы над Испанией в 1898 г. Но даже после этого Карибский бассейн и Филиппины так и остались вдалеке от приоритетов Великобритании конца XIX в., сосредоточившей внимание на внутренних районах.

Шибер (Schieber) (1923/73) подчёркивает, что деятельность Германии практически в тех же районах (Самоа, Китай, Филиппины, страны Карибского бассейна и Южной Америки) имела противоположный эффект для Северной Америки. Эти районы представляли особый интерес для США, так что признания не получили ни мотивы Германии, которые всё чаще шли во вред американским интересам, ни ее тактика принуждения³¹. К. Шибер указывала на дегенерацию американо-германских отношений от относительно дружественных в 1870 г. к более враждебным в 1914 г.: «множество событий заставило США постепенно прочувствовать все — от страха до подозрительности и недоверия к Германии и ее мотивам»³².

Сосредоточение на одних и тех же отраслях и конкуренция за доступ к сырью и энергии

Исторический опыт показывает, что конкуренты имеют схожие коммерческие тенденции, промышленное развитие и доступ к сырью и энергоресурсам. Экономический рост и торговля лидеров мировой экономики не основывается исключительно на обеспеченности или сравнительных преимуществах. Чтобы оставаться лидером на все времена, страна должна доминировать в нескольких областях товарообмена и производства, которые имеют особое значение для определенного периода времени. Некоторые товары ценятся более высоко и считаются более прибыльными, пока их поставка не расширяется и их доступность не увеличивается. Так, специи преобладали в азиатско-европейской торговле вплоть до XVIII в., пока их не вытеснили чай и индийский текстиль. В американо-европейской торговле преобладали сахар и табак. Дело в том, что объектами торговли могут являться буквально тысячи товаров, но лишь немногие из них имеют особую ценность, т.е. именно за них и стоит бороться. Промышленное развитие работает аналогичным образом. Можно произвести тысячу различных «товаров», но лишь некоторые из

²⁹ *Louis W.R.* Great Britain and German Expansion in Africa, 1884–1919 // *Britain and Germany in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule* / Ed. by P. Gifford, W.R. Louis. New Haven: Yale University Press, 1967; *Seligmann M.S.* Rivalry in Southern Africa, 1893–99. N.Y.: St. Martin's Press, 1998.

³⁰ *Stengers J.* British and German Imperial Rivalry: A Conclusion // *Britain and Germany in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule*.

³¹ *Schieber C.E.* The Transformation of American Sentiment Toward Germany, 1870–1914. N.Y.: Russell and Russell, 1923/73.

³² *Ibid.* P. 284.

них, такие как железные дороги, автомобили или компьютеры, играют особую роль в течение конкретных десятилетий по целому ряду причин. За счет выделения отдельных дефицитных товаров на фоне других источники торговли и промышленности представляют большую ценность, чем структура конкуренции за доступ к сырью и энергии.

Тенденция к конфликтам из-за доступа к наиболее желанным товарам, плохо сказывающаяся в доиндустриальный период контроля над мировыми торговыми путями, становится более острой в индустриальный период. Такие понятия, как сравнительные преимущества, специализация и разделение труда положительно влияют на множество ситуаций. Однако они не так хорошо применимы к рядам элиты, пытающимся работать на рубеже технологий. Проблема еще больше усугубляется с появлением новых технологий в кластерах. За текстильной и чугунной промышленностью последовало развитие паровых двигателей и железных дорог. За ними — химическая, стальная и энергетическая промышленность, а затем и машиностроение. С недавнего времени появились аэрокосмическая промышленность и электроника, а затем информационные технологии выступили в качестве стратегической отрасли, имеющей наибольшее значение, использующей передовой опыт и квалифицированный труд и дающей относительно высокие доходы и заработную плату, а также являющейся критически важной для военного потенциала.

Перескочить через современные технологические кластеры сложно. Таким образом, тем, кто пытается нагнать лидеров индустриализации, не перепрыгнуть из текстильной промышленности в электронику, минуя стальную промышленность и автомобилестроение. Поэтому, чтобы конкурировать с ключевыми экономическими державами, необходимо оставаться конкурентоспособными в тех же отраслях, на развитии которых лидер концентрирует внимание в настоящее время, или которые он уже развил до достаточного уровня. Если лидер совершает ошибку и преждевременно становится на неконкурентоспособный путь (как это сделала Великобритания в отношении стали), ведет себя чрезмерно самодовольно и позволяет конкурентам улучшить свое положение (как США в отношении автомобилей), возможно, претенденты смогут превзойти лидеров. Но даже если они этого не делают, характер современного экономического развития призывает их к развитию тех же отраслей промышленности приблизительно в то же время. Торговля внутри отрасли или компании может смягчить, но никак не устранить эту проблему³³. Это усугубление отношений возникает между лидерами и их конкурентами, но это также относится и к динамике развития конкурентов. Таким образом, если есть несколько претендентов, все они, вероятно, будут производить одинаковые товары приблизительно в одно и то же время³⁴.

³³ Аргумент в пользу того, что усиление глобализации деятельности многонационального корпоративного производства (МНК) существенно снижает конфликт между ключевыми державами см.: *Brooks S.G. Producing Security: Multinational Corporations, Globalization, and the Changing Calculus of Conflict*. Princeton: Princeton University Press, 2005. Однако интересно, что Брукс однозначно исключает из этого обобщения развивающиеся страны. Возможно, это связано с тем, что области, в которых присутствие МНК усилилось в период после Второй мировой войны (Северная Америка и Западная Европа), вряд ли будут привлекательны для конкурентов XXI в. Так, «меняющийся расчет конфликта» может привести к внезапному примирению Западной Европы и необязательно станет глобальным феноменом.

³⁴ Вероятно, к этому обобщению необходимо сделать оговорку о том, что не нужно копировать все отрасли или большинство из них. Достаточно, чтобы элитные конкуренты развивали многие или большинство тех же отраслей.

В этом процессе теряются как торговая взаимодополняемость, так и некоторые возможные ограничения экономической взаимозависимости. Так, вместо того чтобы сконцентрироваться на изготовлении различной продукции (допустим, продукции X и Y), оба производителя производят и тот, и другой продукт. Таким образом, им обоим приходится соревноваться в привлечении клиентов как в своей стране, так и за границей, чтобы превзойти друг друга в объеме продаж. В любом случае, экономия от масштаба поощряет производить больше, чем может быть потреблено на внутреннем рынке, в результате возникает тенденция к избыточному производству. Борьба конкурентов может ожесточиться за счет попыток обогнать друг друга по объему сбыта на рынках третьих стран, в результате чего опять же могут применяться агрессивные тактики, необходимые для того, чтобы догнать лидеров.

С исторической точки зрения, национальные проблемы обороны дополнительно поощряют сходства в структуре промышленности. Согласно предполагаемым требованиям безопасности необходимо любой ценой поощрять промышленное развитие, поскольку некоторые отрасли имеют важное значение для возможности работать на рубеже военных технологий. Ядерная физика имеет решающее значение в эпоху ракет с ядерными боеголовками и подводных лодок с ядерными реакторами. Информационные технологии имеют жизненно важное значение в эпоху, когда тесная координация и контроль различного боевого оружия, военных сил и театров военных действий крайне значимы. Как ядерная физика, так и информационные технологии важны для запуска спутников и космических полетов. Нельзя недооценивать биохимию пока разрабатывается химическое и биологическое оружие, даже если его использование остается маловероятным. Еще более важные в коммерческом плане отрасли, такие как автомобилестроение, стратегически связаны с производством танков и грузовиков. Опять же, дело в том, что природа межгосударственной конкуренции, как правило, приводит к специализации экономической элиты на производстве продукции приблизительно одних и тех же отраслей приблизительно в одно и то же время. В свою очередь, это приводит к уменьшению взаимозависимости и усилению конкуренции.

В эпоху морской торговли такая конкуренция, возможно, казалась весьма несущественной. В конце концов, производство парусных судов, передвигающихся за счет силы ветра, не считалось невыполнимой задачей. Но даже в то время возникали проблемы с поставками. Парусники надо было строить из высоких деревьев³⁵. Большая часть лесов Европы была вырублена, тем самым во главе угла находились леса Прибалтики и Северной Америки, при этом цены контролировались по мере возможности. Если с ветром проблем не было, то наиболее эффективные парусные маршруты были разграничены. Контроль над основными торговыми путями позволил вывести поставки собственной продукции на глобальный уровень.

Кроме того, в географическом плане энергетические ресурсы распределены неравномерно. У некоторых субъектов больше природного угля и/или нефти и газа, в то время как другие находятся в сильной зависимости от внешних поставок. Большинство современных великих держав особенно зависят от нефтяных поставок, контролируемых менее значимыми странами. Установление дружественных отношений с производителями нефти и конкуренция за установление надежного

³⁵ Длина деревянного парусного судна и, следовательно, в некоторой степени его грузоподъемность определялись длиной деревьев, используемых для строительства киля. Более высокие деревья позволяли делать более длинные кили и более высокие мачты.

доступа к источникам энергии становятся главной задачей как стран в стадии экономического роста, так и текущих участников рынка.

Войны Италии в Индийском океане (1494–1516). Предметом войн Италии в первую очередь было франко-испанское соперничество за доминирование в итальянском городе-государстве. Целью борьбы за Индийский океан главным образом было проникновение на азиатские рынки в целом и на рынок торговли пряностями в частности. Два театра военных действий объединились в один за счет относительного упадка Венеции, благодаря которому Франция совершила набег на Северную Италию, а Португалия попыталась преодолеть монополию Венеции и Государства мамлюков на заманчивом торговом пути, ведущем с востока на запад и с запада на восток. С точки зрения наших категорий, Португалия стала напирать на экономический сектор, в котором ранее доминировала Венеция, а также конкурировать за доступ к сырью.

Война за независимость Голландии (1580–1608). Лидерство Португалии в области перевозки товаров из Европы в Азию и из Азии в Европу все чаще оспаривалось в конце XVI в. (табл.5). После глобальной войны 1580–1608 гг. Голландия не только обрела независимость, но и стала явным лидером в поставке товаров по этим направлениям. Однако война между Голландией и Испанией началась не как борьба за коммерческое соперничество. Тем не менее после того как Испания поглотила Португальскую империю в первые годы мировой войны, ситуация лишь осложнилась.

Т а б л и ц а 5

Цикличность ключевых секторов

Экономический лидер	Глобальные ключевые отрасли	Фаза наиболее быстрого роста
Португалия	гвинейское золото	1460–1494
	индийский перец	1516–1540
Нидерланды	торговля в Балтике и Атлантике	1560–1580
	торговля с Востоком	1609–1640
Великобритания I	торговля между Америкой и Азией (в частности, сахаром)	1660–1688
	торговля между Америкой и Азией	1713–1740
Великобритания II	хлопок, чугун	1763–1792
	железные дороги, паровозы	1815–1850
США I	сталь, химическая промышленность, электроника	1873–1914
	моторные транспортные средства, авиация, электроника	1945–1973
США II Китай	информационные отрасли, биотехнологии, нанотехнологии	2000–2030

Источник: *Modelski G., Thompson W.R. Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics. Columbia: University of South Carolina Press, 1996. P. 69.*

Поставки из Европы в Азию и производство американского сахара в XV–XVIII вв.

Десятилетие	Поставки в Азию				Производство американского сахара			
	Португалия	Нидерланды	Англия	Франция	Португалия	Нидерланды	Англия	Франция
1490	21							
1500	150							
1510	90							
1520	73							
1530	79							
1540	68							
1550	52							
1560	48				2,07			
1570	49							
1580	59		11		4,03			
1590	46	65	3					
1600	69	59	20	2	6,9			
1610	53	117	65	12	8,57			
1620	51	148	53	0	5,32			
1630	30	151	52	9	2,38	1,36		
1640	44	162	64	5	1,2	1,9		
1650	32	226	97	6	6,32		8,0	
1660	21	257	101	40	0,17		8,56	
1670	25	219	126	15	0,77			
1680	18	209	157	36			18,0	0,93
1690	23	241	134	40			20,24	
1700						4,5	19,69	
1710						6,69	29,62	
1720						9,38	38,93	
1730						8,24	41,41	
1740						8,55	42,42	
1750						7,46	58,02	47,4

Источники данных: *Modelski G., Thompson W.R.* Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics. P. 92, 95 (об азиатских поставках: *Steensgaard N.* European Shipping to Asia, 1497–1700 // *Scandinavian Economic History Review*. 1970. N 18; о производстве сахара: *Philips C.R.* The Growth and Composition of Trade in the Iberian Empires, 1450–1750 // *The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750* / Ed. by J.D. Tracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *Steensgaard N.* The Growth and Composition of the Long Distance Trade of England and the Dutch Republic Before 1750 // *Ibid.*; *Watts D.* The West Indies: Patterns of Development, Culture and Environmental Change since 1492. Cambridge: Cambridge University Press, 1987).

Войны Большого альянса (1688–1713). Голландия сохраняла лидерство в азиатских поставках в течение всего XVII в., но во второй половине века возросла

конкуренция со стороны Англии и Франции. В табл. 5 и 6 показано, как успехи Англии сказались на продукции производства США (производство сахара и табака косвенно говорит об объемах работорговли) и индийской текстильной промышленности. Однако значимость стратегии Кольбера для развития морского превосходства Франции на самом деле является косвенной уликой, подчеркивающей значимость сближения секторов и доступа к ресурсам в начале войны в 1688 г.

Французская революция/наполеоновские войны (1792–1815). Приведенная в табл. 7 информация по индикаторам работорговли предполагает, что англо-французское соперничество в Карибском бассейне продолжилось, несмотря на поражение Франции в Северной Америке и Индии. В некоторой степени война конца XVIII в. представляла собой сочетание старого торгового и нового промышленного соперничества, только в этот раз Франция поняла, что она несколько раз проиграла в коммерческих играх и значительно отстает в новой промышленной игре, начавшейся с промышленной революции в Великобритании. Но во многом это сложно сделать в ходе войны. В отсутствие войны Франция могла в конечном итоге стать основным промышленным соперником Великобритании, но пока не ясно, беспокоила ли эта проблема ответственных за принятие решений вплоть до 1792–1793 гг.

Т а б л и ц а 7

Индийский текстиль и работорговля в XVII и XVIII вв.

Десятилетие	Среднее количество текстиля, ввозимого восточно-индийскими компаниями		Среднегодовой объем импорта рабов			
	Нидерланды	Англия	Португалия	Нидерланды	Англия	Франция
1650	90					
1660	88	199				
1670	137	578				
1680	348	707				
1690	278	296	5,6	2	9,04	
1700	350	277	6,1	2,8	11,96	
1710	410	552	8,9	2,1	14,1	5,37
1720	490	783	9,5	3,0	14,2	5,9
1730	250	765	15,8	4,75	20,7	13,1
1740		772	20,2	5,5	25,48	17,9
1750		527	18,7	5,25	23,1	17,4
1760			23,9	7,0	30,6	20,5
1770			20,9	4,9	25,4	20,5
1780			32,2	1,4	36,0	41,0

Источник данных: *Modelski G., Thompson W.R. Leading Sectors and World Powers: The Co-evolution of Global Economics and Politics.* P. 95–97 (об импорте текстиля из Восточной Индии: *Steensgaard N. The Growth and Composition of the Long Distance Trade of England and the Dutch Republic Before 1750;* об импорте рабов: *Rawley J.A. The Transatlantic Slave Trade.* N.Y.: W.W. Norton, 1981).

Первая и Вторая мировые войны (1914–1945). Одним из значимых аспектов более динамичной конкуренции является появление новых отраслей промышленности. Германии и США удалось сократить рыночную долю Великобритании с 52% в 1870 г. до 15% в 1910 г. Стальная, химическая и энергетическая отрасли промышленности как предвестники «второй» промышленной революции, казалось, обошли Великобританию стороной, хотя Англия первоначально была лидером в стальной и химической промышленности. На самом деле, эта связь возникает между усилением конкуренции и переходом экономического лидерства, тем самым практически обеспечивая определенную роль торгового соперничества в разжигании глобальной войны. Но опять же, очевидно, что это не является достаточным фактором, так как это позволило повысить конкурентоспособность как Германии, так и США.

Тем не менее даже если этот фактор был недостаточной весомой причиной, его значение трудно недооценить. На Великобританию, Германию и США приходилось около 71% увеличения экспорта продукции обрабатывающей промышленности между 1899 и 1913 гг. Мало того, что они были лидерами новых открывающихся рынков, они также считались основными источниками промышленных товаров. Существенная проблема заключалась в том, что Великобритания в значительной степени концентрировала свое внимание на старых отраслях, а Германия и США доминировали в новейших³⁶. В той степени, в которой технологические инновации создают основу для политико-экономического и военного превосходства, Великобританию вытесняли сразу два экономических соперника. Возможность продать плоды технологических инноваций является одним из ключевых элементов в этом процессе, таким элементом, в котором Великобритания была уже не в состоянии доминировать, как это ей успешно удавалось полвека назад.

В 1908 г. историк Дж.Э. Баркер описал эту проблему следующим образом: «Судьба поставила Великобританию и Германию в то же положение, в котором две тысячи лет назад оказались Рим и Карфаген. Германия хочет заполучить то, что хочет сохранить Великобритания, и сложно представить, как, в виду обстоятельств, можно избежать столкновения двух стран. В экономическом плане Германия стала развиваться в том же направлении, что и Великобритания, и, следовательно, практически любая прибыль Германии означает убытки для Великобритании, как и практически любая прибыль Великобритании означает убытки для Германии»³⁷.

В то время индустриализация еще больше обострила проблемы с доступом к источникам энергии. В эпоху паровой тяги поставки угля были критически важны. Когда транспортные средства (наземные, воздушные или подводные) стали оснащаться бензиновым двигателем, жизненно важным стал доступ к нефти. Именно поэтому неудивительно, что США пошли на многое в конкуренции с Англией до Второй мировой войны, чтобы установить контроль над как можно большим числом крупных нефтяных месторождений³⁸. Опасения по поводу доступа к углю и нефти помогли определить стратегии Японии в отношении Маньчжурии и Юго-

³⁶ *Aldcroft D.H.* Introduction: British Industry and Foreign Competition, 1875–1914 // *The Development of British Industry and Foreign Competition, 1875–1914* / Ed. by D.H. Aldcroft. Toronto: University of Toronto Press, 1968. P. 23.

³⁷ *Barker J.E.* The Foreign Policy of William II // *Nineteenth Century*. 1908. N 63.

³⁸ По теме усилия США по приобретению безопасного доступа к нефти до Второй мировой войны см.: *Shaffer E.* The United States and the Control of World Oil. N.Y.: St. Martin's Press, 1983; *Thompson W.R.* Global War and the Foundations of U.S. Systemic Leadership // *America, War and Power, 1775–2000* / Ed. by J. Fuller, L. Sondhaus. N.Y.: Routledge, 2007.

Восточной Азии³⁹. Проблемы в получении доступа к нефти способствовали поражению Германии во Второй мировой войне, хотя в случае с Европой нужно осторожно разграничивать причины войны и причины поражений в войне⁴⁰. Тем не менее сильный акцент сделан на *жизненное пространство* и возникшую потребность Германии в сельскохозяйственных землях, необходимую, чтобы не отставать от США и Советского Союза, что говорит о том, что доступ к различным типам сырья важен для обеих сторон альянса.

Обход правил стратегической политики и применение недобросовестных приемов

Войны Италии в Индийском океане (1494-1516 гг.) Открыв для себя Индийский океан, португальцы решили, что местные рынки будут закрыты для них, потому что считалось, будто торговцы-мусульмане полностью контролировали распределение товаров. Пусть это несколько преувеличено, тем не менее это дало португальцам стимул освоить индийские торговые порты и готовиться к борьбе, так они сами накликали беду⁴¹. Действия Португалии в Индийском океане находились под сильным влиянием государственной политики и так же, как и ранняя серия исследований территорий вниз по побережью Африки, были вдохновлены элементами португальской монархии. Проблема в том, что неясно, противоречили ли действия Португалии установленным нормам, исключающим национальную координацию. Во всяком случае, ее действия были лишь копией венецианской стратегии достижения господства в торговле в Средиземноморском регионе.

Война за независимость Голландии (1580–1608). Будучи некогда частью испанской империи Габсбургов, Голландия первоначально использовала разделение функций с упором на торговлю в Прибалтийском и Западноевропейском регионах. Доступ к Средиземному морю, а также американским и азиатским товарам был открыт через Антверпен или испанские порты. Голландско-испанская война прервала этот доступ и вынудила голландцев обойти испанские порты и напрямую проникнуть на средиземноморские, американские и азиатские рынки. Но поскольку такой обход монопольного положения произошел уже после начала войны, нельзя назвать его причиной войны. Тем не менее началась война за независимость Голландии, что, определенно, расширило мотивацию для продолжения борьбы в 1648 г. Действия, изначально совершаемые в основном в знак протеста против нарушения локальных привилегий, переросли в конкуренцию за глобальные привилегии. В этом смысле расширению глобальной борьбы с участием Англии и Франции также способствовала долгая история их частных и квазигосударственных нападений на испанские и португальские суда в Атлантическом океане. Тем не менее эта форма полуофициального пиратства есть нечто меньшее, чем стратегическая политика, хотя, вероятно, принадлежит к той же разновидности методов.

Войны Большого альянса (1688–1713). Англия и Франция разработали стратегическую политику, нацеленную на подрыв торговой гегемонии Голландии. Ан-

³⁹ См., например: *Marshall J.* To Have and Have Not: Southeast Asian Raw Materials and the Origins of the Pacific War. Berkeley: University of California Press, 1995; *Rapkin D.P.* The Emergence and Intensification of the US-Japan Rivalry in the Early Twentieth Century // *Great Power Rivalries* / Ed. by W.R. Thompson. Columbia: University of South Carolina Press, 1999.

⁴⁰ В частности, такую теорию поддерживает Ричард Оувери (*Overy R.* Why the Allies Won the War. N.Y.: W.W. Norton, 1995).

⁴¹ По сути, Португалия стремилась расширяться посредством делящихся сотни лет христианско-мусульманских противостояний в Средиземном море за Индийский океан.

глия стремилась запретить Голландии заниматься рыболовством в английских водах и ограничить вывоз английских товаров морским путем. Согласно Кольберу, Франция разработала полноценный стратегический план по устранению голландской торговли в Европе, что в конечном итоге должно было помочь ей временно получить статус главной морской державы конца войны XVII в.

Французская революция/наполеоновские войны (1792–1815). Борьба, проводимая в рамках Великой французской буржуазной революции, весьма понятна и не требует обращения к стратегическому планированию или недобросовестным методам торговли. Тем не менее французы были уверены в том, что они отстают от промышленных прорывов Великобритании конца XVIII в. Во время войн Франция пыталась наверстать упущенное посредством введения запрета на импорт британских товаров на контролируемые Францией рынки Европы. Однако эти факторы опять же больше связаны с причинами затягивания войны, а не ее начала в 1792 г.

Первая и Вторая мировые войны (1914–1945). Индустриализация не изменила отношение к конфликтам между великими державами как к игре «кто кого». Более того, правила «игры» лишь ужесточились. Так же как лидирующее положение Великобритании в индустриализации заставило Наполеона попытаться закрыть европейские рынки для импорта ее товаров, тем самым обеспечив Франции передышку для наращивания потенциала конкурентоспособности, в конце XIX в. Германия и США стали вести политику протекционизма для признания необходимости изолировать свою экономику от успешного промышленного лидерства Великобритании⁴². В промышленно развитых странах соперники, как правило, прибегают к защите национальных отраслей промышленности от внешних конкурентов. Причина этого заключается в том, что конкуренты однозначно не могут с самого начала соревноваться с лидером (лидерами) без некоего выравнивания (посредством политики протекционизма) игрового поля. В этом случае игровое поле смещается в пользу новичков. Если новичок присоединится к игре согласно правилам, применимым к лидерам, его шансы выиграть или хотя бы самостоятельно удержаться на плаву просто нулевые.

Следовательно, тактика «догонялок» поощряет нагоняющие страны обходить правила⁴³. Продукция демпингуется по нерентабельно низким ценам. Распространяется ложная информация о конкурентах, качестве и безопасности их продукции. Даже если догоняющие страны не прибегают к таким агрессивным приемам, их все равно могут обвинить в этом. Иначе как объяснить их неожиданный успех на фоне установившегося лидерства промышленных держав? Ограничительные меры конкурентов, направленные на стратегическую дискриминацию продукции экономического лидера или иных стран, менее прозрачные попытки увеличить долю рынка посредством отрицания сравнительных преимуществ экономического лидера часто порождали расплату той же монетой, что иногда приводило к развитию спирали конфликта возмездия и ответного возмездия⁴⁴.

⁴² Позже Советский Союз пошел еще дальше в попытках изолировать свою промышленность от мирового капитализма и подавить конкуренцию, которую ему следовало бы поощрять.

⁴³ «Правила» обычно устанавливаются первопроходцами и не всегда применяются «опоздавшими» странами. Например, свободная торговля наиболее привлекательна для стран, которые могут производить больше, чем другие.

⁴⁴ *Conybeare J.A.C. Trade Wars: The Theory and Practice of International Commercial Rivalry.* N.Y.: Columbia University Press, 1987. Более детальные примеры конкуренции конца XIX в. см.: *Kennedy P.M. The Rise of the Anglo-German Antagonism, 1860–1914.*

С точки зрения предполагаемого использования недобросовестных приемов, еще в 1859 г. британские производители жаловались на нечестные действия Германии в отношении них⁴⁵. В течение второй половины XIX в. Великобритания регулярно обвиняла Германию в том, что производимая на материке продукция низкого качества выпускалась под британскими торговыми марками. Весьма реальные экономические затраты, связанные с успешной конкуренцией Германии, формированием отношения к недобросовестным приемам ведения дел, накалом страстей вокруг колоний, а также усилением политики протекционизма, помогли дифференцировать отношение Великобритании к Германии и США и в меньшей степени отношение США к Германии и Великобритании. Во всех четырех областях интересам Великобритании больше угрожала политика Германии, чем США.

Оценка и подведение итогов

В табл. 8 обобщаются баллы, присвоенные каждому из трех аспектов экономической взаимозависимости и пяти глобальным войнам. Просматривая столбцы сверху вниз, можно обнаружить две несколько отличные друг от друга тенденции. В столбцах «закрытые рынки» и «сближение секторов» присутствие этих факторов периодически становилось одной из причин начала войны. Оно было расценено как сильное в глобальных войнах 1494–1516, 1688–1713 и 1914–1945 гг. и как менее сильное в развязывании глобальной войны в 1580 и 1792 гг. Столбец «обход правил» указывает на укрепление этой тенденции, хотя небольшие изменения наблюдались в конце XVIII в. при переходе от торговли к промышленности. Объяснить это можно тем, что конкурентам пришлось становиться все более организованными, чтобы захватить штурмуемые ими режимы.

Т а б л и ц а 8

Проблемы экономической взаимосвязанности и глобальных войн

Глобальная война	Закрытые рынки	Сближение секторов и доступ к ресурсам	Обход правил
Войны Италии в Индийском океане (1494–1516)	сильно присутствует	сильно присутствует	отсутствует
Война за независимость Голландии (1580–1608)	основной фактор в развитии борьбы	основной фактор в развитии борьбы	слабо присутствует
Войны Большого альянса (1688–1713)	сильно присутствует	сильно присутствует	сильно присутствует
Французская революция и наполеоновские войны (1792–1815)	основной фактор в развитии борьбы	присутствует	основной фактор в развитии борьбы
Первая и Вторая мировые войны (1914–1945)	сильно присутствует	сильно присутствует	сильно присутствует

⁴⁵ *Hoffman R.J.S. Great Britain and the German Trade Rivalry, 1875–1914. P. 45–51.*

Тем не менее есть еще один способ объяснить исторические закономерности, что позволяет предположить, что постепенное появление более интенсивной деятельности описывается не только в третьем столбце. Глобальные войны — войны коалиций, которые обычно охватывают все ключевые державы, с одной или другой стороны. Этот факт говорит о том, что смешанные мотивы, скорее всего, будут использованы в игре отдельных держав, заинтересованных в проблемах глобальной морской торговли, в то время как другие более обеспокоены проблемами местного контроля европейской территории. Именно поэтому говорят, что глобальные войны сливаются воедино региональные европейские и крупные глобальные проблемы. Члены коалиции могут быть вовлечены в гонку того или иного типа или даже обоих типов одновременно.

Войны Италии в Индийском океане представляют наиболее яркий пример дихотомии целей. Большинство исследователей, на самом деле, не рассматривают это противостояние как комбинированную войну. Франко-испанский конфликт за контроль, с одной стороны, над итальянской территорией, а с другой — над европейско-азиатской морской торговлей. Но они непосредственно связаны ключевой ролью (и упадком) относительной мощи города-государства Венеции и Средиземноморского региона. Упадок венецианского влияния показался заманчивым как французским интервентам в Северной Италии, так и португальским интервентам в Индийском океане, хотя действия Франции и Португалии и не были скоординированы.

Эта двойственность восприятия проблем прослеживается в каждой из следующих глобальных войн. У Англии и Франции были свои мотивы для противостояния Испании в конце XVI в. Следующие три войны продолжили традицию альянсов морских держав и некоторых «сухопутных» держав в противостоянии предполагаемой попытке установить региональную гегемонию в Европе. Тем не менее наряду со сходствами нужно отметить и различия, которые между «морскими» и «сухопутными» государствами более или менее остались без изменений, но экономическая основа этих стратегических специализаций была преобразована индустриализацией. В то время как «сухопутные» державы были больше озабочены расширением контроля над сельскохозяйственными угодьями (таким образом акцент делался на развитие больших армий), «морские» державы — расширением контроля над удаленными рынками (тем самым усиливая свою мощь), после 1780-х гг. все великие державы все чаще были вынуждены усиливать индустриализацию, пусть и довольно-таки медленно. К XX в. экономическая основа конкуренции в международной политике стала более однородной, если не абсолютно одинаковой.

В этом контексте первые два столбца табл. 8 отображают некоторые тенденции возрастающего присутствия факторов, проявляющихся в качестве причин войны. Сильное присутствие закрытых рынков, а также сближение секторов/доступ к ресурсам в войнах Италии в Индийском океане характеризует только этот театр военных действий. Эти два фактора более заметно проявились только после начала войны за независимость Голландии, но были вполне очевидны и в 1680-е гг. В 1790-е гг. они проявлялись менее явно отчасти потому, что экономические «игры» явно больше сместились в сторону индустриализации. Закрытые рынки и сближение секторов приобрели критичное значение во время наполеоновских войн, при этом между данными событиями можно провести параллель с борьбой за независимость Голландии. К XX в. факторы сильно проявлялись у лидера вплоть до начала войны в 1914 г.

Таким образом, за одним исключением (обход правил во время войн Италии в Индийском океане) эти факторы более или менее явно проявлялись в качестве причин развязывания глобальных войн в течение последних 500 лет. Сила их присутствия варьируется от войны к войне. Разумеется, мы не выносим предположение, что эти факторы были единственными или даже основными причинами глобальных войн. В любом случае, поскольку целью настоящей работы никак не являлась попытка выявить все возможные причины глобальных войн, такая оценка была бы неуместной. Тем не менее в настоящей работе произведено исследование присутствия этих трех факторов в качестве причин разжигания или затягивания глобальных войн. По результатам анализа причин с использованием вышеуказанных методов оценки можно сказать, что сила их присутствия со временем становится все более явной. Таким образом, мы пришли к выводу, что некоторые аспекты экономической взаимозависимости обладают опасными и даже летальными последствиями. Так, современная экономическая взаимозависимость в конечном счете может скорее способствовать усугублению, чем разрядке конфликта. Конфликт не может проявляться в ежедневных или даже ежегодных взаимодействиях, скорее это происходит периодически, когда глобальная система проходит периоды макроструктурного кризиса. Такой кризис, в свою очередь, будет преодолен только тогда, когда определятся победитель и проигравший, цена вопроса — право задать структуру мировой экономики (или ее части, например, когда Европа стала занимать все более значимое положение в мировой экономике).

Д. Коупленд справедливо предположил, что вклад экономической взаимозависимости в развязывание/предотвращение войны зависит от ожиданий⁴⁶. Если государства рассчитывают на получение чистой прибыли от торговли в будущем, взаимозависимость должна помочь подавить военные тенденции. Если государства рассчитывают на получение чистых убытков от торговли, взаимозависимость с гораздо меньшей вероятностью будет препятствовать военным стычкам. Проблемы экономической взаимозависимости, перечисленные в объединенной модели, могут не отражать всех возможных негативных ожиданий, но они должны помочь подчеркнуть основные структурные возможности самых сильных экономических держав. Современная экономическая взаимозависимость поощряет некоторые государства по возможности бороться за увеличение рыночных долей. Система не может заставить их сделать это, но она увеличивает вероятность трений, фрустраций и боевых действий — так проявляются негативные ожидания.

Согласно табл. 8, минусы экономической взаимозависимости были достаточно стабильными на протяжении последних 500 лет. Данные не говорят о том, что эти же факторы могут породить проблемы в ближайшем будущем. Разумеется, некоторые вещи изменилось. В настоящее время больше нет борьбы за контроль над поставками специй, сахара и табака. Формально империй больше не существует, равно как и европейской централизации. Сейчас возможность достижения военной самодостаточности кажется еще более сомнительным предположением, чем несколько веков назад. Степень контроля над производством и торговлей транснациональных корпораций лишь путает карты в отношении того, за что страны готовы (или способны) побороться. В остальном все остается как прежде. Элитные экономические державы продолжают развивать подобные секторы, такие как

⁴⁶ Copeland D. Economic Interdependence and War: A Theory of Trade Expectations // International Security. 1996. N 29. P. 5–41.

информационные технологии, биотехнологии и космическая промышленность. Доступ к нефти (и воде), вероятно, будет проблематичным на протяжении всего XXI в. или до получения новыми источниками энергии статуса основных. Жалобы на недобросовестные методы продолжают поступать, несмотря на деятельность ВТО. В некоторых областях отдельные факторы могут меняться, но ключевые — остаются неизменными.

Таким образом, сейчас нет никаких оснований полагать, что сходства будут встречаться чаще, чем различия. Однако если такое случится, проблема Китая XXI в. вряд ли сведется к централизации огромного количества китайских производителей и потребителей или общего размера китайской экономики. Надо отметить, что эту концепцию достаточно сложно не принимать во внимание, но история показывает, что в конечном итоге вопрос сведется к тому, удастся ли нам сейчас более успешно управлять экономической взаимозависимостью, чем в прошлом. Вероятность развязывания глобального конфликта существенно возрастет, если Китай, догоняющий лидеров посредством сближения секторов, почувствует, что грядет закрытие мировых рынков высокотехнологичных товаров и подрыв доступа к сырью⁴⁷.

Если старые державы, в особенности США, сочтут, что они теряют конкурентные позиции в разработке новых ведущих секторов, и что их соперники преуспели благодаря использованию честных методов, большой глобальный конфликт также становится все более вероятным.

Разумеется, необходимо обратить внимание на два следующих аспекта. В мировой экономике немало примеров рассредоточения (и сосредоточения) секторов экономики, этот вопрос весьма сложный и не может быть полностью исследован в рамках настоящей работы. Кроме того, не все переменные, найденные в объединенной модели, были нами рассмотрены, поэтому следует проявлять большую осторожность в обобщениях. В будущем расположение элиты может оказаться более успешным, чем в прошлом. Тенденция сосредоточения экономических инноваций у одного экономического лидера, возможно, подходит к концу. Кроме того, глобальная депрессия (и/или ухудшение климата, которое может привести к широкому распространению депрессии) может лишь все усугубить. Суть в том, что обобщенная модель не может предсказать будущее международной политики. Но она содержит предположение о том, что периоды перехода статуса экономического лидера представляют собой нечто большее, чем пожирание более крупными рыбами более мелких. Также в рамках этой модели необходимо с осторожностью говорить о том, что кантианских вариаций уже достаточно или будет достаточно для подавления способствующих конфликту тенденций экономической взаимозависимости. Кроме того, переменная экономической взаимозависимости с ликом Януса вряд ли является залогом предотвращения конфликтов, она может способствовать улаживанию некоторых противостояний или споров. Но в целом, кажется, ранее с этим проблем не было. А вот останется ли потенциал порождения неприятностей экономической взаимозависимостью делом прошлого, нам еще только предстоит выяснить.

⁴⁷ Китай в 2003 г. обошел Европейский союз и Японию в экспорте информационных технологий, а в 2004 г. обогнал США, тем самым став ведущим ИТ-экспортером в мире (Economist. 2005. December 17. P. 58). Но даже в этом случае на сегодняшний день Китай по-прежнему специализируется в нижнем ценовом сегменте ИТ-сектора. Интенсивные разногласия будут вероятными, если Китай станет лидером в более высоком ценовом сегменте этого сектора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Aldcroft D.H. Introduction: British Industry and Foreign Competition, 1875–1914 // The Development of British Industry and Foreign Competition, 1875–1914 / Ed. by D.H. Aldcroft. Toronto: University of Toronto Press, 1968.

Barker J.E. The Foreign Policy of William II // Nineteenth Century. 1908. N 63.

Brooks S.G. Producing Security: Multinational Corporations, Globalization, and the Changing Calculus of Conflict. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Bunker S.G., Ciccantell P.S. Globalization and the Race for Resources. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005.

Chenery H.B., Taylor L. Development Patterns: Among Countries and Over Time // The Review of Economics and Statistics. 1968. N 50.

Conybeare J.A.C. Trade Wars: The Theory and Practice of International Commercial Rivalry. N.Y.: Columbia University Press, 1987.

Copeland D. Economic Interdependence and War: A Theory of Trade Expectations // International Security. 1996. N 29.

Doran C.F. Systems in Crisis: New Imperatives of High Politics at Century's End. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Economic Interdependence and International Conflict: New Perspectives on an Enduring Debate / Ed. by E.D. Mansfield, B.M. Pollins. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003.

Friedman G., Lebard M. The Coming War with Japan. N.Y.: St. Martin's Press, 1991.

Garten J.E. A Cold Peace: America, Japan, Germany, and the Struggle for Supremacy. N.Y.: Times Books, 1992.

Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge: Belknap Press, 1962.

Globalization and Armed Conflict / Ed. by G. Schneider, K. Barbieri, N.P. Gleditsch. Lanham: Rowman and Littlefield, 2003.

Goldstein A. Rising to the Challenge: China's Grand Strategy and International Security. Stanford: Stanford University Press, 2005.

Harkavy R. Long Cycle Theory and the Hegemonic Powers' Basing Networks // Political Geography. 1999. N 18.

Hoffman R.J.S. Great Britain and the German Trade Rivalry, 1875–1914. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1933.

Israel J.I. Dutch Primacy in World Trade, 1585–1740. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Kennedy P.M. The Rise of the Anglo-German Antagonism, 1860–1914. L.: George Allen and Unwin, 1980.

Kuznets S. Modern Economic Growth. New Haven: Yale University Press, 1966.

Lenin V. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. N.Y.: International Publishers, 1916.

Leonard M. Why Europe Will Run the 21st Century. L.: Fourth Estate, 2005.

Levy J.S. Economic Competition, Domestic Politics, and Systemic Change // Great Power Rivalries / Ed. by W.R. Thompson. Columbia: University of South Carolina Press, 1999.

Levy J.S., Ali S. From Commercial Competition to Strategic Rivalry to War: The Evolution of the Anglo-Dutch Rivalry, 1609–52 // The Dynamics of Enduring Rivalries / Ed. by P.F. Diehl. Urbana: University of Illinois Press, 1999.

Louis W.R. Great Britain and German Expansion in Africa, 1884–1919 // Britain and Germany in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule / Ed. by P. Gifford, W.R. Louis. New Haven: Yale University Press, 1967.

Marshall J. To Have and Have Not: Southeast Asian Raw Materials and the Origins of the Pacific War. Berkeley: University of California Press, 1995.

Marx K. Capital. Vol. 1. L., 1954.

- Modelski G.* Enduring Rivalry in the Democratic Lineage: The Venice-Portugal Case // Great Power Rivalries / Ed. by W.R. Thompson. Columbia: University of South Carolina Press, 1999.
- Modelski G., Thompson W.R.* Long Cycles and Global Wars // Handbook of War Studies / Ed. by M. Midlarsky. Boston: Unwin Hyman, 1989.
- Modelski G., Thompson W.R.* Leading Sectors and World Powers: The Coevolution of Global Economics and Politics. Columbia: University of South Carolina Press, 1996.
- Organski A.F.K.* World Politics. N.Y.: Alfred Knopf, 1958.
- Organski A.F.K., Kugler J.* The War Ledger. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Overy R.* Why the Allies Won the War. N.Y.: W.W. Norton, 1995.
- Philips C.R.* The Growth and Composition of Trade in the Iberian Empires, 1450–1750 // The Rise of Merchant Empires: Long-Distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750 / Ed. by J.D. Tracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Rapkin D.P.* The Emergence and Intensification of the US-Japan Rivalry in the Early Twentieth Century // Great Power Rivalries / Ed. by W.R. Thompson. Columbia: University of South Carolina Press, 1999.
- Rapkin D.P., Thompson W.R.* Economic Interdependence and the Emergence of China and India in the 21st Century // Strategic Asia 2006–07: Trade, Interdependence, and Security / Ed. by A. Tellis, M. Wills. Seattle: National Bureau of Asian Research, 2006.
- Rapkin D.P., Thompson W.R.* Transition Scenarios: China and the United States in the Twenty-first Century. Chicago: University of Chicago Press, 2013.
- Rawley J.A.* The Transatlantic Slave Trade. N.Y.: W.W. Norton, 1981.
- Reid T.R.* The United States of Europe: The New Superpower and the End of American Supremacy. N.Y.: Penguin, 2005.
- Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
- Rostow W.W.* The Process of Economic Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1962.
- Rostow W.W.* The World Economy: History and Prospect. Austin: University of Texas Press, 1978.
- Russett B., Oneal J.R.* Triangulating Peace: Democracy, Interdependence and International Organizations. N.Y.: Norton, 2001.
- Schieber C.E.* The Transformation of American Sentiment Toward Germany, 1870–1914. N.Y.: Russell and Russell, 1923/73.
- Schnabel R.A., Rocca F.X.* The Next Superpower? The Rise of Europe and its Challenge to the United States. Lanham: Rowman and Littlefield, 2005.
- Seligmann M.S.* Rivalry in Southern Africa, 1893–99. N.Y.: St. Martin's Press, 1988.
- Sen G.* The Military Origins of Industrialization and International Trade Rivalry. L.: Pinter, 1984.
- Shaffer E.* The United States and the Control of World Oil. N.Y.: St. Martin's Press, 1983.
- Staley E.* War and the Private Investor. N.Y.: Doubleday, 1935.
- Steensgaard N.* The Growth and Composition of the Long Distance Trade of England and the Dutch Republic Before 1750 // The Rise of Merchant Empires / Ed. by J.D. Tracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Steensgaard N.* European Shipping to Asia, 1497–1700 // Scandinavian Economic History Review. 1970. N 18.
- Stengers J.* British and German Imperial Rivalry: A Conclusion // Britain and Germany in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule / Ed. by P. Gifford, W.R. Louis. New Haven: Yale University Press, 1967.
- Systemic Transitions: Past, Present and Future / Ed. by W.R. Thompson. N.Y.: Palgrave-Macmillan, 2008.

- Tammen R.L., Kugler J., Lemke D.* et al. *Power Transitions: Strategies for the 21st Century*. N.Y.: Chatham House, 2000.
- The Economics of Take-Off into Sustained Growth* / Ed. by W.W. Rostow. N.Y., 1965.
- The United States and the Control of World Oil*. N.Y.: St. Martin's Press, 1983.
- Thompson W.R.* *The Evolution of Political-Commercial Challenges in the Active Zone* // *Review of International Political Economy*. 1997. N 4.
- Thompson W.R.* *The Emergence of the Global Political Economy*. L.: Routledge, 2000.
- Thompson W.R.* *Global War and the Foundations of U.S. Systemic Leadership* // *America, War and Power, 1775–2000* / Ed. by J. Fuller, L. Sondhaus. N.Y.: Routledge, 2007.
- Thurow L.* *Head to Head: The Coming Economic Battle Among Japan, Europe, and America*. N.Y.: Warner Books, 1993.
- Waltz K.* *The Emerging Structure of International Politics* // *International Security*. 1993. N 18.
- Watts D.* *The West Indies: Patterns of Development, Culture and Environmental Change Since 1492*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Wilson C.H.* *Profit and Power: A Study of England and Dutch Wars*. L.: Longmans, Green, 1957.
- Wohlforth W.C.* *The Elusive Balance*. Ithaca: Cornell University Press, 1993.

Т.Л. Шестова*

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В СИСТЕМЕ МИР-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

T.L. Shestova

EASTERN EUROPE IN THE ANCIENT WORLD-SYSTEMS

Восточноевропейское пространство рассматривается в статье как территория экспансии мир-экономических систем, начиная с эпохи неолита и заканчивая ранним железным веком.

Ключевые слова: *мир-экономика, трансконтинентальные системы обмена, Восточная Европа, Трансевразийская система, эпоха раннего металла.*

Eastern European space is considered in the article as an area of expansion world economic systems, from the Neolithic to the early Iron Age.

Key words: *world-economy, transcontinental exchange system, Eastern Europe, Trans-Eurasian system, the era of early metal.*

Археологические находки свидетельствуют о наличии довольно устойчивых связей между отдельными регионами афроевразийского культурно-экономического пространства с конца V — начала IV тысячелетия до н.э. В эпоху энеолита основой развития обменных процессов стала медь, месторождения и первые центры обработки которой наметили ранние контуры будущей мир-системы. Распространение металлов стало локомотивом развития торговли на дальние расстояния в древности.

В последние десятилетия вышло немало работ, посвященных становлению экономической мир-системы и роли ранних цивилизаций в формировании основ «дальней» (международной) торговли¹. К сожалению, классики мир-системного анализа — Андре Гюндер Франк, Барри Гиллс, Вильям Томпсон, Джанет Абу-Лугод, Кристофер Чейз-Данн, Томас Холл и др., мало внимания уделяют регионам, лежащим к северу от ареала ранних цивилизаций, и в частности Восточной Европе, между тем как она входит в пространство культурно-экономических обменов афроевразийского энеолитического пояса уже в V тысячелетии до н.э. Так, например, А.Г.Франк и В.Р. Томпсон, выделяя индикаторы «расширения/ сжатия» (*expansion/ contraction*) мир-систем в раннем железном веке², исключают Восточную Европу из списка регионов экономической экспансии, хотя, как известно, в I тысячелетии

* Шестова Татьяна Львовна — докт. филос. наук, доцент ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ Globalistics and Globalization studies // Ed. by L. Grinin, I. Ilyin, A. Korotaev. Volgograd: Uchitel, 2012.

² Frank A.G., Thompson W.R. Early Iron Age economic expansion/contraction revisited // Globalization and Global History / Ed. by B. Gills, W. Thompson. L.; N.Y.: Routledge, 2006. P. 144.

до н.э. Северное Причерноморье с прилегающими к нему степными и лесостепными территориями являлось одним из наиболее привлекательных регионов для развития греческой транзитной торговли.

Настоящая статья посвящена Восточной Европе как пространству развития мир-экономических связей в бронзовом и раннем железном веке. Можно выделить шесть крупных периодов в развитии систем торгово-экономических взаимосвязей в Древнем мире, включавших в себя пространство Восточной Европы. О первых четырех свидетельствуют только археологические и этнографические данные, начиная с I тысячелетия до н.э. появляются письменные источники по истории региона.

Восточная Европа в энеолитических системах обмена (4500–3200 до н.э.)

Согласно археологическим данным, медные изделия использовались на территории Русской равнины от Приднестровья до Нижней Волги и на Кавказе с конца V — начала IV тысячелетия до н.э.

Источником технологий металлообработки для Восточной Европы стал Балкано-Карпатский металлургический центр, где в V тысячелетии до н.э. произошла так называемая металлургическая революция. Области, на которые распространялись определенные приемы обработки металла и для которых характерен определенный набор производимых изделий, археологи называют металлургическими провинциями³. Можно полагать, что пространство металлургических провинций приблизительно совпадает с территориями древних торгово-экономических систем (мир-экономик). Древнейшие очаги восточноевропейской металлургии находились в составе Балкано-Карпатской металлургической провинции.

На территории Восточной Европы двумя древнейшими ареалами распространения металлургического производства были юго-западный (южнорусские земли от нижнего течения Днестра до Нижней Волги) и юго-восточный (Северный Кавказ и Закавказье).

Юго-западный ареал восточноевропейской металлургии был непосредственно связан с Балкано-Карпатской областью, откуда шли не только технологии и изделия, но и сама медь (и в слитках, и в виде руды). Обрато везли меха, рыбу, мед, в очень ограниченном количестве продукты земледелия, кожи, скот. Широкого развития скотоводства в южнорусских землях еще не было, энеолитические общины занимались в основном охотой и пойменным земледелием, до голоценового похолодания во второй половине IV тысячелетия до н.э. климатические условия для этого были вполне благоприятными.

Крупнейшей культурой восточноевропейского энеолита была Трипольская культура (от с. Триполье под Киевом), западный ареал которой располагался на территории современных Румынии и Молдавии, а восточный доходил до Волго-Донского междуречья. На всем этом пространстве сложилась устойчивая система взаимосвязей, обеспечивавшая распространение технологических достижений и сохранение социокультурных особенностей. Направление взаимосвязей в данном секторе определялось вектором от Балкано-Дунайской области к Нижней Волге.

Юго-восточный ареал (Северный Кавказ и Закавказье) был ориентирован на восточноанатолийский центр, связи с которым прослеживаются по типу жилищ,

³ Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. № 4. 1978.

керамике и другим объектам материальной культуры. В Восточной Анатолии находились древнейшие центры металлообработки (Чатал-Гуюк и др).

На Северном Кавказе во второй половине V — начале IV тысячелетия до н.э. существовала культура Мешоко (к этой культуре относятся древнейшие из найденных на Кавказе изделий из металла), имевшая связи как с Триполем, так и с Закавказьем.

Закавказье, первоначально служившее районом горнодобычи для металлургических центров Передней Азии, постепенно становилось пространством металлообработки. У древнейшей энеолитической культуры Закавказья — Шулавери-Шомутепинской (на закате ее существования) — были установлены контакты с восточноанатолийскими центрами добычи и переработки меди (Эргани-Маден и др.).

Закат этого цикла связан с распадом Балкано-Карпатской металлургической провинции, причины которого достоверно не ясны. Большинство историков полагает, что это связано с окончанием так называемого голоценового климатического оптимума (7000 — 3500/3200 до н.э.) и началом похолодания, в результате которого популяции, населявшие Русскую равнину, сконцентрировались на территориях, прилегавших к Черному, Азовскому и Каспийскому морям. В результате распада провинции были утрачены многие приемы металлообработки, характерные для балкано-карпатского периода; некоторые виды изделий, производимых кузнецами V тысячелетия до н.э., перестали изготавливаться в дальнейшем. Это может свидетельствовать о серьезных трансформациях в структуре глобальных экономических взаимосвязей.

Восточная Европа в раннебронзовых экономических системах (3500–2500 до н.э.)

На рубеже IV — III тысячелетий до н.э. начинается новый этап в развитии мир-экономических связей, связанный с появлением городских цивилизаций и началом бронзового века. В этот период на пространстве старой энеолитической системы начинают складываться новые системы дальнеторговых обменов, опорными элементами которых выступают городские центры бронзовых цивилизаций. Основу товарооборота составляли медные, мышьяковистые и некоторые другие руды, использовавшиеся для изготовления бронзы, а также сама бронза.

При соединении меди с другими металлами (например, свинцом, мышьяком, цинком, сурьмой, позднее — с оловом) получались относительно легкоплавкие бронзовые слитки, которые было удобно переправлять в места металлургического производства. Бронзовые технологии значительно расширили пространство металлообработки. Начался бурный рост экономики в областях распространения бронзы.

К северу от региона ранних цивилизаций возникают очаги ремесла и торговли, постепенно включавшиеся в процессы дальних обменов. Восточная Европа являлась одним из наиболее перспективных направлений культурно-экономической экспансии бронзовых центров.

Археологи полагают, что южная половина Восточной Европы в этот период была частью так называемой Циркумпонтийской (Причерноморской) металлургической провинции, включавшей в себя Балкано-Карпатский регион, Малую Азию, Восточное Средиземноморье, Кавказ, юг России, в том числе прикаспийские районы и Южный Урал⁴. На всем Циркумпонтийском пространстве прослеживается от-

⁴ Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

носителем единой технологии изготовления бронзы, включая инструментарий и набор производимых изделий, а также наличие устойчивых связей между районами добычи металлических руд и обработки металлов (таблица).

Восточная Европа в ранних мир-экономиках

Археологическая эпоха		Период	Мир-экономика	Системообразующий предмет обмена
Энеолит		4500–3500/3200 до н.э.	Балкано-карпатская	медь
Бронзовый век	Ранний	3200–2500 до н.э.	Циркумпонтийская I	бронза
	Средний	2400–1800 до н.э.	Циркумпонтийская II	скот
	Поздний	1700–1200/900 до н.э.	Трансевразийская	олово
Ранний железный век		800–200 до н.э.	Греческая	хлеб
		200 до н.э.–400 н.э.	Римская	серебро

В этот же период на обширном пространстве Русской равнины от Приуралья до Днепра и от Приазовья до Средней Волги раскинулась обширная культурно-историческая общность, часто называемая ямной культурой (хотя на самом деле она объединяла несколько культур). Полагают, что представители именно этой культурно-исторической общности принесли в степную полосу традиции скотоводства. В условиях похолодания скотоводство оказалось более эффективной формой хозяйствования, чем земледелие. Скот, кожи, наряду с продуктами охоты и собирательства, стали предметом масштабного экспорта с этих территорий.

Особенностью периода стало появление большого количества медных и мышьяковистых рудников, что свидетельствовало о становлении очагов местной металлургии. На Кавказе, Южном Урале, Донбассе активно развивалось горное дело. В этот период на Южном Урале открывается Каргалинский источник медно-песчаных руд.

На Северном Кавказе формируется удивительная Майкопская культура (по уровню развития ремесла сопоставимая с культурами Месопотамии и Леванта того времени), в Закавказье зарождается Куро-Аракская культура, Южнорусские степи используют как балкано-карпатские, так и местные рудные материалы. Все эти очаги металлопроизводства функционировали в рамках одной крупной мир-экономики.

Восточная Европа в среднебронзовых системах (2400–1800/1700 до н.э.)

В середине III тысячелетия до н.э. начинается новый цикл развития восточно-европейского культурно-экономического пространства. По невыясненным пока причинам во второй половине III тысячелетия до н.э. в поясе ранних цивилизаций и на территориях к северу от него начинается бурный демографический рост, увеличивается число постоянных поселений, активизируются культурно-технологические обмены. Специи, фрукты, скот, меха, древесина, охра и другие

товары почти не прерывающимися потоками двигались от центров цивилизации к перифериям и обратно. На пространстве Афроевразии сформировались несколько крупных систем товарообмена, характерной особенностью которых была устойчивость экономических связей и направленность товаропотоков к общему центру. Товаропотоки на пространстве Восточной Европы в этот период были ориентированы на балкано-анатолийский экономический центр, обтекая Черное море с запада (через Дунай) и с востока (через Закавказье).

На пространстве Восточной Европы наблюдается резкий подъем горно-металлургического производства, число относящихся к этому периоду предметов из бронзы и меди возрастает почти в 10 раз.

Основным предметом обмена в этот период становится скот, поголовье которого резко возрастает, позволяя активизировать социально-экономические процессы.

У ряда культур на южных рубежах Восточной Европы появляется высокохудожественное ремесло, предметом широких обменов становятся изделия из золота, серебра, драгоценных камней. На Северном Кавказе достигает расцвета Майкопская культура, в Закавказье формируется великолепная культура Триалети. Эти культуры с характерными богатыми курганными захоронениями были тесно связаны торгово-экономическими отношениями друг с другом, а также с высокоразвитыми цивилизациями Передней Азии.

Причерноморские культуры передавали свои достижения дальше, в степные районы Приднепровья и Придонья, где активно развивалось скотоводство. Общины Волго-Донского междуречья, занимавшиеся разведением овец, коров, лошадей, поддерживали связи с соседями не только по водным артериям, но и по суше. В этот период появляется колесный транспорт. В катакомбном поселении в Ростовской области была найдена большая четырехколесная повозка.

Активизация социально-экономических процессов привела к распаду единой Циркумпонтийской провинции и формированию на ее основе относительно самостоятельных технологических областей и в целом к переориентации товарообменных потоков. К началу II тысячелетия до н.э. перестают функционировать многие старые меднорудные центры, например Каргалы, затухают многие торговые маршруты.

Восточная Европа в позднебронзовых системах (1800/1700–1200 до н.э.)

Во второй половине II тысячелетия до н.э. в результате активизации колониционных процессов и перехода к позднебронзовым технологиям, основанным на использовании олова, на пространстве Афроевразии появляются несколько новых крупных систем товарообмена, а также возникает первая трансконтинентальная система взаимосвязей, включающая в себя территории от Атлантики до Тихого океана, от африканской Нубии до Белого моря. В этот период Восточная Европа становится активной частью мир-экономики, по ее территории проходит стратегически важный Трансевразийский оловянный путь, обеспечивавший сырьем восточную часть бывшей Циркумпонтийской провинции. Скорее всего, по оловянному пути двигался и второй стратегический товар Восточной Европы — лошади. В этот период на территории Русской равнины идет активное развитие социально-экономических отношений позднебронзового типа.

После распада Циркумпонтийской металлургической провинции, главной технологической особенностью которой было использование мышьяковистой брон-

зы, возникает несколько новых металлургических провинций, ориентированных на разные горно-металлургические центры. Западные районы Восточной Европы вошли в Европейскую металлургическую провинцию, восточные стали частью сформировавшейся в этот период Евразийской металлургической провинции. В обеих для производства бронзы использовалось олово и сложные сплавы. Кавказ и ряд областей Предкавказья выделились в самостоятельную металлургическую провинцию. Там по-прежнему в основном использовались мышьяковистые бронзы.

На пространстве от Днепра до Нижней Волги распространилась так называемая срубная культура, использовавшая классическую медно-оловянную бронзу. Для ее изготовления применяли как местные руды, так и материалы, привозимые с Урала, из Западной и Восточной Сибири, Казахстана и Средней Азии. В этот период мощные горнорудные центры открылись на Горном Алтае и в Забайкалье. Сибирские касситериты (оловянные руды) потекли на юг — в монгольские степи и далее, в Китай, а также на запад — через Урал в Поволжье. Сибирское олово достигало даже районов Приднепровья, где оно составляло конкуренцию олову, доставляемому из Центральной Европы. Крупные центры горнодобычи возникли в Северном Казахстане. На медных (малахитовых и азуритовых) рудниках Джекказгана и Кенказгана в это время было добыто около 2 млн тонн медной руды.

В позднем бронзовом веке резко возрос интерес к лошадям, хотя они продолжали оставаться редким и очень дорогим товаром. Торговля лошадьми давала серьезный оборот, занимая второе место на восточноевропейском рынке после торговли металлом.

На западе Русской равнины процветала торговля «солнечным камнем» — янтарем. По Восточной Европе проходили ответвления Янтарного пути, по которому он доставлялся из Балтики в Рим. Через Восточную Европу янтарь продвигался в Поволжье, Закавказье, Иран, на Урал, в Сибирь, Забайкалье, Китай.

К данному периоду относят и так называемый сейминско-турбинский феномен (от п. Сейма в Нижегородской обл. и д. Турбино в Пермской обл.) — появление во второй половине II тысячелетия до н.э. широкой культурно-технологической традиции, в рамках которой наблюдается определенное сходство технологических укладов на пространстве от Оби до Оки. Более детальное изучение данного феномена позволило сделать вывод о мощном миграционном движении, шедшем с Алтая на запад через Урал к Средней и Верхней Волге двумя потоками по границе тайги и степи.

Возможно, эти миграционные потоки сыграли свою роль в образовании Евразийской металлургической провинции и Трансевразийского оловянного пути.

К данному периоду относится второй расцвет меденосных Каргалинских рудников (Оренбургская обл.). На пространстве в несколько сотен гектаров найдено большое количество древних выработок месторождений медистого песчаника, дававших по подсчетам по несколько тонн сырья ежегодно.

Бронзолитейное дело продвигается и на северо-запад Восточной Европы, достигая Прионежья⁵. В центре и на северо-западе Русской равнины в этот период складывается фатьяновская (от с. Фатьяново в Ярославской обл.) культура, представители которой владели навыками изготовления изделий из меди и бронзы. Од-

⁵ Юшкова М.А. Эпоха бронзы и ранний железный век на северо-западе России: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

нако находки фатьяновских изделий из металла очень малочисленны. Археологи полагают, что у фатьяновцев существовали связи с культурами запада России, хотя для своих изделий они использовали и местную, поволжскую, медь⁶. Несколько южнее располагалась близкая к фатьяновской среднеднепровская культура.

Серьезные изменения происходят на Кавказе. В середине II тысячелетия до н.э. в Закавказье начинают строиться циклопические сооружения (каменные башни), крепости, появление которых связывают с переходом к городскому типу поселений. Закавказские города становятся важными опорными пунктами торговых маршрутов, соединявших Кавказ и южнорусские степи с переднеазиатскими экономическими центрами.

Особенностью периода является широта обменных процессов. На пространстве Восточной Европы находят клады XV–XII вв. до н.э., в которых встречаются предметы сибирского, эгейского, центрально-европейского, месопотамского, иранского, китайского происхождения.

В этот период на юге Восточной Европы появляется первая историческая общность, которую можно охарактеризовать как этническую. Это были киммерийцы, кочевавшие в Северном Причерноморье на рубеже II и I тысячелетий до н.э. Именно киммерийцы стали первым народом, попытавшимся монополизировать транзитную торговлю бронзовых цивилизаций с Восточной Европой.

К концу II тысячелетия до н.э. начинается экономический спад, переходящий на рубеже II–I тысячелетий до н.э. в глубокий упадок экономических связей общин Русской равнины с соседними регионами. Бронзовый коллапс, больно ударивший по старым экономическим центрам, отозвался и на перифериях мир-экономики⁷.

В XI–IX вв. до н.э. наблюдается резкий обвал культурно-технологических обменов на всем пространстве Афроевразии, включая Восточную Европу. Переход к железоделательной металлургии подорвал сложившуюся систему обменов, сделав неэффективной основу древнего товарооборота — торговлю металлом. Широкое распространение железной руды, в том числе и в лесной полосе, затормозило процессы социального расслоения и привело к сокращению торгово-экономической деятельности. На пространстве Восточной Европы начинается демографический спад, резко уменьшается число торгово-ремесленных центров, угасают торговые пути, сокращается горно-металлургическое производство.

Восточная Европа в греческой мир-экономике (800–200 до н.э., ранний железный век)

В конце IX — начале VIII в. до н.э. происходит оживление торговой активности. В западной части Афроевразии формируется несколько торгово-экономических систем, крупнейшими из которых были финикийская, греческая и ассиро-персидская. Основной товарооборот в I тысячелетии до н.э. давала морская торговля. Передовым изобретением эпохи стал косой парус, позволявший легко идти при боковом ветре. Финикийские и греческие суда бороздили средиземноморские просторы, заходили в Атлантику, в акваторию Черного (Понт Эвксинский) и Азовского (Меотиды) морей.

⁶ Авдусин Д.А. Основы археологии. М.: Высшая школа, 1989.

⁷ Вийяр П. Начало железного века: Открытие обработки металлов и его последствия // История человечества. Т. II / Под ред. А.Х. Дани, Ж.-П. Мозна. М.: UNESCO: Магистр-Пресс, 2003. С. 58.

Локомотивом формирования новой торгово-экономической системы в бывшей Циркумпонтийской области стала Великая греческая колонизация (VIII–VI вв. до н.э.). На пространстве Восточной Европы оживают обменные процессы, расцветает торговля. Основные товаропотоки движутся к побережью Понта и Меотиды, где возникает целая сеть греческих колоний, занимавшихся транзитной торговлей. Богатство таких городов Северного Причерноморья, как Ольвия, Пантикапей, Херсонес, Феодосия, Горгиппия, Танаис, свидетельствует об активности торговых обменов. Восточная Европа стала частью греческой мир-экономики.

В VIII–VII вв. до н.э. железный век входит в силу на всем пространстве Восточной Европы, включая северные окраины лесной полосы. В VIII–VI вв. в разы возрастает число изделий из железа. Использование железных орудий позволило значительно увеличить производительность земледельческих работ, что, в свою очередь, стимулировало развитие ремесла и торговли.

Основным продуктом, обеспечивавшим товарооборот в греческой мир-системе, стал хлеб. Помимо хлеба, греки вывозили из Восточной Европы скот, кожи, меха, мед, рыбу, икру, янтарь, драгоценные и полудрагоценные камни. Важной статьёй экспорта из Восточной Европы оставались лошади. С развитием мореплавания значимым предметом торговли стал строевой лес. К этому же периоду относится начало использования кавказской нефти и битума в строительных целях. Предметами греческого экспорта были оливковое масло, вино, керамика, ткани. Активно вели греки и транзитную торговлю. Продолжалась торговля металлом и металлическими изделиями.

Оставляет много вопросов проблема античной работорговли. Начавшаяся в середине I тысячелетия до н.э. «эпоха классических империй», сопровождавшаяся кровопролитными войнами и многотысячными завоевательными походами, строительством трансрегиональных магистралей и грандиозных городских сооружений, стала эпохой формирования «классического рабства». Многие источники повествуют о невольничьих рынках и процветании торговли людьми. Однако главным товаром в системе греко-причерноморских обменов раннего железного века все-таки были не рабы, а пшеница, на торговле которой зиждилась структура международного рынка.

Особенностью данного цикла стало введение денежной торговли. Первые монеты, как полагают, были введены в малоазийской Лидии в VII в. до н.э., а стандарты содержания в монетах золота и серебра введены лидийским царем Крезом в VI в. до н.э. Появились монеты и в греческом Причерноморье. Помимо денег, важным элементом мир-экономики, является система мер и весов. В середине I тысячелетия до н.э. греческая система мер и весов утвердилась на всем пространстве, прилежащем к Эгеиде. Использовалась она и в Восточной Европе.

Огромную роль в истории системных связей Северного Причерноморья сыграло Боспорское царство со столицей в Пантикапее (Керчь). Образованное в V в. до н.э. вокруг Керченского и Таманского полуостровов, оно было важнейшим экспортером товаров из Причерноморья в Грецию. В I в. до н.э. земли Боспорского царства отошли под власть Рима.

В I тысячелетии до н.э. на землях полукочевых племен юга Восточной Европы появились предгосударственные, а, возможно, и раннегосударственные образования. Неизвестно, насколько близко к процессу государствообразования подошли киммерийцы, господствовавшие в регионе до VII в. до н.э. Вытеснившие их скифы

находились на стадии позднеархаического или раннегосударственного строя. В VI в. до н.э. они осуществили завоевательные походы в Малую Азию, воевали с Персией. В IV в. до н.э. у скифов сложилось устойчивое политическое образование, прерогативы которого распространялись на территорию всего северо-западного Причерноморья. При царе Атее в IV в. до н.э. они успешно воевали с осаждавшими их границы с юго-запада македонскими царями и наместниками. Скифы контролировали хлебную торговлю с Грецией, составляя конкуренцию могущественному Боспорскому царству. Их могущество было подорвано вторжениями сарматов в III в. до н.э., вытеснивших скифов в Крым, откуда те продолжали успешно контролировать хлебную торговлю в западном Причерноморье до нашествия готов в III в. н.э.

I тысячелетие до н.э. — это первый период в истории Восточной Европы, обеспеченный письменными источниками. Важнейший из них принадлежит Геродоту (ок. 484–425 гг. до н.э.). По свидетельству «отца истории», Северное Причерноморье, а также земли к северо-востоку от Меотиды населяли скифы: «Ближе всего от торговой гавани борисфенитов (Ольвия) (а она лежит приблизительно в середине всей припонтийской земли скифов. — *Т.Ш.*) обитают каллипиды — эллинские скифы; за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом. Севернее ализонов живут скифы-земледельцы. Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу. Наконец, еще выше их живут невры, а севернее невров, насколько я знаю, идет уже безлюдная пустыня. Это — племена по реке Гипанису к западу от Борисфена» (Геродот, IV, 17).

Рассказывая о преданиях скифов, Геродот несколько раз упоминает о священных предметах из золота, что свидетельствует об особом статусе этого металла. Многочисленные находки великолепных золотых предметов подтверждают высокий уровень скифских металлообрабатывающих технологий и материальной культуры в целом.

Основной товаропоток шел по Борисфену (Днепру), ставшему главной торговой артерией Восточной Европы. По нему и везли «золото» греко-причерноморской торговли — пшеницу. Видимо, по Танаису (Дону) товаропоток шел к степным районам Нижнего Поволжья, откуда через степь и правые притоки можно было достичь Волги, затем через Каму добраться до Урала. Эти земли были богаты скотом, рыбой, икрой, медом, медной рудой, золотом, камнем. Возможно, эпизодически из-за Урала еще доставлялось олово для изготовления бронзы, хотя трансевразийский оловянный путь к тому времени практически заглох. В пользу функционирования связей Северного Причерноморья с Уралом и Сибирью говорит широкое распространение в I тысячелетии до н.э. ареалов скифской культуры — от Приднепровья до Енисея.

Активно развиваются торговые связи на Кавказе. Через приморские города северокавказские земли имели прочные связи с греческим миром, через Закавказье и по Каспию — с Персией. Заметным явлением стала Кобанская (от с. Кобан в Северной Осетии) культура, имевшая широкие связи со степными культурами Северного Причерноморья, а также с Закавказьем и Персией. От степных народов кобанцы (земледельцы и скотоводы) в первую очередь заимствовали передовые на тот момент образцы конной упряжи, передаваемые ими далее в регионы Передней Азии. В этот период конь становится особо статусным предметом собственности

для кобанцев и других горцев, в богатых захоронениях встречаются элементы конной сбруи.

Бум достигается в середине тысячелетия, когда скифы атакуют Персию, на побережье расцветают греческие колонии, создается Боспорское царство. Затухание колониционной активности греков, великое греко-персидское противостояние, кризис классической полисной системы и ряд других факторов обусловили стагнацию экономического развития эпохи классической древности. Начиная с походов Александра Великого, предпринимаются попытки создать единую на всем западе систему взаимосвязей, подкрепленную политическими и правовыми институтами, однако экономика продолжает существовать в рамках сложившихся к середине I тысячелетия до н.э. отдельных систем.

В III–II вв. до н.э. социально-экономическое развитие региона переживает серьезный кризис, связанный прежде всего с ожесточением борьбы племенных и государственных объединений за контроль над стратегическими территориями.

Восточная Европа в римской мир-системе (200 до н.э.–IV н.э.)

В конце I — начале II тысячелетия до н.э. не только политическим, но и экономическим гегемоном на западе становится Рим, вокруг которого формируется устойчивая система мир-экономики, основанная на централизованном обращении серебра. Восточная Европа входит в эту систему в I в. до н.э. после поражения, нанесенного римлянами войскам понтийского царя Митридата. Расцвет восточно-европейской периферии римской мир-экономики происходит во II в. н.э. при императоре Траяне. С этого времени основой товарообменов в Восточной Европе становится римское серебро, количество которого позволяло сделать его эквивалентом стоимости практически всех товаров, циркулировавших по региону.

В I в. до н.э. — II в. н.э. территории Причерноморья и завязанные на них торговые маршруты всего региона начинают входить в состав новой торгово-экономической системы. В отличие от греческой, строившейся по принципу сети приморских колоний, занимавшихся транзитной торговлей, римская система функционировала в основном в рамках единой империи, а также на прилежащем пространстве. Главным предметом римского экспорта стало серебро, которое централизованно стекалось в Рим из всех частей империи в качестве налогов, а затем использовалось в качестве эквивалента стоимости всех товаров, продаваемых на территории государства, а также в торговле с внешними агентами. Через Рим было прокачено столько серебра, что сложно определить даже примерное его количество. Можно лишь сказать, что на территории Европы найдены тысячи и малых (по несколько монет), и больших, многокилограммовых кладов римских монет, а также изделий, изготовленных из римского серебра. В большом количестве находят их и в Восточной Европе, в основном на территориях, прилегавших к водным торговым артериям.

В рамках империи функционировала сеть прекрасных дорог, включая мосты, переправы, почтовые перегоны. Действовали единые законы и правила торговли. В центре и на перифериях римской мир-экономики утвердилась единая система мер и весов. В Царской России некоторые элементы этой системы сохранились до XX в.⁸

⁸ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1959.

Свою мир-систему Рим создал довольно быстро — в течение нескольких десятилетий, или, как писал Полибий, «в течение неполных пятидесяти лет».

Главным противником Рима на пути установления гегемонии был финикийский Карфаген, контролировавший юг и запад Средиземноморья. На континенте основным направлением экспансии стали галльские земли. Покорив галлов, римляне утвердили свои порядки на пространстве от Марселя до Нормандии и Бретани. С победой над Карфагеном Средиземное море превратилось во Внутреннее море, а Рим стал единственным лидером западной части афроевразийского пространства и центром новой торгово-экономической системы. Подчинить своей власти причерноморские территории римлянам почти не составило труда. «*Veni, vidi, vici*», — корреспондировал Цезарь после молниеносной победы над боспорцами.

На рубеже старой и новой эры на Афроевразийском пространстве установилась довольно стабильная двухполюсная система: Рим и императорский Китай. Отсутствие реальных конкурентов обеспечило процветание двух мир-экономик в течение нескольких веков. Именно в этот период установились постоянные связи Рима с Китаем, хотя, как утверждают, «ни один римский купец имперской эпохи лично не контактировал с китайскими купцами». Шелк, фарфор и другие изделия из Китая доставлялись посредством многократного перехода из рук в руки. Все заинтересованные посредники стремились поддержать стабильность данной системы, быстро возвращая ее к равновесию в случае колебаний, вызванных политическими причинами или внутрисоциальными конфликтами.

Показателен пример Боспорского царства. На рубеже II–I вв. до н.э. Боспорское царство, контролировавшее транзитную торговлю в северо-восточном секторе Причерноморья, стало ареной серии мощных социальных взрывов, самым крупным из которых было восстание рабов под предводительством Савмака. Пришедший на помощь боспорским правителям царь Понта Митридат Евпатор фактически захватил власть в Пантикапее, *de facto* присоединив их земли к своему государству. Создавший достаточно крупную державу Митридат оказался практически единственным сильным противником Рима в районе Малой Азии и Юго-Восточном Причерноморье. Начав наступление на римлян в Македонии, Митридат был разгромлен, а его земли стали римской провинцией. Так Северо-Восточное Причерноморье, а, следовательно, и вся стоявшая за ним торговая цепь оказалась в составе римской мир-экономики.

Во II в. н.э., при императоре Траяне, в римскую мир-систему вошла западная часть Восточной Европы. Перейдя Дунай и наладив переправы, Траян обеспечил непрерывное и прямое проникновение римских инструментов политической и экономической экспансии в Прикарпатье и Восточную Европу. Именно тогда существенная масса римского серебра перетекла в центральные земли Восточной Европы, оживив торгово-экономическую деятельность. Совпавшая с потеплением климата и благоприятными условиями для ведения земледельческих работ «Траянова эпоха» надолго осталась в памяти народа, населявшего юго-запад Русской равнины, как эпоха процветания и богатства⁹.

Таким образом, пространство Восточной Европы неоднократно становилось зоной экспансии/регрессии мир-экономических систем, складывавшихся и разрушавшихся на территории Афроевразии. Подъем и упадок в развитии данных систем был обусловлен рядом факторов: технологическими переворотами, изменявшими

⁹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1993.

систему и аграрного, и ремесленного производства; климатическими колебаниями, серьезно влиявшими на урожайность и рост народонаселения; крупными миграционными волнами, прокатившимися в этот период с востока на запад Афроевразии, а также более слабыми обратными потоками, двигавшимися с запада на восток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А. Основы археологии. М.: Высшая школа, 1989.

Вийяр П. Начало железного века: Открытие обработки металлов и его последствия // История человечества. Т. II / Под ред. А.Х. Дани, Ж.-П. Моэна. М.: UNESCO: Магистр-Пресс, 2003.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. М.: Наука, 1993.

Черных Е.Н. Metallургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. № 4. 1978.

Юшкова М.А. Эпоха бронзы и ранний железный век на северо-западе России: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1959.

Archaeometallurgy in Global Perspective: Methods and Syntheses / Ed. by B.W. Roberts, C. Thornton. N.Y.: Springer, 2014.

Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Frank A.G., Thompson W.R. Early Iron Age economic expansion/contraction revisited // Globalization and Global History / Ed. by B. Gills, W. Thompson. L.; N.Y.: Routledge, 2006.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

М.А. Каверин*

ПРЕОДОЛЕНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ АНАРХИЧНОСТИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫМИ ИНСТИТУТАМИ¹

M.A. Kaverin

MITIGATING NEGATIVE PHENOMENA OF INTERNATIONAL ANARCHY BY INTERNATIONAL INSTITUTIONS

В статье проведен анализ взглядов основных школ международных отношений на явление анархичности системы международных отношений в исторической перспективе. Выявлена роль международных институтов в снижении значимости данного общесистемного феномена. Определено направление развития международной анархии в условиях становления системы глобальной политики.

***Ключевые слова:** международная анархия, международные институты, система международных отношений, глобальное управление, система глобальной политики.*

The analysis of major schools of international relations on the subject of international anarchy is carried out in the article in historical perspective. The role of international institutions is identified in reducing of negative aspects of international anarchy. The tendency of its development is defined in the context of emergence of global political system.

***Key words:** international anarchy, international institutions, system of international relations, global governance, global political system.*

Явления международной анархии отражаются в структуре системы международных отношений, характере взаимодействия ее элементов, влияют на проходящие в ней процессы, изменяются в ходе ее эволюции. Современная международная система структурно неоднородна. Государства взаимодействуют не только друг с другом, но и с все более возрастающим числом негосударственных транснациональных акторов, что порождает взаимозависимость и усложнение связей, трансформацию отношений власти, ослабление суверенитета, размывание границ между внутренней и внешней политикой, проницаемость государственных границ, становление глобального гражданского общества. Масштаб политических процессов приобрел общепланетарный характер. Научно-технический прогресс, развитие информационных технологий, средств коммуникации и связи составили

* Каверин Михаил Андреевич — аспирант ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ Исследование осуществлено в рамках проекта 14-11-00634 Российского научного фонда «Математические методы прогнозирования мирового и станового социально-экономического развития».

материально-техническую базу существования единого, глобального и в то же время неоднородного, фрагментированного мира.

Мирополитическая система чувствительна к незначительным изменениям в функционировании ее элементов и подсистем. Эволюция взаимодействий сообществ определяется процессами глобализации, характеризующимися усилением и усложнением взаимозависимости между всеми элементами, ведущей к развитию социоприродной целостности и формированию системы глобальной политики. Последняя представляет собой систему глобальной стратификации акторов мировой политики, совокупность взаимодействующих и взаимозависимых глобальных институтов политической власти и управления². Основная роль международных организаций в качестве акторов системы глобальной политики заключается в обеспечении связей между ее элементами путем реализации глобального регулирования и управления. Происходящие трансформации на современном этапе развития современной глобальной политической системы делают ее менее предсказуемой и управляемой. Ключевой становится проблема формирования глобального управления как института, способного в условиях неоднородности элементов системы и их отношений, комплексности процессов ее развития обеспечить стабильный миропорядок.

В теории международных отношений анархия занимает центральное место как фундаментальная особенность международной системы. Р. Гилпин определяет природу международных отношений как постоянную борьбу за власть и благосостояние между независимыми акторами в состоянии анархии. Он отмечает, что «в межгосударственных отношениях существует высокий уровень порядка, несмотря на то что международная система анархична (отсутствие формального правящего субъекта), в системе существует элемент контроля над поведением государств»³. Порядок возникает стихийно как результат взаимодействия государств. Р. Аксельрод формулирует вопрос о том, «в каких условиях возникает кооперация в эгоистическом мире без центральной власти (*near anarchy*. — М.К.)»⁴.

М. Вайт отмечает, что «в международной системе отсутствует система управления»⁵, анархия отличает международную политику от внутригосударственной, в которой борьба за власть регулируется законами и институтами, а в международной политике сферы компетенций законов и институтов управляемы и ограничены борьбой за власть. Анархия означает отсутствие органов власти (*authority*), принуждающих государства соблюдать соглашения: «государства существуют в состоянии вечной анархии, так как не существует единого центра власти, навязывающего ограничения в достижении государственных интересов»⁶. Таким образом, наиболее существенное в международной анархии — это отсутствие легитимности институтов и законов, посредством которых осуществляется управление.

Х. Булл отмечает, что в межгосударственной системе всегда существует порядок, проявляющийся в форме «международного общества», создающего образцы взаимодействий, содержащие основные цели сообщества государств. Анархию

² Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. С. 13–14.

³ Цит. по: Kratochwil F., Mansfield E.D. International Organization and Global Governance: A Reader. N.Y.: Pearson Longman, 2006. P. 5.

⁴ Ibid. P. 4.

⁵ Ibid. P. 10.

⁶ Ibid. P. 10–15.

он понимает, как отсутствие международного правительства, а не как отсутствие управляемости и легитимности⁷. В «анархичном обществе» (*anarchical society*) существуют правила и институты как принципы взаимодействия: суверенитет, международное право, дипломатия, баланс сил.

Неоднородность структуры системы глобальной политики, связанная с различным уровнем экономической и политической мощи государств, возможностями межгосударственного сотрудничества, создания политических альянсов и экономической интеграции, говорит о неоднородности международной анархии на разных уровнях и подсистемах системы глобальной политики. Характер изменений в современной мирополитической системе снижает предсказуемость путей ее развития и устойчивость международных институтов⁸. С точки зрения либеральной теории международных отношений «анархичность никогда не была полной, возникновение и развитие международных институтов, распространение и усиление международных режимов вносят все большую упорядоченность и регулируемость в отношения международных участников»⁹. Это положение развито в школе нелиберального институционализма (транснационализма)¹⁰, которая изучает явление комплексной взаимозависимости мира, отражающей его целостность и регуляризацию кооперативных взаимодействий в международных отношениях. Под влиянием процессов глобализации в системе «комплексной взаимозависимости» появляются сетевые структуры, что обеспечивает гибкую систему политических коммуникаций, дополняемую деятельностью глобальных СМИ и международных организаций¹¹.

Определение анархии как отсутствие управления, общепризнанного института власти распространено в теории международных отношений. В трактовке К. Уолтса, основывающейся на веберовской традиции, внимание акцентируется на отсутствии института наднационального «государства» как легитимной монополии на применение силы, централизованного контроля над применением насилия. Он определяет анархию как условие возникновения причины для войны: войны случаются, потому, что нет ничего, чтобы их предотвратить¹². Логика анархии заключается в том, что самопомощь и политика силы — необходимые особенности мировой политики, природу которой изменить нельзя. Анархичность является основной характеристикой структуры системы международных отношений, из которой следуют все ее остальные особенности. Уолтс понимает международную анархию как «один конец континуума, на другом конце которого легитимное централизованное государство как верховная власть» и отмечает, что война не есть увеличение анархии, а формирование политического альянса, интенсификация транснациональных взаимодействий — не являются снижением уровня анархизма, так как анархия —

⁷ Bull H. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. N.Y.: Columbia University Press, 1977.

⁸ Rosenau J. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press, 1990.

⁹ Цыганков П.А. *Теория международных отношений*. М.: Гардарики, 2007. С. 41.

¹⁰ Keohane R.O. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press, 2005.

¹¹ Slaughter A.M. *A New World Order*. Princeton: Princeton University Press, 2004.

¹² Waltz K.N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. N.Y.: Columbia University Press, 2001.

структурная, а не процессуальная характеристика¹³. В анархичной международной системе могут существовать подсистемы, обладающие разной структурной организацией в пределах описанного выше «континуума»¹⁴. Международно-политические системы, подобно самоорганизующемуся рынку, появившись в результате совместного действия преследующих свои интересы участников, сами по себе становятся силой. В структуре, возникающей стихийно, определяется сила, мощь государств на основе их возможностей. Взаимозависимость и интеграция обусловлены имеющимися в собственности каждого государства ресурсами и межгосударственной специализацией, разделением труда. Чем более специализировано государство, тем больше оно зависит от других, стремится защитить источники своего благосостояния. Стратегии развития государств должны быть направлены не только на достижение их собственного блага, но и на благо всей системы. Глобальные проблемы есть результат принятия решений без учета этого положения. В условиях международной анархии государства могут рассчитывать только на свои возможности, так как велика вероятность непредвиденных событий, но организационные издержки минимальны. Избежать рисков или снизить их возможно с помощью перехода от координации действий к субординации (организационные издержки повышаются с усилением иерархии). Эффективность централизованной власти означает защищенность политической структуры за счет ограничения свободы действий ее элементов, в условиях анархии свобода в достижении интересов государств ограничивается мощью более сильных.

Б. Бузан говорит, что концентрация взаимодействий в международных отношениях в исторической перспективе влияет на анархичность системы¹⁵. На ранних стадиях существования межгосударственную систему можно было описать как анархичную, не имеющую всеобъемлющей структуры (в понимании Уолтса). Политические взаимодействия по количеству и характеру были немногочисленны и бедны, но именно на базе социальных и особенно экономических контактов формировались политические идентичности и интересы, которые породили межгосударственную систему. Как только государства начинают взаимодействовать на основе властных отношений, появляются политическое и стратегическое измерения сначала локального и регионального характера. Затем с целью уменьшения издержек взаимодействия со средой такие подсистемы образуют общую структуру межгосударственной системы или же стремятся к сохранению своей идентичности и существуют в изоляции от других подсистем.

Р. Эшли критикует исходные положения К. Уолтса о международной анархии, говоря, что они не учитывают многие особенности современной структуры международных отношений¹⁶. Международная анархия — многогранный, дифференцированный феномен, существующий в конкурирующих проявлениях в межгосударственных отношениях. Критика Эшли анархии Уолтса как одномерной и

¹³ *Art R.J.* International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues. N.Y.: Prentice Hall, 2006. P. 47.

¹⁴ Подобный анархичный порядок (анархичный способ организации) влияет на возможности кооперации, рамки соглашений о применении силы, юрисдикцию международных организаций.

¹⁵ *Buzan B., Jones C., Little R.* The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism. N.Y.: Columbia University Press, 1993.

¹⁶ *Ashley R.K.* Untying the Sovereign State: A Double Reading of the Anarchy Problematique // Millennium. Journal of International Studies. 1988. Vol. 17, N 2.

неадекватной концепции основывается на следующих противоречивых положениях: люди — не свободные акторы, так как их жизнь контролируется невидимыми, нераспознаваемыми структурами, и в то же время люди — свободные акторы, так как могут организовать свою жизнь так, как они того хотят. Эшли выдвигает следующие соображения:

- без идентификации, угрожающей международной анархии, не может быть представления о защищенном национальном обществе;
- расширение влияния современного государства на национальное общество упрочняет границу между национальным и межнациональным обществом;
- устойчивость понимания внутrigосударственного пространства поддерживается в условиях более масштабных международных угроз;
- описывая международное общество в негативном свете, создается проблематичное «двусмысленное» пространство, предполагающее существование новых проблем;
- Уолтс не упоминает «острова» регионального порядка в международном «хаосе».

Эшли видит в дихотомии «суверенитет — анархия» то, что первый элемент — высшая реальность, регулятивный идеал, а второй воспринимается в основном как производное от первого, нечто негативное — неспособность достичь идеала, угрожающее ему. Точку зрения о том, что внутреннее устройство государств упорядочено, а их внешние отношения анархичны, Эшли считает одним из существенных недостатков современной теории международных отношений. Чтобы упорядочить межгосударственные отношения, суверенитет должен быть заменен системой высшего порядка. Например, в кантианской трактовке таким «высшим порядком» служит либеральная демократия. Демократические государства не посягают на суверенитет друг друга, но воспринимают недемократические государства в качестве угрозы безопасности в анархичном мире. По мнению Эшли, необходимо говорить не о «международном управлении», а о «цели международного развития» (“*international purpose*”)¹⁷. Это понятие формируется посредством дискурса, подразумевающего протяженность во времени и пространстве, и объективирует устойчивые структуры, которые создают «эффект пространственной и временной протяженности и совместного руководства»¹⁸, что позволяет избежать нарушений, а также создать продолжительные границы суверенитета.

Эшли определяет две основные конкурирующие концепции международной анархии: мир конкурирующих государств (Уолтс) и транснациональный или плюралистический мир конкурирующих групп интересов (ранние Кеохейн и Най). Уолтс не учитывает структурные трансформации современной мирополитической системы. Он отвечает на эту критику тем, что последние могут быть отображены только на другом уровне анализа¹⁹. К тому же Уолтс говорит, что изменения системы государств от Средневековья до XX в. обусловлены изменением природы самих государств, а не структуры системы международных отношений. Он указывает на то, что важен вопрос, почему действия государств имеют одинаковую форму в условиях анархичности системы. Например, согласно этому положению,

¹⁷ Ashley R.K., Walker R.B.J. Speaking the Language of Exile // International Studies Quarterly. 1990. Vol. 34, N 3.

¹⁸ Ibid. P. 259–268.

¹⁹ Buzan B., Jones C., Little R. Op. cit.

если средневековое децентрализованное государство трансформируется в национальное государство, то и другие государства претерпевают то же изменение. Его теория верна для уровня межгосударственной структуры, но не рассматривает то, каким образом возникают изменения в структуре. Подобно Э. Дюркгейму, К. Уолтс считает, что элементы и структура системы взаимно влияют друг на друга, причем процессы на уровне элементов — источник изменений в системе и самой системы. Проблема системных трансформаций, по Уолтсу, может быть решена на элементарном уровне анализа, тем не менее анархия — долговременное, если не постоянное, свойство межгосударственных отношений. Трансформация системы межгосударственных отношений возможна, если упорядочивающий принцип анархии сменится принципом иерархии.

А. Вендт рассматривает феномен международной анархии с позиций конструктивизма. В своей критике модели Уолтса он отмечает, что определение структуры межгосударственных отношений без определения идентичностей и интересов не может отобразить «содержание или динамику анархии»²⁰. Акторы имеют соответствующие идентичности — относительно стабильные ожидания и понимания со стороны других акторов, появляющиеся в условиях взаимодействия. Идентичность существует в специфическом социально сконструированном мире и является базой интересов акторов (интересы формируются в процессе познания обстановки, ситуации). Институт — относительно стабильная совокупность идентичностей и интересов, находящихся в процессе развития, коллективное знание, убеждение, чаще всего кодифицированное в формальных правилах и нормах, возникшее в процессе познания (*cognition*). Вендт утверждает, что самопомощь и политика силы — институты, возникшие в результате процессов, происходящих в анархичной межгосударственной среде. В существующей межгосударственной системе когнитивная идентификация отличается по характеру: от концертов до соглашений о коллективной безопасности. История межгосударственных взаимодействий раскрывает характер существующих отношений.

Неореалисты предполагают, что идентичности и интересы неизменны, поэтому и все международные институты по своей природе нестабильны. Анархия понимается как способ взаимодействия, конструирующий идентичности и интересы, которые, в свою очередь, способны создать систему, устойчивую к изменениям. В итоге трансформаций может возникнуть не только «война всех против всех», но и «позитивная взаимозависимость» — коллективный интерес, институализированный в нормах, новых формах социального знания. Трансформации интересов и идентичностей через развитие кооперации — процесс пошаговый и медленный. Акторы переосмысливают свои цели, стремясь реализовать совместную выгоду. Причины международной анархии Вендт видит в том, что акторы не могут быстро изменить параметры контекста взаимодействия, так как нет «действительного отражения» (*substantial reflection*) их изменения, а поэтому и не существует политических механизмов трансформации этих параметров. К тому же в развитии истории кооперации акторы должны позитивно идентифицировать друг друга, быть нацелены на достижение абсолютных преимуществ, однако на практике мы видим недоверие и соревновательное мышление. Относительная неизменность идентичностей и интересов обусловлена склонностью акторов к привычным для них, а

²⁰ Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. N 46.

не творческим действиям. Осознанное стремление к изменению имеет под собой два основания: должна быть причина для нестандартной идентификации другого, ожидаемые издержки подобного изменения не должны быть выше «прибыли». «Я прихожу к выводам, отличным от выводов Уолтса... Он считает, что первичность материальной мощи и устойчивость национальных интересов неизбежно придадут международной анархии аморальность, которую можно преодолеть только при помощи всемирного органа управления. Я же полагаю, что первичность идей и уступчивость в интересах означает, что “анархия — это то, что государства делают из нее”»²¹. Мировое государство как выражение «минимального условия для мирового порядка» может возникнуть в итоге развития системы международных отношений²². Причина возникновения мирового государства — «телеологическая логика анархии», в условиях которой происходит эволюция сознания политических акторов на основе самоорганизационных процессов трансформации идентичностей и интересов. В идеализированном, предельном случае мировое государство в той или иной форме есть итог всех возможных путей развития глобальной политической системы.

Феномен международной анархии оказывает ключевое воздействие на формирование системы глобальной политики и системы управления в ней, так как представляет собой один из основных параметров системы международных отношений, который незначительно изменяется с течением времени. «Война всех против всех» и «мировое государство» выражают предельные состояния международных отношений и вряд ли возможны в будущем. Становление целостной политической системы глобального мира означает серьезное преобразование международных отношений и институтов. Проявления международной анархии, в свою очередь, ослабевают в ходе развития международных и глобальных норм и правил, становления институтов глобального управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013.

Международные отношения: Социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 1998.

Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2007. С. 41.

Ashley R.K. Untying the Sovereign State: A Double Reading of the Anarchy Problematique // Millennium — Journal of International Studies. 1988. Vol. 17, N 2.

Ashley R.K., Walker R.B.J. Speaking the Language of Exile // International Studies Quarterly. 1990. Vol. 34, N 3.

Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N.Y.: Columbia University Press, 1977.

Buzan B., Jones C., Little R. The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism. N.Y.: Columbia University Press, 1993.

Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Kratochwil F., Mansfield E.D. International Organization and Global Governance: A Reader. N.Y.: Pearson Longman, 2006.

²¹ *Wendt A.* Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics.

²² *Wendt A.* Why a World State Inevitable: Teleology and the Logic of Anarchy. 2003. URL: <http://www.comw.org/qdr/fulltext/03wendt.pdf> (дата обращения 03.10.2014).

Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990.

Slaughter A.M. A New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Waltz K.N. Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. N.Y.: Columbia University Press, 2001.

Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. N 46.

Wendt A. Why a World State Inevitable: Teleology and the Logic of Anarchy. 2003. URL: <http://www.comw.org/qdr/fulltext/03wendt.pdf> (дата обращения 03.10.2014).

В.А. Нестеренко*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ РОССИЕЙ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

V.A. Nesterenko

REGIONAL ASPECTS OF RUSSIAN POLICY OF “SOFT POWER”

В статье анализируются причины обращения российского правительства к политике «мягкой силы». Конфликт между Грузией и Южной Осетией стал поворотным моментом для России — правительство осознало важность поддержания привлекательного образа за рубежом. Рассмотрены региональные аспекты выстраивания Россией политики «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», имидж государства, Россотрудничество, регион.

This article focuses on the Russian “soft power”. The conflict between Georgia and South Ossetia was a turning point for Russia. Government has created organizations that are engaged in the maintenance of image abroad. Each region has its own characteristics, so Russia should build its policy of “soft power” according to the peculiarities of the region.

Key words: “soft power”, state image, Rossotrudnichestvo, region.

Во второй половине 2000-х гг. руководство Российской Федерации активно начинает использовать понятие «мягкая сила». Само понятие, ставшее впоследствии одной из значимых концепций в мировой политике, было введено американским политологом, профессором Школы социального управления им. Дж.Ф. Кеннеди в Гарвардском университете Дж.С. Наем, который занимался разработкой этого направления с 1980-х гг. Он определял «мягкую силу» как способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек¹. В целях реализации данного направления во внешней политике страны 6 сентября 2008 г. Указом Президента Д.А. Медведева создается Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)². Данная организация, подведомственная МИДу РФ, призвана придать новое качество всему комплексу взаимоотношений

* *Нестеренко Валерия Александровна* — магистрант первого курса ф-та глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ *Nye J.S.* Soft power. The means to success in the world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. P. 10.

² Указ Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12062267/> (дата обращения: 08.05.2013).

России в культурно-гуманитарной сфере как с дальним зарубежьем, так и на постсоветском пространстве.

В настоящий момент Россотрудничество считается основным инструментом политики «мягкой силы» России, следовательно, встает вопрос, с чем же связано создание новой организации? Какие события повлекли за собой новый виток в активизации культурных связей?

Серьезное повышение роли «мягкой силы» в политике Запада, усиление значения морально-политической аргументации в его риторике, давление на Россию в плане «конфликта ценностей» и практика революций «нового поколения» (например, «цветных революций» на постсоветском пространстве и «арабской весны») сделали востребованной проблематику повышения эффективности российской внешней политики за счет улучшения имиджа страны за рубежом³.

Однако поворотным моментом в активизации инструментов «мягкой силы» России и сильной обеспокоенности имиджем страны стал конфликт между Грузией и Южной Осетией. Россия активно вмешалась в события в регионе, что не нашло отклика у западной общественности. Скорее наоборот, события августа 2008 г. представлялись за границей как провокация со стороны России. Наше правительство настаивало на признании геноцида, проводимого грузинским руководством на территории Южной Осетии, тогда как на Западе бытовало мнение, что нужно провести независимое расследование таких громких заявлений. Однако российское руководство приняло другое решение, Россия вмешалась в конфликт, а Запад заговорил о ее вторжении в Грузию. «Благодаря» этому событию Грузия стала намного более узнаваемой в мире. Россия в этом случае, конечно же, проиграла пропагандистскую войну, резко упало одобрение российских действий в мире, имиджу страны был нанесен страшный удар⁴.

Заявления о том, что Россия фактически проиграла информационную войну, не обосновательны. Западные СМИ проводили параллели с холодной войной, вновь вернувшись к определению России как гегемона и захватчика. Таким образом, зарубежная общественность дала понять, что не отказалась от формулы «Россия — враг». Об этом свидетельствуют цитаты из западной прессы. Россию обвиняли в желании сохранить свою гегемонию на Кавказе, в том, что она расставила ловушки против Грузии, которую на Западе воспринимали не иначе как жертву конфликта, активно желающую вступить в ЕС и НАТО. В этой связи интересно сравнить образы В. Путина и М. Саакашвили, созданные в иностранных средствах массовой информации. Так, президента России сравнивали с такими политическими деятелями, как Ху Цзиньтао и М. Ахмадинежад, называли «кукловодом», а глава Грузии был представлен как харизматичный и прогрессивный лидер, следующий демократическим ценностям.

Естественно, такое отражение событий в прессе не могло не сказаться на имидже России. Наглядным примером могут служить результаты ежегодного опроса, который проводится по заказу Би-би-си. Число тех, кто считал, что Россия играет в

³ «Мягкая сила» России в новом тысячелетии: Имеющийся потенциал и перспективы развития // Справочно-аналитический материал к заседанию Российского общественного совета по международному сотрудничеству и публичной дипломатии. М.: Пресс-служба Общественной палаты РФ, 2012. С. 14.

⁴ Россия — Грузия — войны не будет. Интервью А. Калиха [Электронный ресурс] // Newcaucasus. 28.01.2012. URL: <http://newcaucasus.com/index.php?newsid=5460> (дата обращения: 12.05.2013).

мире отрицательную роль, выросло сразу на восемь пунктов — с 34 до 42%, лишь 30% считали наоборот. В частности, в Европе позитивный рейтинг России упал с 51 до 31%⁵.

Таким образом, значительное падение положительных оценок России за рубежом толкнуло правительство к поиску средств для исправления сложившейся ситуации. Сразу стало ясно, что дальнейшее использование жестких методов не повлечет за собой повышение рейтинга, скорее, усилит образ «врага», а значит, действовать надо другими методами. Именно в тот момент руководство страны обращается к понятию «мягкая сила», и через месяц после конфликта с Грузией создается новая организация — Россотрудничество.

Агентство существует уже больше пяти лет, поэтому, подводя итоги его деятельности, необходимо отметить, что за это время был пройден подготовительный этап, который включал в себя создание нормативно-правовой базы, разработку программ и выделение ключевых направлений деятельности. Теперь оно должно служить эффективным механизмом реализации «мягкой силы» России.

Главный региональный приоритет политики «мягкой силы» России — постсоветское пространство. Здесь гораздо проще использовать механизмы «мягкой силы» в связи с тем, что страны связаны и общим прошлым, и исторической памятью, и близостью культур и менталитета. Таким образом, имеются все предпосылки для усиления своего культурного влияния. Россия активно способствует развитию взаимодействия государств — участников СНГ в гуманитарной сфере на базе сохранения и приумножения общего культурно-цивилизационного наследия, которое в условиях глобализации является важным ресурсом Содружества в целом и каждого его государства в отдельности. Особое внимание уделяется поддержке соотечественников, проживающих в странах СНГ, защите на основе взаимных договоренностей их образовательных, языковых, социальных, трудовых, гуманитарных и иных прав и свобод⁶.

Одним из важнейших показателей успеха российской политики «мягкой силы» в СНГ является то, что МГУ имени М.В. Ломоносова занял первое место в рейтинге вузов на постсоветском пространстве. Это ясно показывает, что российское образование востребовано, а деятельность Россотрудничества по проведению тестовых испытаний по отбору граждан для обучения в российских вузах дает определенные результаты. Со времен Советского Союза обучение в лучших вузах Москвы и Санкт-Петербурга считалось престижным и перспективным, и пока российские вузы будут занимать лидирующее место в СНГ, для России будет сохраняться основа для продвижения «мягкой силы» в регионе.

В отличие от постсоветского пространства, России тяжелее подобрать методы, чтобы оказывать нужное воздействие на ситуацию внутри других стран или регионов. Однако определенные попытки внедрения в общественную жизнь других стран предпринимаются через Российский центр науки и культуры и другие фонды.

⁵ Россия упала в глазах других стран [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 9.02.2009. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7873000/7873561.stm (дата обращения: 12.05.2013).

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. 12.02.2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 30.04.2014).

Российская «мягкая сила» во многом уступает аналогичной политике США или ЕС, но уже сейчас определенные события на международной арене становятся показательным примером и руководством к действию для российских властей. Одной из таких акций «мягкой силы» стал переезд Ж. Депардье в Россию, который может рассматриваться в двух плоскостях. С одной стороны, это послание российскому обществу, что хваленая жизнь в Европе не так уж хороша, если оттуда уезжают такие видные деятели культуры. С другой стороны, переезд Депардье — веский аргумент в споре между Россией и ЕС по поводу прав человека. У Москвы появилась возможность продемонстрировать: «вы обвиняете нас в нарушении прав человека, а у нас такая прекрасная демократическая страна, у нас так хорошо живется, что такие люди, как Депардье, предпочитают Россию»⁷. Предоставление временного убежища Э. Сноудену также является действием в стиле «мягкой силы». Оно означает, что Россия включается в борьбу за права человека на международном уровне. Это подтверждается опросом, проведенным Российским советом по международным делам, — больше 50% опрошенных считают, что предоставление убежища Сноудену повышает престиж России как страны, защищающей права человека⁸.

Занимая активную позицию по урегулированию ближневосточных проблем, Россия также повышает свое положение в мире. Именно Российская Федерация способствовала достижению прорывных решений и запуску работы по постановке сирийского химического оружия под международный контроль. Путь, который выбрала Россия, отвечал всем требованиям «мягкой силы» — дипломатическое урегулирование превалировало над силовыми акциями.

Также Россия выступает активным посредником в переговорах между Ираном и западными странами, что способствует укреплению ее позиций на международной арене. Таким образом, несмотря на то что Россия занимает противоречащую Западу позицию (которая, впрочем, помогает достигать мира), именно она может быть использована для улучшения образа РФ в глазах общественности других стран.

В силу географического положения Россия является как атлантической, так и тихоокеанской державой, следовательно, она имеет приоритеты на пространстве АТР. Как правило, она пытается продвигать свои интересы и улучшать имидж на международной арене прежде всего с помощью разного рода крупных мероприятий мирового уровня, например саммита АТЭС во Владивостоке в 2013 г.⁹ Перед его открытием существовало мнение, что Россия не справится со своей задачей, так как она еще не полностью вовлечена во все события, происходящие в Тихоокеанском регионе, еще не до конца осознала значимость региона и будет долго придерживаться проевропейской политики. Однако работа саммита, большое число площадок, на которых обсуждалось огромное количество проблем, касающихся как экономики, так и политики, показали, что Россия может и будет дальше активизировать свою политику в АТР. Саммит показал, что российская «мягкая сила» имеет все ресурсы и предпосылки для того, чтобы прочно обосноваться в регионе,

⁷ Мягкая сила Владимира Путина. Интервью с экспертом варшавского Центра восточных исследований В. Родкевичем [Электронный ресурс] // ИноСМИ. 15.04.2013. URL: <http://inosmi.ru/russia/20130415/208102426.html#ixzz31cwrHZ9v> (дата обращения: 15.05.2014).

⁸ Политическое убежище иностранным гражданам. Опрос [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/votes/index.php?vote_4=42&from_4=2 (дата обращения: 16.05.2014).

⁹ Казаков О. По пути «мягкой силы» // Россия в АТР. 2012. № 3.

даже несмотря на то что пока не может составить должной конкуренции таким региональным гигантам в этой сфере, как Китай и Япония.

Таким образом, Российской Федерации необходимо найти основу для продвижения своего благоприятного образа в каждом регионе в зависимости от его специфики. Расширение контактов между Россией и другими странами в русле «мягкой силы» безусловно будет способствовать улучшению имиджа нашего государства не только на региональном уровне, но и в мировом масштабе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Казаков О. По пути «мягкой силы» // Россия в АТР. 2012. № 3.

Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. 12.02.2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F

Мягкая сила Владимира Путина. Интервью с экспертом варшавского Центра восточных исследований В. Родкевичем [Электронный ресурс] // ИноСМИ. 15.04.2013. URL: <http://inosmi.ru/russia/20130415/208102426.html#ixzz31cwrHZ9v>

Мягкая сила России в новом тысячелетии: Имеющийся потенциал и перспективы развития // Справочно-аналитический материал к заседанию Российского общественного совета по международному сотрудничеству и публичной дипломатии. М.: Пресс-служба Общественной палаты РФ, 2012. С. 14.

Политическое убежище иностранным гражданам. Опрос [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/votes/index.php?vote_4=42&from_4=2

Россия — Грузия — войны не будет. Интервью А. Калиха [Электронный ресурс] // Newcaucasus. 28.01.2012. URL: <http://newcaucasus.com/index.php?newsid=5460>

Россия упала в глазах других стран [Электронный ресурс] // BBC Russian.com. 9.02.2009. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7873000/7873561.stm

Указ Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12062267/>

Nye J.S., Jr. Soft Power. The Means to Success in the World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.

Ying Fan. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. N 4.

СОБЫТИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ИТОГИ МОСКОВСКОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО САММИТА «НОВЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ»

20–24 мая 2014 г. в Московском университете по инициативе факультета глобальных процессов и Международной ассоциации глобальных исследований состоялся Московский междисциплинарный саммит «Новые глобальные вызовы».

В период международной нестабильности, в условиях санкций в отношении России проведение саммита продемонстрировало прочность международных научных связей факультета и университета, готовность российских ученых к диалогу и большой интерес зарубежных коллег к российской точке зрения.

Обсудить «новые глобальные вызовы» приехали более 100 участников, 25 из которых представляли другие государства: Австрию, Азербайджан, Армению, Белоруссию, Индию, Иран, КНР, Мексику, Республику Корея, США, Турцию, Украину, ЮАР и др. Руководители наиболее крупных делегаций выступили на торжественном открытии саммита.

Приветствие участникам саммита направил почетный президент Международной ассоциации глобальных исследований, ректор Московского университета академик В.А. Садовничий. Его огласил проректор МГУ Н.В. Семин. Виктор Антонович отметил, что в текущей международной ситуации «особенно важно не поддаваться на эмоциональные всплески информационных противостояний, а глубоко и серьезно, на хорошем научном уровне, на основе подходов разных дисциплин проанализировать и предсказать развитие ситуации, выявить потенциальные и значимые угрозы, наметить пути их преодоления». Ректор выразил уверенность в том, что «глобалистика и глобальные исследования, которые развивает молодой факультет глобальных процессов МГУ, способны решить эти задачи».

Организаторов и участников мероприятия приветствовал академик-секретарь отделения глобальных проблем и международных отношений РАН А.А. Дынкин, которому накануне в ИМЭМО РАН декан ФГП МГУ профессор И.В. Ильин вручил медаль «За выдающийся вклад в глобальные исследования», учрежденную в честь 150-летия В.И. Вернадского. В своем приветствии Александр Александрович отметил, что «в последние годы особое значение приобретает выработка нового взгляда на процессы глобализации, изменения политического и экономического мироустройства, который сочетал бы в себе глобальное мировоззрение и национальную специфику», и выразил надежду, что проводимый в МГУ саммит будет способствовать выработке и продвижению этого взгляда.

21 мая состоялись открытие саммита и пленарное заседание, основным докладом которого стало выступление профессора ФГП МГУ С.Ю. Малкова, посвященное оценке и прогнозу глобальной социально-политической и экономической ситуации методами математического моделирования с учетом различных природных процессов. Заседание завершилось выступлением В.А. Меньшикова, заместителя генерального директора программы Международной аэрокосмической системы

глобального мониторинга (МАКСМ), доктора технических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, в прошлом — главного инженера космодрома Байконур и научного руководителя Научно-исследовательского института космических систем — филиала ГКНПЦ им. М.В. Хруничева. Валерий Александрович рассказал о системе, о начавшемся сотрудничестве по формированию комплексной наземно-космической программы мониторинга социоприродных процессов с участием ФГП МГУ, а затем принял участие в процедуре подписания договора между программой МАКСМ и ФГП МГУ о создании в рамках программы сетевого филиала кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем на факультете глобальных процессов. Первый рабочий день продолжился проведением двух круглых столов по темам «Глобальные вызовы современности: пути их решения» и «Страны БРИКС: текущий потенциал и перспективы развития».

22 мая прошла масштабная презентация проекта Российско-иранского центра по изучению глобализации. В рамках саммита факультет посетила делегация из Иранского национального центра по изучению проблем глобализации. История двусторонних отношений факультета и Центра началась сравнительно недавно, в 2013 г., но уже сегодня можно отметить широкий спектр взаимодействий. Стороны обменялись планами и проектами совместной работы, а также отметили ее большой потенциал. Параллельно с презентацией проходил молодежный семинар «Иберо-Америка в глобальном мире», в котором приняли участие студенты и гости факультета. Следует отметить, что его посетили и иностранные участники саммита; они с живым интересом обсуждали актуальные вопросы и различные точки зрения, а после окончания семинара высоко оценили уровень подготовки и знаний студентов факультета глобальных процессов и МГУ в целом.

Важной частью второго рабочего дня саммита стало открытое заседание Президиума Международной академии глобальных исследований (МАГИ). На заседании обсуждали перспективы и направления развития Академии, а также ее символику, членство в ней и его статус. На сегодняшний день МАГИ уже получила статус региональной организации. На факультете глобальных процессов ведется большая работа по выводу Академии на международную площадку и открытию филиалов во многих странах мира. Обсуждение перспектив Академии вызвало особый интерес у иностранных участников саммита — многие из них выразили готовность вступить в нее.

23 мая, в последний день саммита, состоялись масштабные студенческие дебаты на злободневную тему «Роль России в глобальных саммитах». Студенты с большим интересом и желанием приняли участие в обсуждениях, особенно в свете последних международных событий. Дебаты продолжались дольше отведенного времени (более 3 часов) и собрали всех участников саммита, превратившись, таким образом, из студенческого в полноценное мероприятие саммита.

Среди итогов, или, точнее, следствий, Московского междисциплинарного саммита есть как краткосрочные, так и долгосрочные. Вовлечение студентов в научную жизнь факультета — одна из основных задач саммита. Они получили уникальную возможность высказать свою точку зрения и подискутировать о ней с иностранными участниками. Языковая практика была крайне обширна. Рабочими языками саммита были русский и английский, но студенты с удовольствием практиковались

в испанском, немецком и даже фарси. Ребята, сопровождавшие иностранную делегацию, получили организаторский, языковой и коммуникативный опыт.

Нельзя оставить без внимания и долгосрочные результаты саммита. Обсуждение дальнейших перспектив Международной академии глобальных исследований на мировой площадке дало значительный стимул ее развитию. На совместный Российско-иранский центр также возлагаются большие надежды, планируется, что он станет одним из ведущих международных центров по изучению глобализации.

А. Конухова, А. Розанов